

СЛОВО МОЛОДОГО
КОММУНИСТА.

Подросток
и свободное
время.

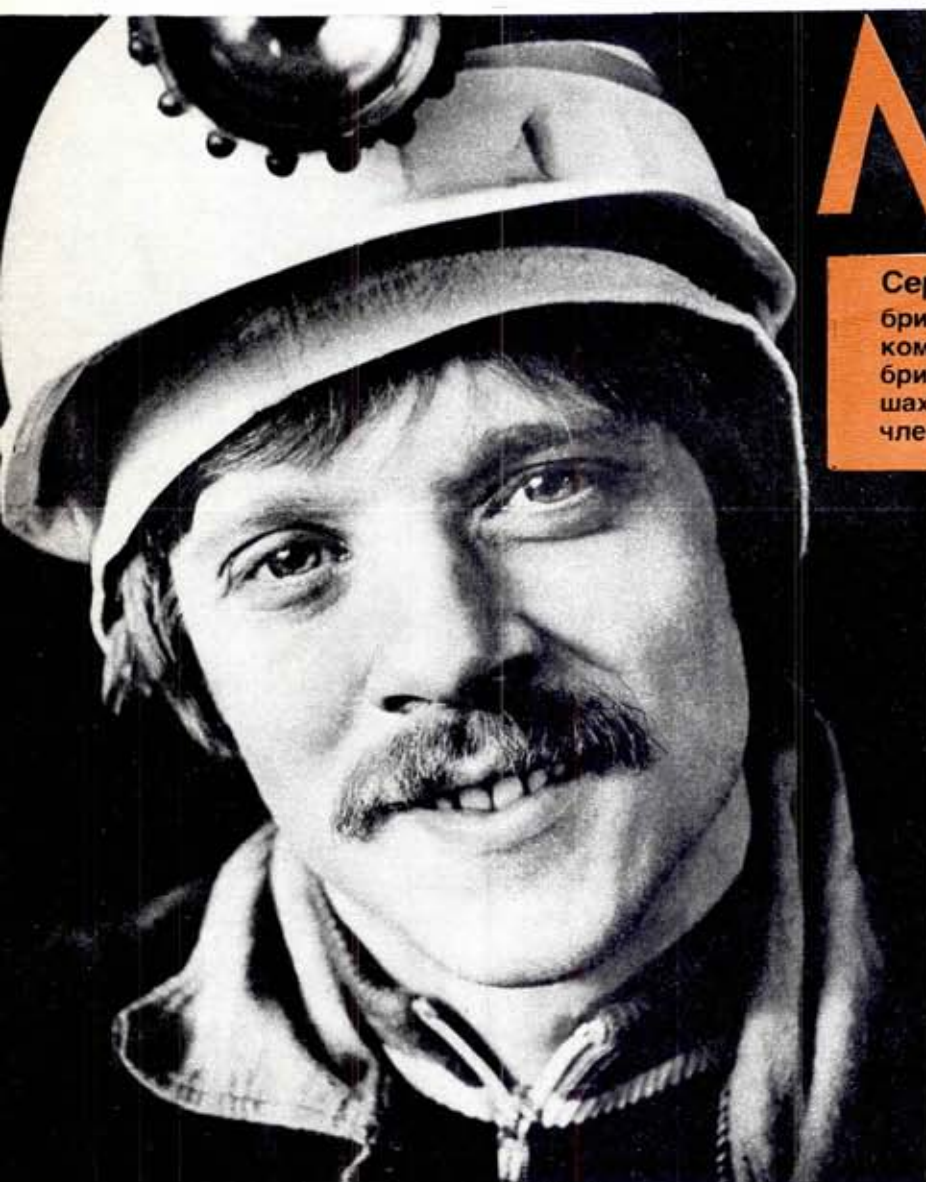
«СИЛУЭТЫ».
АННА
АХМАТОВА.

СМЕНА

ISSN 0131-6656

№ 3 (1409) ФЕВРАЛЬ 1986

МОЛОДО

Сергей БЫЧКОВ,
бригадир
комсомольско-молодежной
бригады проходчиков
шахты «Зырянская»,
член Новокузнецкого ГК ВЛКСМ

ЧТО П

Прямой, без умолчаний разговор о том, что наболело, что волнует ум, тревожит совесть, начатый на страницах журнала молодыми коммунистами, затронул проблемы, которые сегодня никого не должны оставить равнодушными. Потому что речь — о самом важном. О том, что решает, состоялся ли человек как профессионал, гражданин, личность.

Хорошо, что «Смена» начала новый год, новую пятилетку не с победных рапортов, а с откровенного, прямого разговора о трудностях и недостатках, нерешенных проблемах, — я имею в виду выступления ленинградского рабочего Юрия Кортунова, павлодарского инженера Алексея Пешкова, напечатанные в первом и втором номерах журнала. Но и они, по-моему, не до конца четко сформулировали причину многих наших бед — **расхождение между словом и делом.** Сейчас многие, почувствовав ветры перемен, происходящих в стране, стремятся перестроиться в духе времени, работать по-новому. В почете критика и самокритика. Но иные говорят много и правильно, а приглядишься — перестройка-то у них внешняя, и за новым «фасадом» все то же, что прежде: инертность, равнодушие, бездеятельность, нетребовательность.

Я сибиряк, и мне близко все, что происходит в нашем огромном регионе. По разным поводам да и без повода любят повторять изречение Михайлы Васильевича Ломоносова о том, что богатства страны прирастают будут Сибирью. Но создается впечатление, что иногда это понимают в таком смысле: мы, мол, будем сидеть сложа руки, а богатства тем временем будут расти и расти. Не хочу обижать, скажем, нефтяников, они, конечно, совсем без дела не сидели, но ведь тревожное положение в этой отрасли известно, и сложилось оно не за один день. Я так понял: «сняли сливки» с мощных месторождений, взяли ту нефть, что сама, как говорится, в руки шла, а хлопотных забот с менее продуктивными скважинами избегали.

Богат наш край и углем. Богат-то богат, но ничего само собой не дается. Мне и моим товарищам безразличен тот факт, что наша шахта и в целом

Всесоюзное промышленное объединение «Кузбассуголь» оказались в большом долгу перед страной. Кто виноват? **И какова, в частности, здесь мера вины нашей бригады, нашей шахты?** Ведь именно мы, проходчики, первыми спускаемся в шахту, чтобы подготовить фронт работ для очистных комплексных бригад. Чем лучше это делаем, тем выше показатели у тех, кто идет за нами, тем больше угля выдают на-гора шахтеры.

Из всех чисто мужских мне по душе самая что ни на есть мужская профессия проходчика — тут есть где развернуться и проявить характер, способность. В том, что я выбрал именно это интересное и трудное занятие, сказались, видимо, и наследственность: два моих деда и отец были шахтерами. В проходческом штреке и там, где добывают уголь, я впервые побывал еще в шестилетнем возрасте: уступая моим настойчивым просьбам, отец однажды сводил меня в шахту, показал ее устройство, подземные выработки и труд горняков. Семь лет назад шахта «Зырянская», расположенная на окраине Новокузнецка, стала для меня вторым домом. Я теперь знаю тут каждый закуток. Четыре года назад меня приняли здесь в партию. Начинать рядовым горнорабочим — сейчас бригадир. Учусь на вечернем отделении горного факультета Сибирского металлургического института. Жена иногда ворчит, что дома, по ее мнению, бываю маловато: то работа, то общественные хлопоты, то занятия в институте, то сижу в техкабинете над чертежами очередного рационализаторского предложения. А мне нравится такой напряженный ритм жизни, когда не приходится раздумывать, на что «убить» свободное время.

У проходчиков нелегкая и опасная работа, которая не терпит людей расхлябанных, трусливых, неповоротли-

вых, ленивых и индивидуалистов. Мы обязаны понимать друг друга с полуслова и действовать как единый организм, особенно в экстремальных ситуациях. Бывает, например, напорешься на водоносную жилу, и вода начинает стремительно заполнять рабочее пространство. Случись нечно подобное на поверхности — там есть куда выскочить и разбежаться. А в проходческой выработке берегов нет. Здесь требуется в считанные секунды сориентироваться, принять срочные меры для откачивания воды и... продолжать проходку: времечко-то не стоит на месте, заставляет пошевеливаться, поторавливаться.

В нашем комсомольско-молодежном коллективе двадцать четыре человека. Помимо рабочих основных профессий, мы включили в состав бригады также электрослесарей-повременщиков, чтобы заинтересовать их в конечных результатах. Теперь эти парни не сидят без дела ни одной минуты, всегда найдут себе какое-то занятие и работают от души, на совесть. Тем более что дел всегда невпроворот, а заработок в коллективе распределяется по коэффициенту трудового участия. Если бригада сочтет, что ты работал шалая-валяй, не проявлял особого рвения, тут уж не взыщи: КТУ тебе будет снижен. А это не только ударит по карману. Состоится также жесткий рабочий разговор о твоей чести и совести, о том, какое это позорное дело — подводить своих товарищей, шагать с ними не в ногу.

Наш принцип — «лодырю и пьянице не место в комсомольско-молодежном коллективе». Попал к нам как-то в бригаду Анатолий Тюкин, лентяй и любитель «злодейки с наклейкой». На работе он или спал на ходу, или то и дело появлялся после глубокого похмелья. А какой от него прок? Не раз и не два обсуждали мы его поведение — не помогло. Пришлось распрощаться.

А вот с Петром Куликовым получилось иначе. Он тоже любил выпить и нередко приходил на смену «не в себе». Бывало, что и прогуливал. Я определил его в звено Кости Федорова, там крепкие ребята. По-своему, по-рабочему взяли Куликова в оборот, да так, что у него оставалось только два выхода: либо бросить свои «художества», либо вон из бригады. Куликов — машинист проходческого комбайна, любит свою специальность. Выгонят отсюда — куда идти, кто его такого примет? Взялся парень за ум, переломил себя. Теперь золотой работник, ничего худого о нем не скажешь.

Не так давно произошел случай. Тщательно подготовившись к работе, наш Куликов за одну смену удлинил подготовленную выработку сразу на семь метров. Это на два метра больше, чем суточное задание для всей бригады. На шахте в тот же день появилась «молния», посвященная рекорду Петра Куликова. «Винючник» ходил именинником, каска набекрень.

Мы правильно говорим: коллектив — воспитатель. Воздействуя на человека, он помогает ему выпрямиться, приобретает активную гражданскую позицию, становится толковым работником, который общественные заботы ставит выше сиюминутных личных интересов. Однако и каждый отдельный член бригады — это не ноль без палочки. При определенных условиях и по принципу обратной связи он тоже может быть своего рода катализатором, оказывать воздействие на коллектив. Когда Куликов добился рекордной выработки, у ребят в остальных звеньях загорелись глаза и появился азарт: а мы чем хуже? Я заметил, что они стали спешить на работу, чтобы не терять ни одной минуты на раскочку. Правда, куликовский рекорд пока еще не побит, но производительность труда поднялась весьма заметно: каждое звено теперь проходит за смену до шести метров. Очень даже неплохо! Особенно если учесть сложные горно-геологические условия, в которых работаете.

В общем, у меня язык не повернется упрекнуть своих товарищей в равнодушии, безынициативности, нетребовательности друг к другу. На работе вкладываются полностью, «болеют» за производство. **Но могли бы трудиться гораздо эффективней, производительней. Что мешает? Препятствия, искусственно воздвигнутые на пути научно-технического прогресса.**

Возьму только одну сторону проблемы: научно-техническое творчество молодежи. Вам приходилось когда-нибудь слышать, чтоб кто-то сказал: «Всякие там рационализаторы и изобретатели нам не нужны»? Нет, конечно, на словах-то все приветствуют творчество молодых. А вот когда доходит до конкретного дела, до участия в этой работе...

На нашей шахте восемьсот человек — молодые люди в возрасте до 30 лет. Сколько из них занимается научно-техническим творчеством? Одинадцать... А почему так смехотворно мало? «Молодежь имеет мало опыта, слабо знает производство», — утверждают иные из наших руководителей. Да неправда это! Главная причина — в инерт-

И КОММУНИСТ РЕДСТОИТ СДЕЛАТЬ

ности и равнодушии тех, кто по долгу службы обязан двигать прогресс в угольной промышленности, создавать шахтерам условия для творчества, максимально высокой производительности труда.

У наших шахтеров есть немало интересных задумок, предложений, как поднять эффективность работы и ликвидировать долг государству. Но когда речь заходит о внедрении этих предложений, рабочий оказывается как бы в вакууме. Никто не спешит к нему: давай, я тебе помогу. Наоборот, нередко бывает так: «Ты придумал — ты и делай». Сам ходи и доказывай, что твое предложение представляет интерес и пользу для производства. Когда рабочему этим заниматься? Почувствует он себя никому не нужным со своими идеями да и махнет рукой на все.

Вот конкретные примеры из моей личной практики. Два с лишним года назад я разработал новую конструкцию хомута для соединения элементов арочных креплений. По отзывам специалистов, в том числе кандидата технических наук П. Уланова, который в то время работал главным технологом нашей шахты, новшество не только позволяло снизить металлоемкость хомутов, но и давало возможность намного повысить производительность и безопасность труда при монтаже и демонтаже арочных креплений. В секторе изобретательства производственного объединения «Южжубассуголь» мое предложение приняли, но ответ прислали такой: проведите испытания на несущую способность. Помилуйте, да где же и как я это сделаю, если у нас на шахте нигде и некому проводить подобные испытания? Новый ответ: а это уж как хотите, ищите выход из положения. Стал искать. Пошел к главному инженеру Леониду Михайловичу Требухину, пригласил в соавторы: думал, с его помощью дело сдвинется с места. Не сдвинулось. Моему соавтору оказалось некогда заниматься этой проблемой.

Другой пример. Вместе со старшим инженером по горным работам Александром Булдаковым мы разработали конструкцию навесного оборудования для зачистки выработки за горнопроходческим комбайном. Подсчитали: его применение даст шахте за год 40 тысяч рублей экономии. И опять никто не шевельнулся, чтобы рацпредложение было внедрено.

Тут поневоле начнешь задумываться, есть ли смысл заниматься техническим творчеством, тратить на него время и силы, если тебе никто не помогает и помогать не хочет, словно ты не ради производства стараешься, а для личного сада-огорода. Думаю, однако, что безвыходных положений нет и быть не может. Что я конкретно предлагаю? Создать на предприятиях экспериментальные участки или специальные группы внедрения. Конечно, потребуются какие-то затраты, но они окупятся сторицей.

Нужна и деловая помощь инженерно-технических работников. У нас они пока мало уделяют внимания творчеству рабочих, в том числе молодежи. **Надо бы, по-моему, так: рабочий подал идею, а ты, инженер, подхвати ее, осмысли,**

дове́ди вместе с автором до кондиции и добейся внедрения. Работа с рационализаторами должна быть составной частью твоих должностных обязанностей, а не личным делом: хочу — не хочу. Если ты инженер, то просто обязан в течение года привлечь к техническому творчеству столько-то человек, обеспечить обоснование, разработку и внедрение такого-то количества новшеств. И спрос с тебя за это самый строгий, по большому счету, без всяких скидок и кивков на «объективные обстоятельства». Не справляешься — уступи место другому. Так — и не иначе — должен стоять вопрос. Сейчас, когда партия на первый план выдвигает задачу интенсификации производства и резкого повышения производительности труда на основе ускорения научно-технического прогресса, **никто из нас не имеет права работать по старинке.**

Права не имеем, а вот, однако ж, работаем. И дело не только в том, что слабо прививается вкус к техническому творчеству у рабочих, особенно у молодежи. Есть и другие досадные просчеты. Вот, скажем, поручили нашей бригаде подготовить к эксплуатации 32-ю лаву. Из-за непродуманности инженерных решений мы возились с ней два года вместо нормативных шести месяцев. При этом замечания и предложения бригады во внимание не принимались. В итоге оказалось, что мы были правы, но потерянного времени уже не вернешь.

Подобного рода просчеты не проходят бесследно. В завершающем году минувшей пятилетки коллектив шахты «Зырянская» недодал 200 тысяч тонн угля. А ведь был когда-то одним из лучших не только в производственном объединении «Южжубассуголь» — слава его гремела далеко за пределами Кузнецкого угольного бассейна.

У нас, у проходчиков, есть вполне обоснованные претензии также к Министерству угольной промышленности СССР, его отраслевым институтам и отдельным предприятиям, которые выпускают горно-шахтное оборудование.

Взять хотя бы горнопроходческий комбайн — детище Копейского завода горно-шахтного оборудования. Когда-то, возможно, он и производил могучее впечатление, но сейчас смотрится, как телега рядом с новенькими «Жигулями». Именно такое сравнение невольно приходит в голову, когда начинаешь сопоставлять его, например, с механизированными комплексами для добычи угля.

Одна из основных конструктивных недоработок этого комбайна заключается в том, что он рубит горной массы

больше, чем вмещается в перегружатель. Приходится то и дело выключать исполнительный орган и заниматься отгрузкой. В результате прерывается цикл, теряется время. Очень слаба у него ходовая часть. Чуть попал под гусеницы небольшой порожок — комбайн упирается и натужно мычит, буксует на одном месте. Берешь лопату, идешь помогать «чудо-технике». Лопаты, впрочем, мы держим не только для этого. Комбайн разбрасывает горную массу по всей выработке, и проходчикам ничего не остается, как браться за лопаты и наводить в подготовительном штреке порядок. Снова «Эй, ухнем!». Основная работа в это время стоит. Правда, копейчане вместе с комбайном присылают борта к его приемной части, чтобы не было разброса. Но они настолько слабы, что горная масса моментально срывает их и отбрасывает в сторону.

Невольно начинаешь удивляться: неужели в могучем Минуглепроме с его многочисленными научно-исследовательскими и проектными институтами, с его машиностроительными заводами и конструкторскими бюро нет светлых умов и умелых рук, которые могли бы создать горнопроходческий комбайн, отвечающий самым современным требованиям? **Пусть приходят конструкторы и проектировщики к нам. У нас немало предложений, как переделать и усовершенствовать эту машину.**

А возьмите скребковые конвейеры С-53, «родившиеся» где-то в начале пятидесятых годов. У них очень часто рассоединяется цепь. Немало уходит труда и времени, чтобы ее «поймать», вытащить из-под решетаков и снова соединить. Неужели нельзя придумать что-нибудь более надежное? Задача для рядового инженера, не говоря уж о разных НИИ и КБ, где все наверняка на словах ратуют за научно-технический прогресс. А вот ведь не решается задача, никто не хочет браться за нее, и приходится проходчикам на дно по нескольку раз мучиться со злополучными цепями, недобрыми словами поминая их создателей.

Если хорошенько подумать, то в шахте вполне можно было бы обходиться без проходчиков, как ни по душе мне моя профессия. Но для этого надо создать какой-то совершенно новый, прогрессивный тип присечной (штрековой) крепи. Занимаясь креплением забоя, мы пользуемся дедовскими методами, тогда как и эту работу можно и нужно перевести на рельсы научно-технического прогресса. Говорю не ради красного словца.

У меня и моего друга старшего инженера по горным работам Алек-

сандра Булдакова есть новая идея. Вместе с ним мы разработали принципиально новую конструкцию секций присечной крепи. Не вдаваясь в подробности и технические тонкости, скажу: по мнению крупных специалистов, применение этих секций избавит от необходимости вести предварительную подготовку фронта работ для очистных бригад. Добычной комбайн сам будет формировать себе одну выработку, которая с установленными в ней секциями присечной крепи используется потом при отработке последующей лавы. Предварительные подсчеты обещают объединению «Южжубассуголь» миллион 250 тысяч рублей годового эффекта. Хотелось бы надеяться, что Минуглепром СССР заинтересуется этим новшеством, даст ему путевку в жизнь.

...«Ускорить развитие Кузнецкого, Экибастузского, Канско-Ачинского и других угольных бассейнов Восточной Сибири и Дальнего Востока» — говорится в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года». Определены и пути развития — за счет технического перевооружения и реконструкции, внедрения прогрессивного оборудования и технологии. Но, о чем бы мы ни говорили, все в итоге сводится к качеству работы каждого человека на его рабочем месте. У себя в бригаде мы не терпим разболтанности, пустозвонства, необязательности. Дал слово — сдержи. Пообещал — сделай. Взаимная требовательность — по самому большому счету. Иначе и нельзя: под землей от действий товарища может зависеть твоя жизнь. А «на поверхности» мы нередко сталкиваемся с тем, о чем я говорил: бездельностью, равнодушием к человеку и производству, нетребовательностью. Оказывается, можно годами не заниматься новой техникой — и ничего. Равнодушно относиться к предложениям рабочих — пожалуйста, никто не накажет. Говорить о необходимости работать по-новому — и не выполнять прямых обязанностей. А пора бы уже строже спросить с инженеров, конструкторов, руководителей: что конкретно вы сделали для ускорения научно-технического прогресса? Почему от слов не переходите к делу?

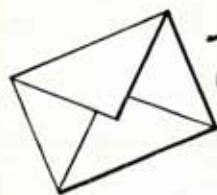
Если коротко сформулировать то, что нам предстоит сделать, я бы так сказал: повысить требовательность на всех уровнях — от рабочего до руководителя любого ранга — за состояние дел на порученном участке работы. Это — главное.

В одном из ближайших номеров журнала вы, дорогие читатели, узнаете, как произошло обсуждение материалов рубрики «Молодой коммунист» в комсомольско-молодежном коллективе Калининского завода сварных конструкций. Приглашаем к участию в обсуждении всех читателей «Смены».

ПОДРОС

Совсем пропащий?

Семья наша из трех человек: мама, я и младший братишка, ему 15. Отец ушел от нас три года назад. Сколько я его помню, он всегда был. Саша, мой брат, особенно переживает, что отца нет. Возраст у него такой, какой часто называют «трудным». Не зря называют. Вижу я его редко. Не только потому, что работаю иногда и в вечер, и в ночь, а просто дома он старается бывать как можно меньше. Чем он занимается в свободное время — не знаю. Соседи как-то раз видели его пьяным. Но больше всего меня расстроило, когда я, убираясь, нашла у него под кроватью автомобильный радиоприемник. Поняла, что Сашку надо спасать. Но как? К кому обратиться за помощью? Мать для него не авторитет, да и какая из нее воспитательница? Взяла этот проклятый приемник и пошла в комиссию по делам несовершеннолетних при райисполкоме. Там выслушали, записали адрес, пообещали, что скоро вызовут, помогут. Ждать пришлось долго, больше месяца. В конце концов все-таки вызвали, но не меня, а маму с Сашей. Из содержания разговора знаю только, что приемник действительно оказался краденый. К счастью, украл его не Саша, ему отдали «на хранение», так что дело на него не завели, а только сделали ему и маме «внушение» да еще оштрафовали маму на 20 рублей. И все. Брат со мной вообще не разговаривает и называет не иначе, как «доносчицей». Я снова ходила в комиссию, а там удивились: чего я еще хочу? Но ведь положение-то еще хуже стало! В чем же тогда смысл работы такой комиссии? Она же должна помогать в воспитании «трудных» ребят, помогать им с пользой проводить свободное время. А в данном случае получился только вред: Саша теперь считает себя «ненаказуемым». Неужели все комиссии по делам несовершеннолетних работают так же? Не знаю. Впрочем, даже если только одна наша такая, это уже плохо. Ведь речь идет о человеческих судьбах, об еще неокрепших ребячьих душах, которые так чувствительны и к формализму, и к казенщине, и к безразличию к ним взрослых. А Саша столкнулся как раз со всем этим. Приезжайте, посмотрите, как работают с молодежью у нас.

Н. М., Ярославль

Борис БАЛКАРЕЙ

«ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ»...

Они проникли в гостиницу, покрутились в холле, а когда возник у двери всевидящий швейцар, юркнули в умывальную комнату.

— Поймай у двери, — сказали самому робкому, тринадцатилетнему Олегу, — мы мигом...

Отделанная расписной керамической плиткой, умывальная комната сверкала великолепиями. Какое-то время мальчишки стояли в оцепенении. Затем восьмиклассник Андрей кивнул на скромный матовый плафон над раковиной.

— Гляди, для сарайки в самый раз, — подмигнул он своему приятелю шестикласснику Сереже. — Ну-ка, подсади!

1. АНДРЕЙ

...Андрей стоял перед членами комиссии по делам несовершеннолетних Дзержинского района и сосредоточенно разглядывал ножку стула.

— Тебе сколько лет? Четырнадцать! В твои годы нельзя допускать такое несерьезное отношение к жизни. — втолковывала председатель комиссии. — Шел бы ты в какие-нибудь кружки, увлекался чем-то дельным, читал...

— Плафон — это воровство! — разъяснил парню работник милиции. — Сначала плафон, а потом что?

— Маме надо серьезно подумать, что делать с сыном, — сказала заврайоно.

— Но как? Скажите, как? — всхлипывала мать. — Разве ж он слушается? В секции устраивали — бросает. Одна сарайка на уме, да по улицам шлендать. За руку-то не схватишь...

— Надо хватать, раз не воспитали в нем ответственность! За руку, еще за что-нибудь... — последовал «педагогический» рецепт. — Вы обязаны!

Мать плакала навзрыд. Андрей по-прежнему разглядывал ножку стула.

— Андрей, — вновь обратилась к нему председатель комиссии, — мы хотим узнать твое мнение. Можно ли надеяться, что ты изменишься в лучшую сторону? Ты ведь не хочешь, чтобы тебя изолировали от общества?

— Кому охота?

— Тогда возьми себя в руки. Ты же взрослый парень! Зачем тебе такие друзья? Всякие там... — председатель запнулась и заглянула в дело, — всякие Сергеи Корниловы, Олеги Кочевы. Сами не выбрали правильного жизненного пути и тебя тянут...

— Да он же пацаненок еще. Олег. Как он меня тянет?

— Не дерзи! Ты должен дать слово исправиться. Дашь?

— Даю, — вздохнул Андрей.

Наступила пауза.

— Я предлагаю оштрафовать родителей в пределах 20 рублей, — заключила председатель. — Какое будет мнение членов комиссии?

Комиссия не возражала.

В это же самое время перед столом комиссии другого, Ленинского, района стоял приятель Андрея — Сергей Корнилов.

2. СЕРЕЖКА

Вот несколько записей из его личного дела.

«10 мая 1984 года. Вызов на комиссию за кражу бутылки пива из магазина. Решено направить в спецшколу условно, с испытательным сроком в один год. Мать оштрафована на 10 рублей».

«27 сентября 1984 года. Вызов за бродяжничество, пропуски занятий, побеги из школы-интерната. Матери вынесено общественное порицание. Принято решение о направлении подростка в спецшколу».

«25 октября 1984 года. Вызов за участие в ограблении пьяного. Подтверждено решение о сборе документов для направления в спецшколу. Мать оштрафована на 20 рублей».

«14 марта 1985 года. Вызов за кражу плафона в гостинице «Турист». Решен вопрос о направлении в спецшколу. Решено начать сбор документов для лишения матери родительских прав».

— Чем же конкретно комиссия помогла Сергею? — спрашиваю ответственно

НЕ У СВО

го секретаря комиссии по делам несовершеннолетних Ленинского района Валентину Александровну Щеглову.

— Вас бы на мое место, что бы вы ответили? — в сердцах сказала она.

— Ответил бы, что ничем...

От первых проступков до последнего прошел почти год. После кражи бутылки им, как говорится, занялись вплотную. И что, исправился, образумился? Напротив, с течением времени речь все чаще заходила о необходимости вмешательства исправительно-трудовых учреждений... Но, извините, есть ли тогда толк от того, что Сергеем «занималась» районная комиссия?

Поскольку Сергей в отличие от Андрея жил в другом районе, то его вызывали на другую комиссию, в другой исполком, с ним беседовали другие дяди и тети. Но на другом конце города произносились те же увещевания, добивались тех же формальных обещаний исправиться. Одним словом, все было так же. Так же бесполезно...

3. ОЛЕГ

Его прорабатывали в Заволжском. Олег на комиссии оказался впервые. До него в этот день там побывало более десятка подростков. Одни сняли с машины спидометр и подфарники, другие похитили у родителей самогон, третьи — выломали дверь... Разговоры были однотипными: «Ты бабушку (маму, папу, отчима) будешь слушаться? Дай честное пионерское (комсомольское), что поедешь летом в трудовой лагерь (встанешь на правильный путь). Ты ведь уже взрослый человек (парень, девушка). Тебе уже четырнадцать (пятнадцать, двенадцать, шестнадцать). Каково будет твоим родителям, если мы их сейчас оштрафуем на двадцать (десять, тридцать) рублей? И не стыдно (совестно, ай-яй-яй)?»

Все это было сказано и Олегу. Он стоял и молчал. Мама плакала.

306 человек побывали на комиссии по делам несовершеннолетних Заволжского райисполкома в прошлом году. Реше-

ТОК, КОТОРЫЙ МЕЕТ ТРАТИТЬ С ВРЕМЯ

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР, НАЧАТЫЙ В № 4 ЗА 1984 ГОД СТАТЬЕЙ В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА «ПОДРОСТОК, КОТОРЫЙ УМЕЕТ И ЛЮБИТ РАБОТАТЬ». ТРУДНАЯ, ПОЛНАЯ ПОИСКОВ, ОТКРЫТИЙ, ЗАБЛУЖДЕНИЙ, РАЗОЧАРОВАНИЙ И ВЗЛЕТОВ ЖИЗНЬ ПОДРОСТКОВ, ПЕРЕСТУПАЮЩИХ ИЗ МИРА ДЕТСТВА В МИР ВЗРОСЛЫХ, ВСЕГДА ВОЛНОВАЛА И ИНТЕРЕСОВАЛА «СМЕНУ». ОТ ТОГО, СУМЕЕТ ЛИ КОМСОМОЛ ВОВРЕМЯ НАЙТИ ПУТЬ К УМАМ И СЕРДЦАМ МОЛОДЫХ, ПОМОЧЬ ИМ С ДОСТОИНСТВОМ ПРЕОДОЛЕТЬ ЖИЗНЕННЫЕ ИСПЫТАНИЯ, ВО МНОГОМ ЗАВИСИТ, КАК СЛОЖИТСЯ ИХ СУДЬБА.

ния? Почти в половине случаев — «оштрафовать родителей».

— Тридцатку жалко, конечно, но проку-то, что деньги с меня взяли, — говорила мне мать Олега Александра Кузьминична. — С мальчиком все равно сладу нет. Олег на стройке ушибся, лазили там с приятелями. Врачи говорят, в общеукрепляющий санаторий надо. Куда только не обращалась — бесполезно...

— А в комиссию?

— Ой, да разве они помогут! Вызвали, нервы потрепали, и все...

4. ...И ДРУГИЕ

Эдуарду Перегудову, учащемуся ПТУ, 17 лет. Недавно он получил отсрочку в исполнении приговора за совершенное преступление. Вызвали его за прогулы, дерзость, недостойное поведение на занятиях.

Ни тени трепета на лице, хотя он знал (этого от него не скрывали), что комиссия имеет право ходатайствовать перед судом об отмене отсрочки, то есть о лишении свободы. В чем же дело? Да в том, что Эдик «опытный», не впервые здесь, и прекрасно понимал, что поругают его и отпустят. И комиссия Дзержинского района прекрасно понимала, что зря тратит на него свое красноречие. Но тратила! Зачем?

— Мало проку от подобных бесед, — согласился член Заволжской комиссии председатель районного спорткомитета В. Наумов. — Мы и сами это чувствуем. Иной раз успеваем лишь бегло ознакомиться с характеристикой подростка, сводящейся в основном к описанию его проступка. Ведь за 5—10 минут в сути дела по-настоящему разобраться невозможно. А по-другому не получается: на одном заседании, бывает, рассматривается до двух десятков дел...

Я далек от того, чтобы утверждать, будто комиссия и не пытается всерьез воздействовать на «трудных». Ответственный секретарь комиссии Дзержинского района Н. Кирикова рассказывала, сколько сил и нервов затратила она

лично, чтобы удержать от нового серьезного правонарушения подростка, уже условно осужденного.

— К сожалению, мы активны только тогда, когда, как говорится, дом горит и крыша рушится, — сетовала она. — Взять же под постоянную опеку всех тех, кто еще ничего серьезного не совершил, но близок к этому, мы просто не имеем физической возможности.

Так что же, получается, надо ждать, пока совершат?

— Думаю, таким ребятам обязательно нужны предварительные беседы с психологом, умеющим установить контакт с подростком, — говорит член комиссии старший инженер завода дизельной аппаратуры А. Алексеев. — Между заседаниями проходит две недели. За это время вполне можно подготовиться не к дежурной нотации, а к серьезному разговору! Да и на подростка наш разговор подействовал бы куда сильнее, если бы психолог подсказал, на какие «клавиши» нам нажимать. А мы чаще всего действуем наугад, со всеми одинаково...

— Не только психолог необходим комиссии, — добавляет врач О. Константинов, — но и социолог, который бы знал интересы ребят микрорайона, мог подсказать, как направить энергию «трудных» в полезное русло...

Итак, средства комиссии: нотация, штраф, угроза направления в спецшколу...

— Чтобы направить в спецшколу, нужно заставить подростка пройти медкомиссию, получить характеристику с места учебы, нужны справки с места работы родителей, чтобы определить, какую взимать плату, — говорит ответственный секретарь комиссии Ленинского района Валентина Александровна Щеглова. — А родители по несколько раз в году «летают» с одного предприятия на другое, пока-то за ними угонишься. Прибавьте сюда еще справки с места жительства, об образовании... Груда бумаг.

Я вспомнил схожий разговор с секретарем комиссии Заволжского района. В прошлом году там направили в спец-

школы и спецпрофтехучилища 22 подростка, правда, 11 из них — условно, а «путевки» пришло всего... две.

— Можете себе представить, как ведут себя ребята, которые видят, что мы и наказывать-то их не в состоянии, — сетовала Щеглова.

Представить могу, но согласиться — вряд ли. Ратовать за расширение сети специальных учебных заведений, загодя планируя «педагогический брак»?

Да, не клеится у комиссий работа, мала ее отдача. И все же стоит ли всю тяжесть ответственности за судьбы подростков взваливать на плечи взрослых воспитателей? Практика показывает: ребята более склонны к общению с воспитателями, которые ближе им по возрасту. О ком речь? Конечно же, о комсомоле!

— В работе комиссий по делам несовершеннолетних мы, конечно, участвуем, — сказала мне секретарь Ярославского горкома комсомола Светлана Тимофеева. — Проводим проверки, рейды... Заслушиваем отчеты общественных воспитателей-комсомольцев — индивидуальных шефов «трудных».

— Можете назвать фамилии подростков, которым бы комиссия помогла? — Знаете, статистики у нас нет, а так, по памяти, сказать затрудняюсь...

Знакомая с людьми, работающими в комиссиях, я все больше убеждался, что редко для кого из них такая деятельность — призвание. Штатный работник — «профессионал» — в каждой комиссии один: ответственный секретарь, остальные члены комиссии — на общественных началах. Это и передовые рабочие, и инженеры, служащие. Для них работа в комиссии — общественная нагрузка, которую, не стану отрицать, они стараются выполнять добросовестно. Но ведь старания в данном случае мало, нужен талант воспитателя — никак не меньше.

Когда-то Олег, Андрей и Сережка жили по соседству. Потом родители Олега и Андрея получили квартиры в новых районах. Однако почти каждый день друзья по-прежнему приезжали к Сережке, не жалея времени на долгую дорогу. Их тянуло к старому дому. Здесь, в глубине двора, стояла деревянная, грубо сколоченная будка — «сарайка» — нечто вроде их штаба. Можно играть «в войну» или еще во что и

вообще чувствовать себя среди своих, можно забыть на время скандалы подвыпившего отчима, материнские слезы, неприятности в школе.

...Побывав на комиссии, каждый на «своей», друзья вновь встретились у «сарайки».

— У тебя чем кончилось? — спросил Андрея Олег.

— Двадцатку взяли с матери, — ответил тот. — Как обычно.

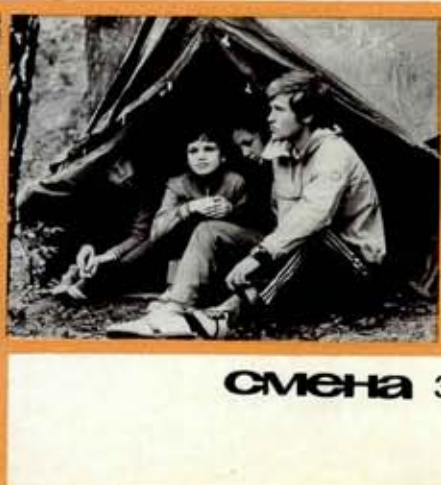
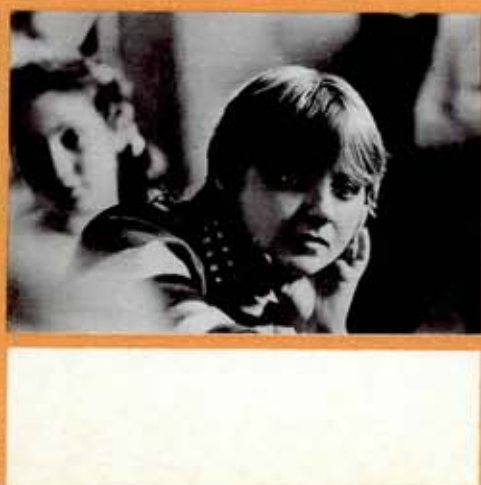
— Дорогой плафончик вышел! — заметил Сережка.

Все трое засмеялись шутке.

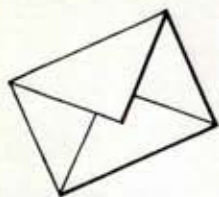
В Дзержинском районе перед обсуждением знакомого нам Андрея проходил семинар представителей организаций, призванных работать с подростками по месту жительства. Отчитывались педагог-организатор одного из жэков, начальник пункта охраны общественного порядка, представитель инспекции по делам несовершеннолетних, инспектор отдела народного образования. Назывались цифры, приводились факты. Словом, складывалось впечатление, что комиссия, которую считают лучшей в городе, является эффективным координирующим и воспитывающим органом. То есть она полностью выполняет функции, которые положением определяются так: «Районные (городские) комиссии по делам несовершеннолетних разрабатывают и осуществляют как непосредственно, так и через соответствующие государственные органы и общественные организации мероприятия по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, их устройству и организации культурного досуга детей и подростков, а также по оказанию помощи в воспитании несовершеннолетних».

Воображение рисовало густую сеть учреждений по месту жительства, всеохватывающую индивидуальную работу с «трудными», постоянную заботу о судьбе каждого из них. Но когда семинар окончился и от отчетов перешли к конкретному человеку, то помочь ему, как ни старались, ничем не смогли.

Напрашивается вопрос: по каким же параметрам определяется эффективность работы комиссии? Выше мы процитировали положение о ней, но на деле выходит, что из перечисленных обязанностей комиссия справляется лишь с частью, а главное — помощь в воспитании подростков — оказывается ей не под силу.

Проезжайте-удивитесь...

Уважаемая редакция! Приглашаем вашего представителя принять участие в X традиционных Всесоюзных детско-подростковых соревнованиях «Золотой мопед» по кроссу на Большой приз рижского мотозавода «Саркана звайгзне»... Познакомившись с опытом организации соревнований, он сможет выкинуть в суть вопросов, которые тормозят развитие подросткового мотоспорта в республике...

А. Бриедис,
член штаба «Золотого мопеда»,
судья республиканской категории

Леонид РЕПИН

НЕЗАКОННЫЕ ВИРАЖИ

В небольшом опрятном латвийском городке Але, что стоит почти на границе с Эстонией, шел мелкий осенний дождь.

В штабе соревнований бросился в глаза красочный плакат с энергичными словами: «Золотой мопед» — техническое творчество, безопасность движения, помощник в выборе профессии! Команду «Золотого мопеда» — каждой школе, каждому микрорайону! Рижские мопеды — мопеды победителей!

Чуть позже я увидел мини-мотодром — двухкилометровую облегченную трассу для мопедных соревнований подростков, построенную с помощью энтузиастов Алуксненского района на бросовых землях, увидел и самих юных мопедистов, «разминающих» своих железных «коньков-горбунков». Они явно гордились грязью на сапогах и лицах, уверенной посадкой в седле и высокими оборотами двигателей.

Что же это за «рыцарский» турнир, ставший (а это факт!) столь привлекательным сегодня для сотен молодых гонщиков? Это дружеские традиционные соревнования подростковых команд, представляющих первичные организации ДОСААФ из Латвии и других городов страны.

А начало было такое. Еще в шестидесятых годах завод «Саркана звайгзне» решил проводить подростковые соревнования на выпускаемых предприятием мопедах. К этому пришли не только и не столько из соображений рекламы продукции и сбора информации о ее надежности.

А Бриедис, тогда инженер завода, вместе со своими товарищами по добровольной народной дружине во время рейдов и дежурств по Пролетарскому району Риги, где находится «Саркана звайгзне», был не раз свидетелем подросткового озорства, порой граничащего с хулиганством. Но те же подростки с завистью смотрели на своих сверстников, лихо гонящих на мопедах по улицам города, они же за двухминутное удовольствие — прокатиться пассажиром — дружно помогали ремонтировать испортившиеся машины. Налицо интерес к технике, да еще какой!

Вот тогда-то энтузиасты и решили создать при заводском комитете ДОСААФ мопедную секцию. Пригласили всех желающих. И в первую очередь тех, кто доставлял дружинникам больше всего хлопот. Начали с изучения мехчасти, с отработки основных навыков вождения.

Забегая вперед, скажу, что для многих членов секции той поры, сегодня уже вполне взрослых людей, их судьба определилась именно благодаря страсти к технике. Спустя годы они пришли на завод уже в качестве рабочих и инженеров и успешно трудятся в цехах «Саркана звайгзне» сегодня. И все-таки до 1969 года был период, если можно так сказать, «подпольного» детского мотоспорта, поскольку никакими официальными правилами соревнования не регламентировались. Но вот правила издали, установив возрастную ценз для юных участников соревнований — 14 лет. Одно время снизили было этот ценз до 12, но вскоре вновь подняли до 13 лет. А жизнь тем временем идет, турнир «Золотой мопед» хотя и проводится как республиканский уже десять лет, фактически стал всесоюзным смотром подросткового мотоспорта: на соревнования в Але собрались юные спортсмены из Обнинска, Коврова, Владимира, Тюмени, Свердловска, Курска, Николаева, Красного-на-Волге, Мурманска...

У турнира высочайшие акции среди ребят. Еще бы, ведь они, не получив паспорта и водительского удостоверения, уже участвуют в соревнованиях такого ранга! И вместе с тем вся судейская коллегия, все организаторы этих соревнований ходят в «ореоле» правонарушителей...

Дело в том, что в существующих правилах мотосоревнований оговорено, что к состязаниям на мопедах допускаются лишь мальчики, достигшие возраста 14 лет. По тем же правилам они должны представить свидетельство о рождении, разрешение родителей и школы и справку об окончании курса вождения мотоцикла. Но эти правила находятся в противоречии с другими, тоже действующими, по которым в автомотошколы подростков, не достигших 16-летнего возраста, не принимают. И даже если юный гонщик, заплатив деньги (и немалые), все же пройдет правдами-неправдами курс обучения, то справку об окончании курса он не может получить по возрасту...

Судьи подростковых соревнований допускают к стартам подростков без справки из автомотошколы. Это первое «преступление». Другое — нарушение возрастного ценза, предусмотренного

правилами. Официально ЦК ДОСААФ снижать его не хочет, и получается, что спортивные судьи действуют на свой страх и риск. Но вот парадокс — когда нужно рапортовать перед высокими инстанциями о работе среди подростков или отчитываться о развитии подросткового спорта, про тех же судей и организаторов «Золотого мопеда» говорят: «Молодцы!»

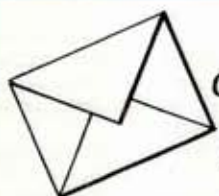
Вот и получается, что сотни мальчишек уже много лет закладывают незаконные виражи. А над инициативными людьми, заинтересованными в том, чтобы отвлечь мальчишек от уличного лоботрясничества, привить им технические навыки, висит грозное облако...

Позиция ЦК ДОСААФ СССР такова: вопрос о возможности участия в секциях и соревнованиях мальчишек требует дополнительного тщательного изучения. При этом высказывалось желание провести на базе какого-либо научно-исследовательского института серии медико-биологических и педагогических обследований участников соревнований, чтобы определить, возможно ли допускать школьников к состязаниям...

А ребята меж тем продолжают с удовольствием тренироваться, соревноваться, получать призы, взрослые спортивные разряды...

Потому что, с их точки зрения, как и с точки зрения организаторов состязаний, оснований для беспокойства нет. Их аргументы могли бы звучать примерно так: «Дяденьки, ведь вы не можете не знать, что мы придумали мягкие, безопасные гластмассовые крылья для мопедов и мотовелосипедов, что мы, занимаясь техническим творчеством, усовершенствовали рессоры и двигатели, мы знаем назубок правила дорожного движения, а судейская коллегия не допускает нас до соревнований без мотошлема, мотоочков, без прочной одежды и обуви... Ну, пересмотрите вы устаревшие правила и разрешите официально участвовать нам в соревнованиях... Тем более, что за 25 лет не было ни одного серьезного несчастного случая с нами. К тому же картингом ведь разрешается заниматься с девятилетнего возраста».

Добавим, что тех же гимнасток начинают сегодня тренировать чуть ли не с пяти лет, а этот спорт, по мнению

А помощь необходимо!

Дорогая редакция!

Вы часто публикуете статьи и письма о борьбе с пьянством. Да, выпивох сейчас здорово прижали — и закон к ним стал строже, и спиртное продается уже не на каждом углу. И все-таки пьянство находит лазейки. Вот недавно я встретила в нашем дворе знакомых мальчишек — все под хмельком. Оказывається, у соседского Кольки отец день рождения праздновал и от «широты душевной» налил ребятам, как они выразились, «по стопарику».

Неужели родители не понимают, что подобной «добротой» они губят своих детей? Сказала об этом мальчишкам, но они только посмеялись.

Как же быть в таких случаях? Как оградить от пьянства тех, кто уже в раннем возрасте узнал вкус алкоголя, кто не представляет, как можно проводить свое свободное время без вина?

Лена М., учащаяся ПТУ,
Новомосковск Тульской обл.

Нонна ГОЛИКОВА

ПЛАТА ЗА СКУКУ

Да, Лена права: не все еще до конца представляют себе размеры зла, каким является пьянство. Для кого-то выпивка «в меру», «за компанию» связывается с приятным времяпрепровождением, этским удовольствием. Так до недавнего времени считали и пациенты наркологической больницы № 17...

Возглавляет больницу главный нарколог Москвы Э. С. Дроздов. Он-то и дал мне необходимые предварительные пояснения.

— Со спиртным шутки плохи. — говорит Эдуард Семенович. — По числу жертв алкоголизм занимает третье место после сердечно-сосудистых забо-

леваний и рака. При этой болезни личность разрушается и физически, и морально. Посудите сами, каждый четвертый из наших больных долгое время нигде не работал, каждый третий потерял семью.

Больница № 17 при автозаводе имени Лихачева — одно из крупнейших в своем роде лечебных заведений. Здесь 48 отделений, современная медицинская аппаратура, новейшие препараты. А главное — высококвалифицированные специалисты. Действуют кинолекторий, «лечебный театр». Словом, есть все необходимое для эффективного лечения, и все же победить болезнь нелегко.

...Проходя по больничным палатам, я видела людей, почти утративших человеческий облик. Но самое горькое ждало впереди, когда попала в последнее, 48-е отделение.

Шестнадцати-семнадцатилетние мальчишки, совсем еще детские лица... Спрашиваю одного паренька:

— Почему ты пьешь?

— А что еще делать? — вяло отвечает он.

— Но ведь ты, наверно, мечтал о какой-то профессии?

— Это когда был маленьким.

— А сейчас?

— Не знаю. — Пожимает плечами.

Узнала, что отец мальчика — алкоголик, держит в страхе всю семью.

Не радостнее судьба у другого юного пациента. Он давно воспринимает пьянку как некую норму. Ведь иной жизни вокруг себя он и не видел. Несколько лет назад от вина умер отец. С матерью и старшим братом отношения, по его словам, хорошие, хотя и мать, и брат не

мыслят своего существования без спиртного. Мальчику было 11 лет, когда мать за праздничным столом налила ему бокал шампанского вместо лимонада. С той поры и пошло...

Дом, улица для этих ребят связаны с употреблением алкоголя. Ни семья, ни школа, ни общественность не смогли оградить подростков от выпивки. Потому-то они и попали в число пациентов наркологического стационара. Конечно, болезнь у них еще не сформировалась окончательно, они еще не хронические алкоголики, но и лечиться им надо. Условия стационара дают возможность вовремя «выпрямить» подростка, вырвать его из «провоцирующей среды». И когда видишь, что есть люди, которые искренне обеспокоены судьбой ребят, увлечены своим делом, занимаются им не формально, то чувство тревоги сменяется ощущением защищенности, надежности.

Именно такое впечатление производит заведующий 48-м отделением Петр Сергеевич Балашов. Ему 28 лет, он секретарь комсомольской организации больницы. Отделение, которым он руководит, сразу обращает на себя внимание чистотой, уютом и, я бы сказала, элегантною интерьера. Чувствуется, это предмет законной гордости самого Петра Сергеевича. Что ж, красивый интерьер тут не роскошь, а первейшая необходимость. Ведь эстетика — тоже один из моментов «восстановительных работ» в сложном деле борьбы за подростков.

Подростковый алкоголизм, считает Балашов, не только медицинская, но и педагогическая проблема. На помощь

специалистов, ничуть не безопасней мopedного.

Минздрав республики полностью поддерживает организацию соревнований, медики не смущают возраст мотолюбителей. Врачи отмечают, что вовлечение школьников в занятия мотоспортом, проведение соревнований позволили снизить детский транспортный травматизм на 15 процентов. Позиция латвийских медиков как будто предельно ясна. Они за снижение возрастного ценза юных участников соревнований до 10 лет. Но Федерация мотоспорта СССР иного мнения. По правилам мотосоревнований мопеды с рабочим объемом двигателя свыше 49,8 кубического сантиметра относятся к классу мотоциклов, следовательно, в состязаниях на них могут принимать участие подростки только старше 14 лет. На мопедах и мотовелосипедах с меньшим рабочим объемом двигателя могут соревноваться подростки моложе 14 лет, поскольку эти машины к мотоциклам не относятся и соревнования на них действующими правилами не регламентируются, но они могут проводиться только как республиканские...

В то же время в Англии еще в 1975 году были утверждены следующие возрастные категории юных гонщиков: юниоры 6—10 лет — класс двигателей 80 кубических сантиметров, возраст 11—12 лет — 100 кубических сантиметров, 13—15 лет — 125, «знатоки» 15—17 лет — 175.

В Японии моторизация мальчишек начинается с 4 лет (класс специальных двигателей — в 35 кубических сантиметров), в США — с 9 лет, в Австралии — с 9 лет...

Памятую, что по мотоспорту наши взрослые гонщики на международных соревнованиях часто не в числе первых, хочу напомнить, что Дейв Биккер (Англия), двукратный чемпион мира, начал ездить с 9 лет, Торсен Халльман (Швеция), трехкратный чемпион мира, — с 10 лет, а наш экс-чемпион мира Геннадий Моисеев — с 12 лет...

Но вернемся в Але. Четко и организованно, на заранее отведенном месте размещаются автомашины с кроссовой техникой, автобусы участников, разбиваются палатки, натягиваются тенты.

Утро следующего дня начинается с осмотра судейской коллегией кроссо-

вой мототрассы. Она, как указано в протоколе, идеально подготовлена к соревнованиям — ограничена веревками с флажками, на своих местах указатели поворотов, стоящие неподалеку деревья прикрыты матами и старыми шинами. На проходящей через трассу проселочной дороге ГАИ выставляет посты юных автоинспекторов — все как у взрослых!

И вот началось. Один из судей выдернул из земли кол с трафареткой «Трасса закрыта». Школьники заняли стартовую позицию, а затем по сигналу судьи дружно газанули, начав свои незаконные виражи...

Мелькание колес, шлемов, возбужденные лица... Летят комья земли, веером сыплется из-под колес песок... У кого-то соскочила цепь, у кого-то закопался двигатель, кто-то, потеряв надежду одолеть подъем, спрыгивает с седла и, держась за руль, бежит рядом со своим ревущим механическим другом.

Без единого столкновения и травмы финишировали «гномики» — так по сложившейся традиции называют участников конкурса вождения до 12-летнего возраста (12—14 лет — «пионеры», 14—16 лет — «знатоки»).

Утром следующего дня — три заезда мотовелосипедистов и три заезда мопедистов. Участвуют не только «пионеры» и «знатоки», но и... семь девочек. Перед техосмотром все проходят зачетный конкурс на знание Правил дорожного движения.

И вновь заезды. Чтобы сэкономить время гонщиков и накормить ребят, свободных от соревнований, горячим обедом — приезжает кухня на колесах. Кто-то из болельщиков за моей спиной говорит: «Здесь предусмотрено все, кроме выращивания неженки...» Подумалось: а так ли уж важно, кто какое место в турнире займет, если он выполняет главную задачу — выковывает характеры, воспитывает любовь к технике и спорту...

Потом, после мотокросса, я смотрел на счастливые лица победителей, получающих призы и дипломы, и думал о том, что вряд ли любой запрет способен остановить этих ребят в их увлечении. Помешать — это можно. Но разве к этому сводится высокая миссия воспитательной, болеющей за будущее ребят?

судебной психиатрии имени Сербского. Круг разрабатываемых вопросов широк. В частности, весьма перспективным показал себя метод так называемой психодрамы, или социально-психологического тренинга. В чем его суть? Вместе с большим проигрываются различные жизненные ситуации, такие, в которых ребята проявили свою беспомощность. Подростка как бы искусственно включают в некий спектакль, где он играет столь непривычную для него положительную роль — ведет себя как надо, совершает поступки, соответствующие здоровым нравственным нормам. Это моделирование правильной жизни — один из способов учить ребят думать, жить.

— А вот здесь, — Петр Сергеевич показывает светлое, просторное помещение. — мы будем оборудовать игровой зал. Игра помогает нашим пациентам развивать мышление, воображение, в какой-то степени отвечает повышенному в подростковом возрасте стремлению к самоутверждению. С соседней школой договорились насчет спортзала. Вместе с Севастопольским райкомом комсомола планируем создать клуб по интересам. Райвоенкомат обещает организовать преподавание военного дела, строевой подготовки, чтобы как-то дисциплинировать ребят.

Борьба с подростковым пьянством. Как видим, не только больница, но и райком ВЛКСМ, и школа, и завод, и райвоенкомат вовлечены в сферу решения этой острой, тревожащей всех проблемы. Вот так и надо брать за дело, чтобы сладить с бедой, — дружно, всем миром.

НЕ ПОРАБОТАТЬ ЛИ НА ДОСУТЕ?

ИНЖЕНЕР

По профессии и образованию я инженер-технолог. Институт окончил четыре года назад. Работу свою люблю, в коллективе меня уважают. Тем не менее все чаще возникает мысль об увольнении с завода. Почему? Не скрою: из-за зарплаты. У меня семья — жена и двое малышей. Жилец завода строит, но в очереди стоять надо очень долго. Многие вступают в ЖСК, и мы тоже с удовольствием приобрели бы кооперативную квартиру, но семейный бюджет, к сожалению, не позволяет.

Я не из белоручек, умею и столярничать, и слесарить, в студенческих стройотрядах научился и профессии каменщика. С радостью применил бы все эти навыки по вечерам после работы или в выходные дни. И обществу была бы польза (строительных рабочих везде ведь не хватает!), и доходы нашей семьи возросли бы. Обращался в наши местные СМУ, РСУ с предложением поработать у них по вечерам — отказали. Вы, говорят, специалист с высшим образованием, вас нельзя использовать как рабочего, да и что вы за четыре часа в день нам наработаете? А у самих штаты укомплектованы процентов на 70: людей нет! Странное получается дело — и нужны рабочие руки, и не берут...

Владимир ФИЛИН,
Иркутск

СТУДЕНТКА

Вопрос о трудоустройстве студентов не новый, но и не решенный. Очень многие из нас хотели бы, как говорится, «поработать», но на законных, разумных основаниях. Всем ведь известно: на стипендию при всем желании не проживешь, а у родителей не всегда есть возможность помочь в достаточной мере. Но на предприятия студентов берут не особенно охотно, как правило, вообще не берут. Может быть, при общезначимых создать свои мастерские по пошиву молодежной и детской одежды? Ведь легкая промышленность нуждается в кадрах, и если студенты поработают по 4—5 часов в день, то и им, и всем будет польза. Думаю, что и качество студенческой продукции будет высоким: энтузиастов, людей с творческой жилкой в нашей среде хватает, а значит, изделия будут модными, современными, нестандартными. Кстати, учащиеся торговых училищ и техникумов вполне могли бы помогать такую продукцию реализовывать. Чем не производственная практика для них?..

Нина САФОНОВА,
Томск

УЧАЩИЙСЯ ПТУ

Я будущий аппаратчик, учусь на втором курсе профтехучилища. Поступил сюда потому, что хочу скорее стать квалифицированным рабочим и самостоятельно зарабатывать, а не сидеть на шее у родителей. В общем-то я и сейчас хотел бы одновременно с учебой еще и работать. Конечно, в программу обучения у нас входит работа в мастерских, даже изготовление кое-каких мелочей для базового предприятия, но я не об этом. На заводе, как нам рассказывали шефы, «работы больше, чем людей», причем есть и такая, для которой не требуется высокая квалификация, главное — быть здоровым и сильным. У меня разряд по вольной борьбе, сила есть. Но все равно в отделе кадров даже разговаривать со мной не хотят: говорят, молод еще, нельзя. А рабочие, когда я им пожаловался, сказали, что это формализм и консерватизм — запрещать человеку работать, когда он этого сам хочет. Неужели такая уж большая разница, если человек встанет к станку не в 16, а в 15 лет? И неужели несовершеннолетнего даже уборщиком нельзя взять на завод, в трудовой коллектив?!

Сергей ЕФАНОВ,
Свердловск

РАБОТНИЦА

Год назад у меня родился ребенок. Сейчас я, прядильщица по профессии, сижу с сынишкой дома. Врачи советуют еще как минимум год-полтора не выходить на работу. А у меня руки чешутся, соскучилась по работе, по любви! Вечером приходит с завода муж, и я могла бы несколько часов где-нибудь работать, пока он с ребенком. Но где? Узнала, что на предприятиях службы быта не хватает людей. Решила поискать там такое место, чтобы трудиться в день часа по три-четыре вечера. В одной из химчисток требовалась приемщица, но мне отказали: им удобнее, чтобы человек выходил через день, но работал с утра до вечера всю смену. А я так не могу. Короче, не договорились. Хотя на двери химчистки крупно написано: «Требуется приемщица». Знаю, что и в других организациях сферы услуг с кадрами немало проблем. Так, может, следует активнее идти навстречу тем, кто хочет работать по вечерам? Ведь уверена, кадров в службе быта не хватает и из-за того же, что работать приходится допоздна. А тут человек сам предлагает свои услуги именно на эти вечерние часы. Тут есть над чем подумать...

Наталья ФИЛИПЧУК,
Киев

медикам должны прийти педагоги, психологи, социологи. Пока нет четкой теории, многое выясняется опытным путем. К тому же в процессе лечения подростка трудно найти опорные пункты в его сознании. Ведь тут личность еще не сложилась — получается так, что разрушение происходит раньше, чем выстроился характер.

Подростки не хотят лечиться добровольно. Обычно их приводят родители или милиция. И трудотерапию в том объеме, что у взрослых, к подросткам не применишь. А она-то так много решает! Помогает завод. Ребятам находят посильную работу, обучают простейшим ремеслам.

Но это только часть медико-педагогического комплекса. Ведь с каждым больным надо работать индивидуально, пытаться подобрать ключик к его душе. Это непросто, но очень важно. Потому что конкретные и реально полезные рекомендации можно дать лишь при точном знании внутренней структуры подростка, причин и источников заболевания.

— Порой и так, и сяк говоришь с парнем — и все без толку, — рассказывает Петр Балашов. — Тут бы и призвать на помощь семью, но...

Да, как это ни горько, зачастую именно от семьи-то и приходится ограждать подростка. Иные «сердобольные» папы и мамы, навещая сына, приносят с собой бутылку или пачку сигарет. Получается: одни печат, а другие калечат. С таким положением нельзя мириться.

В тесном контакте с практиками работают сотрудники Научно-исследовательского института общей и

АНКЕТА «СМЕНЫ»

НЕ ПОРАБОТАТЬ ЛИ НА ДОСУГЕ?

Авторы писем затронули, на наш взгляд, важный вопрос. О том, как лучше проводить свободное время, сейчас говорится и пишется достаточно много, но разговоры, как правило, сводятся к обсуждению различных форм самостоятельного творчества, занятий спортом, развлечений. В то же время, как свидетельствует почта, многие хотели бы на досуге — после учебного или трудового дня, в выходные — поработать. «Смена» предлагает читателям ответить на вопросы публикуемой ниже анкеты и тем самым принять участие в обсуждении этой проблемы.

1. Ваш возраст _____
2. Род занятий (учитесь, работаете) _____
3. Семейное положение, есть ли дети _____
4. Если работаете, устраивает ли заработная плата? _____
5. Чем занимаетесь в свободное время? _____
6. Хотели бы на досуге поработать? Если да, то в каком качестве? _____

В какой отрасли (производство, сфера услуг и т. п.)? _____

Сколько часов в день, в неделю? _____

7. Пытались ли найти дополнительную работу? Если да, то насколько успешно? _____

8. Какие организации, на ваш взгляд, могли бы предоставить возможности такой работы? _____

Если у вас имеются соображения, выходящие за рамки этих вопросов, сообщите о них. _____

К участию в разговоре мы пригласим ученых-социологов, экономистов, юристов, хозяйственников.

Ждем ваших ответов!

Сколько раз уже, говоря о стиле и методах работы комсомольских организаций, сетовали мы на то, что зачастую жизнь и деятельность того или иного райкома комсомола протекают сами по себе, а молодые люди тем временем тоже сами по себе решают, как им проводить свое свободное время. Решают иногда отнюдь не самым лучшим образом: то потасовку затеют, то ищут уличных приключений, то «балдеют» в подворотнях.

Надо признать, однако, что в последнее время дело организации свободного времени молодежи, кажется, сдвинулось с места: то в одном, то в другом городе райкомы переходят на «вечерний график» работы, организуют всяческие штабы, непосредственно занимающиеся реальными вопросами молодежного досуга. В конце декабря прошлого года создан информационно-консультативный пост по проблемам свободного времени молодежи и в главном штабе комсомола — в ЦК ВЛКСМ, в отделе культуры.

Так что, судя по всему, поворот, о котором говорится в известном постановлении ЦК КПСС по комсомолу, наступает. Поворот от бумажной суе-

сорнованиях приняли участие 224 команды.

Юные болельщики — предмет особой нашей заботы. В беседе с фанатами выяснилось, что подростки в числе своих увлечений ставят футбол не просто на первое, а чаще всего на единственное место. И не только эмоциональной разрядки ждут они от матча, а прежде всего возможных контактов с ровесниками, единомышленниками, друзьями. Футбол — тема, основа, фундамент этих отношений. Хулиганские выходки, которые, к сожалению, нередко случаются, — результат неорганизованности фанатов. Поэтому Минский горком комсомола считает, что назрела необходимость создания в городе Клуба любителей футбола.

Такой клуб должен помочь подросткам организовывать встречи с футболистами любимой команды, поездки на футбольные матчи в другие города, находить работу для юных болельщиков, чтобы они имели возможность отправляться в такие поездки на честно заработанные деньги, и т. д.

Городской комитет комсомола совместно с другими заинтересованными организациями планирует открыть

ЖДЕМ СВЯ

ты, кабинетной текучки и бесконечных заседаний непосредственно к человеку, к его заботам, нуждам и интересам.

Везде ли это важное и насущное дело сдвинулось с мертвой точки? К сожалению, не везде. Вот одна проблема, о которой «Смена» писала уже не раз. Речь идет о фанатах — молодых футбольных болельщиках, приверженцах той или иной команды, поведение которых на стадионах и за их пределами вызывает законное возмущение истинных любителей футбола.

В своей последней публикации (№ 17, 1985 г.), рассказавшей о том, какие организационные формы объединения молодых болельщиков в клубы любителей футбола нашли в Краснодаре, мы обратились к городским комитетам комсомола с просьбой сообщить о мерах, принимаемых для наведения порядка на стадионах, поделиться своим опытом работы с молодыми болельщиками. Специальные письма-обращения принять участие в разговоре о фанатах редакция отправила в комитеты комсомола тех городов, футбольные команды которых выступают в высшей и первой лигах чемпионата СССР.

Откровенно говоря, мы привыкли — это стало просто нормой в отношениях центрального печатного органа с комсомольскими организациями, — что на наши публикации, тем более носящие критический характер, заинтересованные комитеты комсомола реагируют оперативно и по-деловому. Так и поступили горкомы комсомола Днепропетровска и Минска, приславшие обстоятельные ответы на наше выступление. Вот что они сообщают:

«Ознакомившись со статьей «Фанаты? Не только...», опубликованной в № 17 с. г., сообщаем, что в г. Минске проводится определенная работа с болельщиками. Уже на протяжении пяти лет администрация республиканского стадиона «Динамо» проводит турниры по мини-футболу среди поклонников этого вида спорта. Достаточно сказать, что только в этом году в

**ВОЗВРАЩАЕМСЯ
К ПРОБЛЕМЕ
ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ,
О КОТОРОЙ ПИСАЛИ
В №№ 17 И 21 В 1984 ГОДУ И
В №№ 4 И 17 В 1985 ГОДУ.**

Клуб любителей футбола с началом розыгрыша чемпионата СССР этого года.

Секретарь Минского горкома ЛКСМ Белоруссии

О. Герасимов».

А вот что пишет в своем ответе в редакцию секретарь Днепропетровского горкома ЛКСМ Украины Юрий Барабан:

«Сообщаем, что проблемы, затронутые в статье «Фанаты? Не только...», а также в статьях, ранее опубликованных журналом, в значительной степени актуальны для г. Днепропетровска.

Работа Краснодарского горкома ВЛКСМ и других заинтересованных организаций города по созданию городского Клуба любителей футбола вызвала у нас живой интерес, особенно участие команды «Кубань» в работе с фанатами, тем более что мы готовимся к созданию такого клуба в городе. Однако мы считаем, что значение клуба нельзя преувеличивать.

Во-первых, с увеличением численности членов клуба возникают сложности в управлении клубом, а наш опыт показал, что число фанатов растет с повышением мастерства команды и уровня ее достижений. На матчах в Днепропетровске присутствует

обычно около двух тысяч фанатов. Считаем, что клубы любителей футбола в первую очередь необходимо создавать на предприятиях и в учебных заведениях, что позволит привлечь к ним не только фанатов.

Во-вторых, можно с уверенностью сказать, что многие фанаты не захотят участвовать в клубе, то есть подчиняться дисциплине и требованиям его устава. Объясняется это тем, что многие фанаты приезжают на матчи из других городов области, а также значительной разницей в возрасте и интересах. Нам, как и Краснодарскому горкому комсомола, удалось организовать группу подростков, которые помогают в поддержании порядка на стадионе «Метеор». Они следят за тем, чтобы их призывы к команде и речевки носили чисто спортивный характер, убирают сектор после окончания матча. Но самостоятельно навести порядок на трибунах фанаты не могут. Считаем, что это возможно только при помощи членов ОКОД и работников милиции. Для того, чтобы воспитывать у фанатов культуру поведения на стадионе, мы организовали в большинстве секторов работу пропагандистских групп из числа комсомольских активистов. В целом все это в определенной мере изменяет поведение фанатов на стадионе в положительную сторону. А вот после окончания матча на пути следования со стадиона фанаты допускают хулиганские выходки: крики, скандирование, нарушение правил уличного движения и т. д. Как правило, «фанаты-активисты» при этом оправдываются: «Это не наши ребята». Поэтому силами комсомольских оперативных отрядов и инспекций по

и ясный ответ — поведение молодых болельщиков везде, где проводятся футбольные матчи, одинаково. Одинаково тревожно и неприятно выглядит со стороны истинных любителей футбола, для которых болельство за любимую команду не способ шумного самовыражения и самоутверждения, а возможность поддержать своих любимцев на поле, вдохнуть в них силы для победы.

И вот какие мысли сами собой напрашиваются в связи с упорным молчанием комитетов комсомола упомянутых выше городов. У работников этих горкомов, очевидно, все еще в почете некий стереотип мышления: дескать, нам бы ваши заботы, товарищи журналисты. Вы там пишите, обсуждайте, а мы будем читать. У нас, мол, и своих проблем хватает, да к тому же посерьезнее футбола.

Ну что ж, знакомые фразы, знакомая позиция. Только ведь в наших публикациях речь идет не столько о футболе как об игре, сколько о недостатке заботы и внимания к молодым людям, отдающим ему все свое свободное время и подражающим, к сожалению, в своем спортивном болельстве отнюдь не лучшим традициям западных футболистов.

Могут ли эти ребята и дальше оставаться вне поля зрения комсомольских работников? Неужели они забыли о том, что спорт сегодня стал неотъемлемой частью духовной жизни молодежи? Очевидно, и в этом вопросе некоторые горкомы комсомола придерживаются старого, осужденного уже тысячи раз стиля работы: у нас, мол, есть главное направление, на нем мы и сосредоточиваемся, ему все наши усилия и внимание. Ну, а футбол и его неорганизованные приверженцы — это, простите, не наша забота. Пусть ими занимается милиция.

Странная, если не сказать больше, порочная логика! Вот так и подменяют некоторые комсомольские руководители живую работу с людьми громкими фразами, бумаготворчеством.

Забота о молодежи, ее жизни и труде, ее интересах и увлечениях — самая главная, самая естественная обязан-

ность комсомольских работников. И тут не важно, идет ли речь о футболе или об участии в соцсоревновании. Если же этого не понимать, то и в комсомоле делать нечего.

Открытие нового футбольного сезона не за горами. На стадионы в разных городах страны устремятся тысячи болельщиков. Будут среди них, конечно, и фанаты. Предвидим, что снова попытаются они «заявлять» о себе нестройными шествиями, бессмысленными выкриками, свирепыми потасовками друг с другом. Короче, будут тратить свою молодую необузданную энергию зря. Так, может быть, пора уже комитетам комсомола подумать серьезно, как обуздать эту энергию, взять ее под свою опеку, придать ей организованные формы. Примеры есть — те же Краснодар, Днепропетровск, Минск. Только действовать надо уже сейчас, не теряя времени. Действовать активно и творчески.

Мы готовы в этом помочь и будем постоянно рассказывать не только о новых клубах любителей футбола, которые появляются в этом спортивном сезоне с помощью комсомольских организаций, но и распространять интересный опыт и поддерживать любую инициативу и поиск комсомольских организаций в области организации молодежного досуга.

Ждем ваших писем и сообщений, друзья!

ЗИ, ОРКОМ!

делам несовершеннолетних мы проводили рейд «Матч».

Статья «Фанаты? Не только...» поможет комсомольским организациям, в том числе г. Днепропетровска, в поиске форм работы с юными болельщиками. Журнал «Смена» пользуется большой популярностью у молодежи. Хотелось бы, чтобы выпуск футбольного клуба «Надежда» выходили регулярно и ближе знакомили молодежь с лучшими советскими командами, их игроками и тренерами».

Ответы, как видим, достаточно полные и конкретные, свидетельствующие о том, что комсомольские организации и Минска, и Днепропетровска стремятся не выпускать из своего поля зрения острые вопросы работы с футбольными фанатами.

А вот из других крупных городов, в том числе из Ленинграда и Волгограда, где футбол привлекает на стадионы тысячи болельщиков, редакция, к сожалению, до сих пор так и не получила — хотя прошло уже более трех месяцев с момента нашей публикации — ответов на свои выступления.

Может быть, в этих городах проблема футбольных фанатов не так остра? Поставив перед собой этот вопрос, мы просмотрели еще раз нашу редакционную почту. Она-то и дала на него точный

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 3 (1409) ФЕВРАЛЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
водолаз.

Фото
Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

- 1 НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС. МОЛОДОЙ КОММУНИСТ. Сергей БЫЧКОВ. «ЧТО ПРЕДСТОИТ СДЕЛАТЬ».
- 2 ПОДРОСТОК, КОТОРЫЙ НЕ УМЕЕТ ТРАТИТЬ СВОЕ ВРЕМЯ.
- 5 АНКЕТА «СМЕНИ»
«НЕ ПОРАБОТАТЬ ЛИ НА ДОСУГЕ?»
- 8 Рассказ Кима БАЛКОВА
«ВАСЯ КРЕЧЕТ, СТРОИТЕЛЬ БАМа».
- 12 «СКУЧНО ЖИТЬ БЕЗ РИСКА».
Фотоочерк Алексея ВОРОБЬЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 14 ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА».
Ринат ДАСАЕВ,
капитан сборной команды СССР по футболу.
«И В МЕКСИКЕ ГОВОРЯТ ПО-ИСПАНСКИ».
- 16 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
«ОГНЕВОЕ РЕМЕСЛО».
Фоторепортаж Ивана УХАНОВА и Евгения СТЕЦКО.
- 18 Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС. «ПОЭМА ЛЮБВИ».
- 19 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
«ГОТОВЫ К СПОРУ».
- 21 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Рассказ Альберто МОРАВИА «РАЗДВОЕНИЕ».
- 23 ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ.
Беата БУШЕЛЕВА, кандидат педагогических наук.
«СТАР И МЛАД».
- 24 «СИЛУЭТЫ».
Михаил ДУДИН. «АХМАТОВА».
- 29 Повесть Николая ЛЕОНОВА «ОБРЕЧЕН НА ПОБЕДУ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

Солнце из-за туч выглянуло белое, негреющее — смотришь на него, а глазам хоть бы что, будто и не на солнце смотришь, а на беленую доску. Ветерок вынырнул из-за черемуховых кустов, слабый, не освещил — пот размазал.

— Давай! — кричит бригадир. — Чего же ты?!

— Ага, конечно, — отвечает Вася, а может, и не отвечает, а только ему кажется, что отвечает. Придерживает руками шпалу, чтоб, не дай-то бог, не упала со стоек на землю. Глаза у бригадира шустрые, всякую малость приметят: не сдвинулся ли рельс, ладно ли стальной палец прошел, прижимая его к шпале. Бывает, и не понравится что-то, и скажет тогда: — Ну, Вася...

И делается парню и стыдно, и неловко, засуетится, норовя побыстрее исправить оплошку. Впрочем, в последнее время ему меньше перепадает: приноровился... Да и то помогает, что в бригаде человек тридцать, есть и такие, кто пришел недавно и умеет меньше Васиного.

— Кончай работать. Обед!

Зовут, кажется? Нет?.. Смотрит на бригадира, а тот словно бы и не слышит, подымает молоток, бьет. Раз, другой... Звенит рельс, прогибается, ловит сдвинуть с места шпалу. Но нет, шалишь!.. Вася легонечко — где рукою в большой верхонке, а где и плечом — поддержит ли, подправит ли... Само собою на обшивке рельсов не все делается вручную, может, как раз меньше всего вручную, только и здесь без шноровки да умения не обойтись. А того и другого у Васи нынче хватает. Он так думает, что хватает. Случается, что и к нему подойдут и скажут: «Помоги-ка, слышь... Руки стали слабые, не подчиняются». И он не откажет, нравится помогать.

После обеда — двадцать минут на отдых. Это бригадирово решение. Твердое. И начальнику мостоезда не оспорить. Помнит Вася, кое-кто поначалу пытался поломать обеденное время бригады: мало ли что, аврал там, дело ли какое, упавшее с неба как снег на голову. Вдруг да и попросят: «А что, ребятки, не подсобите ли?» Ласковый голос у того, кто просит, разве откажешь? Вася кепчонку в руки и... Но — стоп!.. Смуглое, с толстыми нитями морщин на лбу лицо бригадира делается недовольное. «Не суетись», — скажет и так посмотрит на Васю лучистыми, от высокого забайкальского солнца, что ли, глазами и так разведет руками, что тот страсть как засовестится и долго еще не найдет себе места. И бригадир заметит это душевное состояние парня, и улыбнется едва приметно, и словно бы забудет про того, кто пришел с просьбой, но вот и вспомнит: «Отдохнем, а потом и поможем. Отчего же нет?»

Раз-другой наткнувшись на отказ, привыкли и теперь справно дожидаются, когда люди отдохнут минуточку-другую после обеда.

Бригадир ненамного старше Васи, года на три, быть может: если Васе двадцать один, то ему... Арифметика несложная! Верно, что ненамного, а смотрится куда как знатно: вон и морщины на лбу, и руки большие, с мозолями. Мало кому Вася

нездешнем... Порою и подходил Вася под самую крону и, прижавшись лицом к теплому стволу, подолгу простаивал...

Вася на БАМе с самого начала: приехал, когда еще в палатках жили и прорубали просеку для железнодорожной трассы. Люто было, морозы под пятьдесят, а летом комарье — ни под какой сеткой не спрячешься. Но не поэтому уехал Вася с БАМа через полгода в родную деревню на Подольщине. Вдруг сделалось беспокойно на душе, а может, и не вдруг, а накапливалось исподволь, и не мог уж глядеть на то, как падают деревья. Большие и вроде бы сильные, с теплыми рукастыми ветвями, а только не такие уж и сильные, и чудилось, вздрагивают, когда прикипают к ним бритвенно острые зубья бензопилы, и охают, падая, и стонут, и глухо гудит земля, потревоженная людской неумностью.

Там, в родной деревне, не каждый и слыхивал про чудо таежное, северное, а чтоб самый завалыющий мужичонка пошел с топором да с дурными мыслями в ближайшую рощицу, где каждая березка знакома сызмала и про каждую и пацан скажет, какого она норова да отчего искривилась в стволе и дышит неровно, — о том и думать не смей. Приученный уважать сущее на земле, не сумел Вася приноровиться, не захотел, очутившись на БАМе. И теперь еще помнит, как, случалось, за вечер уж, когда луна выблискивает тускляя, ходил по просеке, где вповалку лежали деревья, и прислушивался к шелесту ветвей — привядшие, они были еще живые, и смущение таилось в этом шелесте, и удивление, словно бы не могли понять деревья, чем не угодили людям.

— Нет, не могу... Уезжаю.

Бригадир не хотел отпускать парня, однако ж и слов тех, единственных, в утешение не нашел. И сам потом признавался, что не нашел, и это было огорчительно, и долго еще маялся душевною смутю.

А дома рады-радешеньки, отец с матушкой глаз не сводят с единственного своего чада, не знают, куда усадить да чем еще приветить. А Вася скучен, мучает чувство, будто обманул кого-то, подвел. Странное чувство, ни с чего вроде бы... Ну, скажите на милость, что значит подвел, а пуще того — обманул? Да он за всю жизнь не сделал такого, чтоб потом маяться и стыдиться. Но тогда отчего это чувство? И нет ему чюра и послабки нету.

*Вьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...*

Чаще Вася стал петь эту песню, вот сядет подле печурки, откроет дверцу, глядит, как горит уголь, взявшись неярким синим пламенем, и поет, и слова больно ранят душу, и не по себе делается, когда произносит слова:

На поленьях смола, как слеза...

И впрямь как слеза... Да не здесь, нет, а там, на просеке... Вот спилит дерево,

ВАСЯ КРЕЧЕТ, СТРОИТЕЛЬ Б

РАССКАЗ

Ким
БАЛКОВ

завидует, а вот бригадир... Да! Хочется, чтоб и у него на лбу были настоящие морщины и руки чтоб не эти вот, маленькие, вроде бы даже рыхлые какие-то, а чтоб другие, сильные. Но, как ни старается, не умеет поменять себя. Впрочем, зависть эта маленькая, с горошину, ее и птичка-невеличка проглотит и не подавится. К тому же есть у Васи одно преимущество перед остальными, про то сам бригадир знает, знает и одобрительно, случается и такое, скажет об этом. Вася славно играет на баяне, а еще он поет, да не эти, нынешние, крикливые, без ума, другие, за душу трогающие песни. К примеру, вот эту:

*Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
Ох, здравствуй, ох, здравствуй, родная,
Здоров ли отец мой, где брат?..*

Вот и теперь сидит Вася посреди вагончика на низком самодельном стуле, слегка наклонив набок большую лобастую голову, и неторопливо, словно бы нехотя перебирает клавиши:

*По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах...*

Вася не любит торопить песню, считает, она должна вызреть, теснясь в душе, а уж потом, когда неумогу станет в темном узилище и начнет задыхаться, тогда и дай ей волю, и пускай она, неробкая, летит от человека к человеку.

Вася поет, а подле него бригада, не вся, конечно, вся в вагончике не поместится, кое-кто стоит на крыльчке под синеврюшным небом. Сам бригадир сидит у окошка, задернутого серой ситчевой занавеской, щуря глаза и едва ли не с нежностью глядя на гармониста. Эти минуты бригадировы, попробуй-ка помешать ему слушать, заговори-ка о деле, враз лицо у него покроется дурной краснотой, и скажет тогда... Э, лучше и не знать, о чем скажет!

Но окошко в вагончике лишь одно занавешено, а те, два, настезь распахнуты, и глядятся в них сосны да ели, покачивая ветвями, странно все-таки, вроде бы тихо вокруг, и малая травинка не прошелестит, угнутая ветерком, а ветви шевелятся, будто живые, и, отталкивая друг друга, норовят быть поближе к окошку. Вася никак не привыкнет к этому: ну, умом-то он все понимает, но стоит малость забыть, и услышится чудное про эти сосны да ели: вроде того, что и впрямь они живые, только не каждому дано увидеть это. А вот ему дано, потому и померещится, будто перешептываются деревья, зазывают, точно хотят сказать о чем-то своем,

прошелестит оно ветвями и замолкнет, свянув, а Вася постоит еще маленько и подоидет к тому месту, где только что стояло дерево, и увидит по самому срезу пня тонкие слезинки смолы, и они все накапливаются, накапливаются...

И не скоро еще Вася придет в себя и скажет слабым, в котором все перемешается разум — и неумение, и обида, и страх, — голосом:

— А тайга на БАМе — чудо что за тайга. И нету ей ни конца ни края. Сроду не видал ничего похожего.

Услышат отец с матушкой слова эти и смущенно потупятся: почудится, что сын норовит выдать себя за бывалого человека, а на самом-то деле мальчик еще, только и есть за плечами — школа да служба в армии. Но бывает, что другое почудится, непривычное что-то, упрямое и не Васиное вроде бы, чужеватое, и тогда больше всего засмущаются старые, второй уж год как на пенсии, уйдут на кухню и долго станут шептаться.

А председатель колхоза зачастил в избу:

— Ну, чего же ты?.. Скоро ли впряжешься в работу?

И уж Васиных родителей не слушает, и в темных глазах его едва ли не злое нетерпение:

— Теперь скоро...

Вася в последнее время стал так отвечать, а по первости все молчал и думал о чем-то... Старых-то не обманешь, сразу заметили, что не в себе сын: и глаза какие-то беспокойные, и та морщинка на лбу, единственная, про которую только нынче узнали, словно бы глубже делается, когда сын сядет к печке, распахнет дверцу, станет глядеть... И у них нынче беспокойно на сердце, однако ж не скажут про это, не любит Вася, когда нарушают его уединение.

А как-то ближе к осени, Вася подходит к отцу с матушкой и говорит негромко, словно бы робея:

— Поеду я...

Его спрашивать: куда и зачем, по какой надобности, а когда узнали, что снова на БАМ, попытались отговорить, да где там: поеду, и все дела... И отстали, решив про себя: может, так и лучше, и повеселеет Вася, очутившись опять среди новых своих товарищей.

— Ладно, — говорят, — поезжай...

Прилетев на БАМ, узнал, что бригада теперь на зашивке шпал.

Промаявшись полдня, идет на берег Байкала, за поселок: где-то там, по слухам, собирают рельсы... Идет узкой таежной тропкою, и те самые вековые деревья, не остывшие — живые, пошумливают над его головой длинными зелеными ветвями, и

Рисунок
Антон КУМАНЬКОВА

неразобранная, будто дожидаясь. Уж потом узнал, так и было: никого не брали в бригаду, верили, вернется...

Вася поет, а рядом бригада, не вся, конечно, вся в вагончике не поместится, но и те, кто стоит на крылечке, хорошо слышат, и глаза у них грустные, и жалко им бродягу, который вернулся домой, а отца уж нету, и брата нету... Но вот Вася замолкает, бригадир, помешкав, берет у него баян, бережно ставит в угол.

Мало-помалу грусть, навеянная Васиной песней, отступает, в вагончике делается шумно, толкуют о работе, о том, что шпал осталось смены на три, а дальше что... Опять ждать, когда завод-изготовитель отправит? Выходит, придется сидеть без дела и маяться, что нечем занять себя? Впрочем, нынче, кажется, не станут маяться. С неделю назад девчоночка приехала из Иркутска, легкая, стройная, румяноликая, а глаза... И что за глаза!.. Вася к женскому полу не больно-то... Может, тут природная стеснительность виновата, а может, другое что-то — сразу и не скажешь. Но было, обижали Васю девушки, случалось, и говорили, посмеиваясь: нескладный какой-то, под руку возьмет, а ты бойся, как бы синяков не наставил, да и слова от него путного не услышишь, одно и есть — поет хорошо... Не раз слышал это и на армейской службе, которую провел в Забайкалье, и в родной деревне. Вот и охладел к женскому полу.

Но нынче поменялось в нем что-то, в душе его, и к девчоночке той, румяноликой, уж так-то потянулось сердце, все норовит встретиться с нею, а спать ложась, прикидывает, как бы завтра словчить сбежать в клуб, где пристроилась девчоночка, поглядеть на нее. Чудно, однако ж... Минуты не посидит спокойно, все хлопочет о чем-то, в бригаду зачастила, с начальством, случается, что и поспорит. Поначалу Вася не мог понять, чего ей надобно, уж потом узнал: окончила институт культуры и приехала сюда по назначению, вроде бы самодеятельный театр собирается создавать. И впрямь театр...

Вчера пришла в бригаду, позвала всех в вагончик: так, мол, и так, будем ставить спектакль, я и пьесу подобрала, и роли выписала на отдельные листочки, вам остается разучить их... И начала раздавать эти самые листочки. Васе достался разлинованный, длинный, из бухгалтерской книги. Прочитал этот листочек, но так ничего и не понял. А может, не старался понять?.. Не то интересно, что там написано, а то, что побывал он в руках у девчоночки. Странно все-таки: никогда Вася не испытывал этого вот, которое нынче, томительного чувства, вроде и грустно, и вместе радостно, и плакать хочется, и смеяться... Расскажи кому, не поверят. То и обидно, что не поверят. Кажется ему, ребята не умеют увидеть в нем чего-то важного, а не то почему бы говорят, случается: «А что Вася? Вася весь тут, на ладошке...» Ой ли? А может, нет? Может, есть в нем еще что-то, о чем парни и не догадываются? Во всяком случае, самому-то хотелось бы, чтоб так было. Поэтому порою и сделает серьезное лицо, и задумается надолго, и на вопросы отвечает невпопад. Но надолго Васю не хватает. Помается и опять сделается прежним, участливым к чужой напасти, без малой утайки в душе.

— А что, не пора ли за дело?

Это бригадир, конечно... Парни поднимаются со своих мест, а вместе с ними и Вася, идут из вагончика. И снова начинается работа, которая по первости казалась нудною, а теперь привык к ней, и уж исполняет без напряжения, и даже успевает подумать о чем-то другом, не о работе. К примеру, о том, что приятно жить на Байкале. Вон и в деревне, когда приехал, дружки-приятели из тех, кто еще оставался на отчине, спрашивали:

— И что это за чудо такое — Байкал?..

Вася не умел ответить, может, тогда еще не успел разглядеть того, что окружало, все дела, дела... Может, и так. И потому Вася лишь пожимал плечами, брал в руки баян, и очень скоро над примолкшей деревней взнималась песня про славное сибирское море, и дружки-приятели подсаживались поближе и старались подсобить...

Так и было. Но если бы нынче Вася очутился в родной деревне, ему было бы о чем рассказать, и вовсе не потому, что стал чаще ходить на берег Байкала, как раз этого и не скажешь, и нынче времени в обрез, а только появилось в душе что-то, и уж нет прежней опаски, когда случалось бродить по прибрежной тайге: а не дай-то бог заплутать, пропадешь... Верно, что нет той опаски, а есть другое, когда все, что окружает, не кажется лютою глухоманью, где даже малая травка пугает своею зеленоватую ершистостью и когда при случае в голове выстраивается привычное: а вот у нас... нет, у нас лучше... Иное нынче в голове, и уж про прибрежную тайгу с ее

АММА

большое синее небо в просветах меж ними глядится легко и искристо. Минут через двадцать подходит к Байкалу, накатывают на каменистый, в сером галечнике берег нешибкие и прозрачные, словно бы просвечиваемые изнутри, волны, долго стоит, жадно рассматривая эту живую, пронзительно синюю неоглядность, и становится отчего-то жалко себя, и те раздумья, которые волновали, кажутся маленькими и слабыми в сравнении с этой вот всецветской неоглядностью, такими маленькими и такими слабыми, что делается стыдно: эк-кий же я... И не скоро еще почувствует себя в своей тарелке, и на память придут полюбившиеся слова:

*Ох, здравствуй, ох, здравствуй, родная,
Здоров ли отец мой, где брат?..*

Он отыскивает бригаду на зеленом байкальском мыске, сплошь заставленном новенькими железнодорожными путями. С трех сторон омывают мысок волны, а горловина заросла густым хвойным лесом.

Вася отыскивает бригаду и говорит виноваго:

— Приехал я... — И держит в руках баян, не найдя сразу, куда поставить: земля сырая, посверкивают озерца, как серебряные монеты на ладони.

Парни в неярких, болотного цвета куртках глядят на Васю, и нет в глазах той усмешки, увидеть которую так боялся, другое в глазах, доброе и светлое: мол, чего же ты, бери в руки молоток, раз приехал... Но никто не скажет этого, искоса поглядывают на бригадира, ждут. Ему первое слово. А тот мешкает, руки отчего-то делаются суевливыми и долго не найдут застежку на куртке, но все ж подходит к Васе, русоголовый, невысокого роста, неказистый с виду, жидковатый даже, однако ж знает Вася, неказистость эта обманчива, проворен бригадир, не угадаться за ним. Подходит, спрашивает, сминая в руках хворостину:

— Приехал?

— А-га, — отвечает и видит в глазах у бригадира то же самое, что и у парней, и разом светлеет на душе, но еще долго не поймет, почему встречают его так, без опаски. Уж много позже узнает, что его отъезд вызвал в бригаде разные разговоры, которые по прошествии времени свелись к тому, что зря отпустили парня без кривины в душе, не отпускать надо было, а подсобить разобраться... В зачине того разговора стояло слово бригадира, он лучше других и винил себя.

— Раз приехал, становись к работе...

А работа непривычная, к концу дня умаялся Вася — спины не разогнешь, пришел в общежитие, сил только и хватило, чтоб раздеться, упал на кровать: стояла,

звериными тропами да с гудящими деревьями, сквозь ветви которых не во всякую пору пробьется и жаркое июльское солнце, не скажет, что она чужая, а коль спросят про нее, много чего поведаст, и не всегда о том лишь, что знает, а еще и о том, что услышал.

Вася не помнит, когда произошла с ним эта перемена, однако ж догадывается, что случилось такое не в одночасье, а копилося помаленьку, исподволь. Однажды шел по тенистому, сплошь заросшему ивовыми кустами и легким, изжелта-серым березнячком берегу горной речки, глядя, вода какая-то непривычная, маслянистая, а была другая, искристая, зеленоватая, и камушки на дне разглядишь в любую погоду, хотя б и в ненастье. Нагнулся, зачерпнул ладошкой... Холодна, как и прежде, но привкус не тот, вроде бы бензином шибает. И точно, бензином, уж потом узнал, как пришел в поселок. Оказалось, на прошлой неделе поставили склад горюче-смазочных материалов едва ли не у самой речки. Больно сделалось на сердце, он — к бригадиру, так, мол, и так. И к начальнику тоже... Сроду не был настолько, а тут привелось-таки...

Может, в ту пору, когда бежал по инстанциям с парнями из бригады, и случилась в Васиной душе перемена? А может, и не тогда, а чуть позже... Помнится, повстречался в тайге со стариком звенком, с виду вроде бы веселый, бойкий, а глаза грустные.

— Скажи-ка, друга, и чего тебе в тайге надо?

— А ничего, — ответил Вася. — Гуляю.

Оживился старик, сказывать начал про себя да про родичей, которые искони живут на этой земле. И про тревогу свою тоже поведал:

— Людей шибко много в тайге, машины бегают, шумят — ой-ей-ей... Зверь боится, уходит. А когда зверя не будет, чего звенку делать? Худо, однако...

Сразу-то Вася не понял, чем так озабочен старик, это уж немного спустя защемило на сердце, и боль, которая услышалась в голосе собеседника, вроде бы своею сделала. Сидел, слушал, все больше наполняясь тревогою, а потом и заговорил, и слова нашлись те самые, единственные, которые только и могли утешить старого человека. И сам не знает, откуда взялись, а только приятно, чего уж там!.. Значит, и в нем есть что-то, о чем и сам еще не догадывается, а вот старик увидел и повеселел. Правда, когда попрощался с звенком и медленно побрел в сторону поселка, примыкая зеленоголовый чепуристый подлесок да изредка прикасаясь рукою к теплым кедровым стволам, подумал с грустью, что ничего такого он и не сказал, и сам не знает, как строить железную дорогу, чтобы зверь не ушел из окрестной тайги, где звенкийские селения, жители которых с малых лет занимаются охотничьим промыслом. В том-то и дело, что с малых... Помнится, забрел в школу-интернат, теперь и не скажет, по какой надобности, глядит, все койки заправлены, и вмятинки не сыщешь, а уж поздно и луна заглядывает в окошко сребротекая. Понудивлялся, спросил у воспитательницы:

— А где ребяташки?

— Да вон, под койками. Подложат под голову телогрейку и спят. А чтоб заставить их лечь на кровать, и не думай... Привыкли, едва ль не с пеленок в тайге, у костра... Охотники!

«Да, да, охотники... Что же они станут делать, когда уйдет зверь? Прав старик: худо, однако...»

И неделю спустя Вася думал о судьбе звенкийских селений, и на сердце было неспокойно. Может, в эту пору нелегких раздумий поменялось что-то в душе и все, чем жил теперь, сделалось родным и близким?..

Работает Вася споро и весело, и время бежит незаметно, вон уж и солнце за белую коврижку гольца цепляется, хорошее солнце, круглое, греет, но не обжигает, и смотреть на него можно, слегка прищурившись и кожей ощущая теплые струйки.

— Все, братцы, на сегодня хватит! — говорит бригадир.

Парни несуетливо оглядывают свое рабочее место, сборка шпал происходит прямо на станции, которую не густо, а все ж приметно, через шаг-другой, изрезали подъездные пути; отностя рабочий инструмент в вагончик и, неторопливо переговариваясь, идут в поселок, который начинается сразу же за станцией, стоит лишь миновать березовую рощицу и обойти овражек, заросший мелким кустарником. Уже идя по поселку, парни начинают расходиться, многие из них с семьями и живут в квартирах, и скоро с Васею остается человек пять, эти из общезжития, им спешить некуда...

Вася ужинает в столовой, потом направляется в клуб с остерверхою крышей, сколоченной из легкой, в смоляных подтеках, доски. Парни не отстают, хотя Васе хочется побыть одному. Но что делать, если им тоже та девчонка из Иркутска велела выучить свою роль? Вася знает те роли, читал... Парням играть рабочих людей: «У меня станок забарахлил, надо б с главным поговорить, дожать...» Или же: «А я думаю, этого не надо делать, мы сами управимся...» «Честное слово, тут все понятно. Не то что у меня, у меня-то как?..» Васе выпало сыграть начальника, и это пуще всего смущает его. Попробуй-ка сыграть этакого делового человека, который ничего, кроме работы, не хочет знать, и женщины для него словно бы не существуют, и малого деревца не приметит — растопчет... Нелегко Васе!

А девчоночку звать Катюшою, но она не велела себя так звать, сказала с вызовом в мягком и приятном для слуха голосе:

— Я Екатерина Ивановна... Вам ясно?

Парни переглядываются меж собою, улыбаются. Но скоро делаются серьезными, это когда девчонка говорит о том, что им предстоит создать самостоятельный театр и они будут ездить со своими спектаклями по северной магистрали, а чтобы это исполнилось, надо много работать.

— Ух ты! — произносит Вася и смотрит на парней заблестевшими глазами. — Вы ходит, нам придется менять профессию? Не поздно ли?.. Как-никак возраст.

Вася младший среди парней, и они хохочут, а кто-то спрашивает:

— Ну, а как с зарплатой? Небось, система-то другая, самостоятельная...

Вася слышит в голосе того, кто спрашивает, усмешку, и ему делается досадно, и эта досада становится еще больше, когда он видит в лице у девчонки растерянность, очень хочется подсобить ей и сказать что-то в утешение, и он говорит... Впрочем, у него теперь такое душевное состояние, когда и сам не знаешь, не то ты сказал, не то подумал вслух.

Вася говорит что-то, но это лишь вызывает новый взрыв хохота, и девчонка заметно тушуется, и та растерянность, которая прежде виделась в ее лице, делается сильно похожей на неприязнь, когда девчонка глядит на Васю.

Но вот парни успокаиваются и дают сказать девчонке.

— Да, я режиссер. Но я режиссер самостоятельного театра, а не... не...

Пришел бригадир, стоит у двери, маленький, шустроглазый, ему жаль начинающего режиссера, и он произносит строго:

— Хватит, ребята. Почудили, и будет.

В маленькой, с тонкими перегородками, сквозь которые доносятся какие-то хаотичные музыкальные звуки, комнате делается тихо, и девчонка, помедлив, рассказывает об идее пьесы, которую выбрала для постановки. Вася старается слушать внимательно и понять, но ничего не получается, и не потому, что он

какой-то несмышлениш, просто у него такое настроение, все бы смотрел на девчоночку, а думал о другом. К примеру, о том, какие у нее дивные глаза, вот глядишь в них и себя видишь на самом доньшке. Такие у нее глаза. А может, это кажется, и ничего-то там не видишь. Впрочем, отчего же?.. Вася поудобнее устраивается на стульчике, прячет руки за спину и внимательно, стараясь не моргнуть, смотрит в девичьи глаза.

— Значит, так... В наш век научно-технического прогресса... старательно, с каким-то даже благоговением выговаривая слова, говорит девчонка, — появился новый тип делового человека. Это прогрессивный молодой человек, которого не устраивает положение вещей, и он мучительно ищет выход. Он объективен, необидчив, готов пожертвовать чем угодно во имя идеи...

— Силен, — говорит кто-то. — Герой прямо...

Но девчонка не слышит, смотрит на Васю, и лицо у нее пуще того розовеет, когда она продолжает:

— Вот такого человека и должен сыграть Василий... — Она опускает голову, ищет глазами в шпаргалке, которая у нее в руке. — Да, Василий Кречет... — Она опять медлит: — Кречет?.. — Теперь в ее лице недоумение, словно бы забывает, зачем она тут, в этой комнате, такое у нее лицо. — Кречет, — говорит чуть слышно. — Но почему, собственно, Кречет?

Вася вспыхивает, мучительно чешется кончик носа, живо вспоминает, как вот так же пять лет назад с удивлением произнес его фамилию бригадир монтеров пути и со смешком добавил:

— Ястребиное что-то... Ну да ладно, бывает и хуже.

Может, и бывает, а тогда Вася обиделся и не скоро еще отошел. Но теперь не хочется обижаться, и все же досадно.

— Вас не устраивает моя фамилия? — спрашивает.

Парни смеются, а девчонка и не улыбнется, чувствуется, ей неловко:

— Да нет. Только...

Ненадолго замолкает, а потом говорит о другом, о той роли, которую предстоит сыграть Васе, о сложностях, что ожидают его. Вася слушает и, в свою очередь, недоумевает: конечно, ему потруднее, чем кому-либо из парней, он должен сыграть начальника, — но все же не на столько, чтобы тратить так много слов. А девчонка меж тем все больше входит в роль и вот уже восклицает с какими-то высокими, едва ли не поэтическими интонациями в голосе:

— Вот именно Кречет! Волевою, сильный, и ему никто не страшен, он словно бы один в просторном небе, и все кружит над землею, кружит... Ищет добычу!

Вася вздрагивает, услышав свою фамилию, почти с мольбою глядит на девчоночку, в этой его мольбе так много смущения, что девчонка заметно сникает:

— Простите, я имела в виду не вас, а...

— Чего ж извиняться? — усмехается бригадир. — Вася такой... Одно слово, Кречет.

Вот теперь можно бы обидеться по-настоящему, бригадир не хуже самого Кречета знает, что Вася не такой... Но не хочется обижаться, странное нынче у Васи душевное состояние, такого еще с ним не случалось, вроде бы и теплится в нем обида, но какая-то слабая, неврадашняя, и грустно ему, и вместе радостно, а отчего радостно, не скажешь, как не скажешь, отчего грустно, и разное вспоминается, а больше то, как однажды шел по лесу и вдруг увидел осинку — тонкотелая, листья вяло, как то обреченно свисали к земле, поглядев на нее и невольно остановился и спросил: «Чего же ты такая слабая? Вокруг тебя вон какие деревья, а ты слабая?..» И почудилось, ответила что-то осинка, но он не услышал, что именно. И как-то не по себе стало, и еще долго держалось в нем чувство неловкости и смущения, а когда исчезло, глянул вокруг, и уж тайга не показалась огромною и сильною, и подумал, что и пожалеть ее не грех.

— Вася такой и есть, — говорит бригадир, и в его словах уже нет насмешки, добрые они и серьезные, и Вася смотрит на него и догадывается, что бригадир о чем-то уже говорил девушке, скорее, о нем, о Кречете. Наверно, о чем-то таком, чтобы развеять ее сомнения, думает Вася, жаль, что я увлекся своими мыслями и не услышал...

Девчоночка с минуту молчит, предлагает почитать пьесу всем вместе, по очереди... Вася с недоумением оглядывается, не сразу поймет, как можно читать «всем вместе». Но, оказывается, можно. Когда очередь доходит до начальника цеха, которого должен сыграть Вася, девчоночка делает ему жест рукою, и он вскакивает и громко, волнуясь, произносит свою первую реплику:

— Нет, так не пойдет!.. На заводе необходима реконструкция, и я проведу ее.

Девчоночка с легким удивлением смотрит на него, но молчит, и чтение продолжается до следующей Васиной реплики:

— Я предлагаю вам уйти с завода. Отчего, вы спросите, отвечу: ваши взгляды на производство устарели, вы будете только мешать.

Вася и эту реплику произносит во весь голос, и парни улыбаются, а девчоночка говорит:

— Вы не волнуйтесь, пожалуйста.

Легко сказать: не волнуйтесь, — попробовала бы сама... Впрочем, она, может, и знает, как научиться думать за начальника цеха. Может, у нее отец начальник?..

Измаялся Вася, пот в три ручья. Особенно плохо стало, когда на заводе началась реконструкция: начальник цеха и вовсе сделался неуправляемым, и там поспевает, и тут, на того нашумит, на другого... Вася тоже кричит, он уж и про парней забыл, об одном только думает, как бы не подвести начальника. Крутой мужик, сладу с ним нету!

Пуще всего разоряет Вася, когда перед ним вдруг замаячит фигурка маленького хитрого человечка (девчоночка так и сказала: «человечка»), которого играет бригадир. Уж тут он во всю распоясывается, крик его делается до того пронзительным, что еще долго у самого в ушах звенит. Чувствуется, неудобно так-то, вон и бригадир качает головою, а попробуй-ка остановиться. Черт-те что!.. И когда очередь доходит до новой Васиной реплики, брошенной по адресу бригадира, у которого, судя по слегка порозовевшему лицу, настроение не ахти какое, девчоночка поднимает руку:

— Хватит! Хватит!..

Она смущена, может, думает, у Васи какие-то счеты с бригадиром? Но, честное слово, это не так, и бригадир никогда не кричит, а, наоборот, спокоен, если даже у кого-то не ладится... Оттого и тянутся к нему люди, и уважают. Только что же остается Васе, коль он убежден: в его теперешнем положении по-другому нельзя?..

Но девчоночка, словно бы догадавшись, говорит:

— А вот и нет... И человеку, которого вы должны сыграть, совсем необязательно все время кричать. Конечно, он не ангел, и строг не в меру, и к женщинам относится не так, — что-то дрогнуло у нее под глазами, жилочка какая-то, — как надо бы...

— То-то и оно, что к женщинам! — восклицает Вася, и лицо у него светится. — А это, это... нехорошо!

Сам он относится к женщинам с тем большим уважением, чем меньше они обращают на него внимания. Правду сказать, почему-то не ладится с ними. Может, робеет, когда случится прайтись с кем-то?.. И слова тогда теряются, делается и

пуще того нескладным, и ругает себя почем зря, только ничего не умеет поделаться с собой.

Васе нравится слушать, как говорят женщины, когда в ладу с миром, как смеются, и он терзается, когда, бывает и такое, услышит от них резкое, грубоватое, в такие минуты все вздыхает и мучается, кажется, что и он виноват в том, что женщина в дурном расположении духа.

А вообще-то он спокойно и домовито чувствует себя, когда не встречается с женщинами, тогда все идет строго по распорядку, которому подчинил свою жизнь: работа, несложные вечерние хлопоты, прогулки по лесу, разговоры с парнями, опять работа... Нравится эта жизнь, и он ничего не хотел бы поменять. И так, наверно, продолжалось бы долго, если бы не приехала девчонка и не захотела создать самостоятельный театр. Стоило увидеть ее, как в душе что-то сдвинулось, и уж тесно стало в тех рамках, в которых протекала жизнь, и, удивляясь себе и досадуя, начал живо интересоваться всем тем, чем занимается девчонка, случается, что и у парней спросит: куда нынче ходила да что делала?.. И спать стал беспокойно, а то проснется посреди ночи, и лежит с открытыми глазами, и думает о чем-то далеком-далеком, до чего сроду не дотянется. То и обидно: вдруг да там откроется дивное-дивное, и на сердце делается так хорошо, как еще ни разу не было?

Вася и в школе, и когда служил в армии, случалось, что принимал участие в художественной самодеятельности, разыгрывал с приятелями разные сценки, и оттого, когда девчонка сказала, что она режиссер, не стал куражиться и чуть ли не первым записался в художественную самодеятельность, в самостоятельный театр. Но теперь ему не по себе, не ожидал, что предложат такую роль... Вот дали бы роль рабочего парня, уж он показал бы себя! А тут... Кругом идет голова у Васи, и, не будь режиссером та девчонка, видеть которую сделалось необходимым, он давно забросил бы свою роль.

Вася мучается, семь потов сойдет с него, пока он произнесет чертовски трудные, какие-то увязливые, и не вытолкнешь сразу, слова.

Так было и вчера, и позавчера, и неделю назад, и нынче ничего не поменялось, разве что Вася еще пуще невзлюбил начальника цеха, которого сроду не видел, но за которого должен говорить что-то... И это удивительно. Кречет за всю жизнь не испытал ни к кому мало-мальски серьезной неприязни.

— Ну, хорошо, хорошо...— говорит девчонка, с виду вроде бы слабенькая, хилая, однако ж настырности в ней—подзанять бы.— Вы вот что... Представьте, что вы начальник и перед вами открывается возможность что-то изменить к лучшему. Представили?

Вася ненадолго задумывается, но не над словами девчонки—приятно, что смотрит на него и говорит с ним. А что, если бы так было всегда? И утром, и вечером, всю жизнь?.. От этой мысли дух захватывает, и он забывает обо всем и даже о своей нелюбви к начальнику цеха, и, когда девчонка велит продолжать, Вася скорее механически, чем осознанно, не повышая голоса, однако ж и вовсе не вникая в смысл того, о чем говорит, произносит свою реплику, и это звучит так нелепо, гораздо хуже, чем если бы он встал и закричал, что парни с недоумением смотрят на него, а кто-то говорит:

— С ним надо индивидуально поработать. А не то пропадет.

— Вы так думаете?— спрашивает девчонка, лицо у нее розовеет, а все ж, если приглядеться, можно увидеть в нем еще и решимость.— А вот и поработаю, и поработаю...

Вася ничего этого не слышит, он теперь в своем, выдуманном им мире, где так хорошо и спокойно и где нету треклятого начальника, но зато есть девчонка и та удивительная северная природа, которая раньше пугала, а нынче сделалась близкой и понятной; и Вася идет с девчонкой по узкой, подле самого уреза синей байкальской воды, тропе, и держит ее за руку, и улыбается... Он приходит в себя не скоро, подымает голову и видит девчонку, и ему становится не по себе, такое чувство, что она знает, о чем он думал...

Потом они выходят из клуба, медленно бредут по улице, облитой не ярким еще, не набравшим силу лунным светом, а спустя немного оказываются за околицею и ступают на ту самую тропу, которая совсем недавно пригрезилась Васе, и это так сильно действует на него, что он невольно останавливается и почти со страхом смотрит на девчонку:

— Так мы, значит, вдвоем? Мы...

— Ну, конечно же... Конечно...

Вася только теперь догадывается, что девчонка ни на минуту не умолкала, пока шли по поселку, она и сейчас говорит и волнуется, и Вася не знает, чему приписать ее волнение, а спустя немного уже и не думает об этом, неожиданная мысль обрушивается на него, сминает, не оставляя в душе ничего другого. «Она со мною, но не просто же так... Значит, я нравлюсь ей?» Что-то горячее и сильное подымается в груди, делается так хорошо, что даже страшно, но не за себя, нет, за девчонку, которая, конечно же, чувствует то же самое: а выдержит ли ее сердце?..

— Скажите, бригадир часто вас обижает?

Она спрашивает об этом раз, другой... А Вася не слышит, и, только когда видит в ее лице неудовольствие, делает усилие, и заставляет себя понять, о чем она спрашивает, и говорит с недоумением:

— А чего ему обижать меня? Мы с самого начала вместе, с первой просеки. С первой палатки... Славный парень и к земле с ласкою, а чтоб обидеть ее—ни в жизнь. Помню, вели просеку, так прораб велел пошире брать, ну, для того, значит, чтоб заработком нас не обидеть. А бригадир спрашивает: зачем?.. Ну, тот ему: как это зачем? А если вы в неделю управитесь, чем я займу вас? У меня другого фронта работ нету.

— И что же?

— А ничего. Бригадир велел не отходить от плана, не губить деревья.

— Вот видите! Видите!..

Радуетсya чему-то. Чудно!.. Ну да пускай радуется. Иль у меня на душе не светло?

— А начальник вашего СМУ что за человек?

— Начальник-то?..— все с тем же недоумением говорит Вася и не поймет, отчего ее потянуло на расспросы.— А что начальник? Человек—начальник... В прошлом году пожар случился вон там, сразу же за горою, там и теперь еще тайга сплошь мертвая. Так он первым в огонь кинулся. Потом с месяц пролежал в больнице, левый глаз у него по сей день дергается.

— Вот видите! Видите!—воскликает девчонка.— И тот начальник... ну, из пьесы, он тоже, если что... Понимаете?

Нет, не поймет Вася.

— Из пьесы? Из какой пьесы?— и смотрит на девчонку, и смотрит:— Ах да, из пьесы... Выходит, вы всю дорогу об этом и толковали?

— Вот именно! И я чувствую, что вы наконец-то осознали, как надо играть.

Вася сникает, медленно угасает то сильное и горячее, что было в груди, делается грустно и обидно:

— А я-то... я-то...

Сворачивает с тропы и как-то неуверенно, вяло переставляя ноги, идет к поселку. Она с удивлением смотрит ему вслед и не поймет, что случилось.

Дмитрий НЕЧАЕНКО

Фрагмент

Я мальчик. Я толст и нелеп.
Я полностью занят собою.
Я небо намазал на хлеб,
качая ногой на заборе.
Мне слышно гуденье травы
и треск перезревших орехов.
Отец почему-то уехал,
и нам не носить головы
за орден военный его,
что братом обменен на марки...
Я с мамой. В окошке темно.
Веранда и запах заварки.
И слышим по радио мы,
что кем-то затянуты сроки
какой-то «холодной войны»—
какой-то детской мороки.
Потом появляется дождь
и шарит по саду, скучая,
и губы мои огорчает
густая виновная дрожь
и горькая веточка чая.
А мать говорит сквозь меня,
беззвучно, как будто некая,
какая бывает война,
что теплой войны не бывает,
зачем-то целует лицо
так долго и без продыханья,
пока поплывут очертанья
террасы, столовых щипцов,
вазона с пугливой геранью,
орехов, орехов, грехов...
За что это мне, бедокуру,
любимцу и шкоднику, так—
святую невинность такую
и нити одежд на кустах,
падение в бездну за дверью
и до затекания ног
качанье на пьяных деревьях
и яблока горький комок?
Наступит иная зима,
чем те, что придут и бывали,
покуда я буду зевать,
и спать, и летать в одеяле.
А утром вернется отец
достать в колпаке из газеты
мучение, тайну всех детств—
сырые от снега конфеты.
И вновь, как повторная съемка,
меня захлестнут на плаву
колючки костлявой осоки,
осколки пасхальных скорлуп
и детских сокровищ негодных
нетонущий мерзлый металл
в раздутых карманах, и орден,
который «не знаю, не брал»,
и воздух—на грани и выше
витанья судьбы надо мной,—
простреленный косточкой вишни,
чудовищный, сладкий, пустой.

Любовь моя, произойди,
зайди на мой огонь вечерний,
шума травой, сквозь сад ничейный,
пустырь и мокрые кусты.
Перед окном мелькнула тень,
вздохнул заславший терновник.
Не быстро, тише—как садовник,
руками разведи сирень.
Ты знаешь холод не такой,
приветливость плохой погоды
и для кого держу огонь
я на окне все эти годы,
все эти знаешь вечера
непредсказуемых желаний.
Мы появились не вчера
и знаем цену ожиданью.
Мы появились из беды,
ночных кустарников листанья
и слез обветренной звезды
над тесной бездной мирозданья.
Любовь моя, не говорю,
что ты единственная в мире,
но никому не отворю
дверей в незапертой квартире.
Настань, любимая, включи
свет на земле, где тьма, как пытка.
Бойтся в грифельной ночи
моя садовая калитка
чужого стука и тепла
прикосновений, как щекотки.

Я б, кажется, узнал тебя
по звуку звякнувшей щеколды...
Я каждый раз себя ловлю,
что осторожности не знаю,
и не влюбляюсь, а люблю,
и не люблю, а умираю,
и где живу—кругом, как дым,—
стихов летающие блюда
петляют в воздухе и бьются,
и где целую—остаются
печали легкие следы...
Я знаю: не бывает так.
Все в общем-то чужие люди.
И птицы устанут летать,
и ветер холода не любит.
Дождю противен шум воды,
рукам—заученные жести...
Любовь моя, произойди—
мне холодно без происшествий.

Просторный вечер, сонник трав.
На край шатающейся лодки
сидит солнце, дым далекий
напоминает дым костра,
когда летит не высоко.
Он предвещает дождь, быть может.
Но нас все это не тревожит,
мы уплываем далеко.
Немного протекает дно,
а нас и это не пугает.
Соседской девочке давно
пора домой. Она вздыхает
и обращается ко мне
слегка торжественно и робко,
по заводи волшебного долго
раскачиваясь на волне:
«Любимый, это все не сон?
Все это будет вечно, правда?
Перебегать дорогу травы,
волна перебирать песок,
бродить у неподвижной лески,
а лунный свет—щемять глаза,
то исчезать за перелеском,
переливаясь в чудеса,
птиц голоса?..» Она глядит
с какой-то лиственной тревогой,
ладонь бесшумно топит в воду,
сгребает ряску, говорит:
«...чадит черемуха. Ответ:
когда привыкнут к тайне губы,
они устанут и не будет
нужна нам тень плакучих верб?
Мы не расстанемся?..» Потом
она молчит, садится рядом,
каким-то очень детским взглядом
окидывая водоем,
и прислоняется, как ветвь,
и ждет хорошего ответа.
Что я отвечу ей на это?
...Мой свет в светелке, все минулось.
Мы повзрослели, расплылись
две наши лодки, разминутись
да так потом и не сошлись.
Теплынь и тишь. Светает скоро,
и только слышно вдолг кося,
как осыпающихся склонов
идут песочные часы.
И кажется, я снова мальчик,
и тем же воздухом дышу,
и так же ножиком на мачте
смешные глупости пишу,
пока скользят походкой
минуя камни у ручья,
на край качающейся лодки
сидит девочка моя...

СКРУЧНО ЖИТЬ БЕЗ

КАМЕНЩИЦА КАЛИЯ ТОКТОГУЛОВА: РАБОТА, УВЛЕЧЕНИЯ, ВЗГЛЯДЫ

В классе ее не замечали. Скромная до немоты, она не подавала голоса на комсомольских собраниях, не бывала на танцах, не рвалась в турпоходы. Типичный представитель «середняков», молчаливых и серых,— никаких.

Но однажды эта тихая девочка прочитала книгу о военных летчиках. Перевернув последнюю страницу, Калия отправилась не на традиционную прогулку вдоль бульвара, а... в аэроклуб. И заявила там, что хочет летать. Всего-навсего.

В ответ скептически улыбнулись: кандидатов в «икары» перебивало здесь много, да летать-то дано не каждому. Большинство уходило, так и не попробовав неба.

— Я не уйду, я серьезно,— сказала она совсем негромко.

— Поживем — увидим, — было произнесено без особого энтузиазма.— А летать можем предложить только с парашютом.

Калия была согласна и на парашют. Лишь бы поскорей оторваться от земли.

Но в том и состояло первое испытание для новичков, что прыжкам обязательно предшествовали месяцы тренировок, учебных занятий. Проверка на терпение и усидчивость, отсеявшая десятки «энтузиастов».

У Токтогуловой были причины топиться. В классе посмеивались, представляя ее под куполом парашюта. Насмешки можно снести. А как побороть сопротивление матери? Она долго оставалась в неведении, где пропадает вечерами смирная и послушная дочь, а узнав, запрела Калию дома перед началом очередного занятия.

«Тихоня» вылезла в окно и спустилась по пожарной лестнице. Соседи увидели и не поверили глазам своим. Решили, что обознались. Мать она кое-как успокоила, пообещав, что никогда с парашютом не прыгнет. А день первого прыжка приближался...

Когда открыли люк и дали сигнал «Приготовиться!», Калия уже не могла поймать ни одного из бешено пляшущих обрывков мыслей: «Занесло же!.. Вот дура!.. Права была мама, права... Струсить стыдно!» Она теперь плохо соображала, куда и зачем ей, собственно, нужно прыгать.

Тихая девочка начиталась про военных летчиков...

Но мудрое правило парашютного спорта требует: новичков бросать только «на автомате». Ведь половина забудет и за кольцо дернуть. Новичку надо лишь вывалиться из люка, а там рывок, автоматическое раскрытие купола— виси себе на стропах, жди земли и в ожидании встречи с ней цитируй классика, утверждавшего, что лишь в паденье прелесть полета. Если, конечно, зуб на зуб попадет.

Только через несколько месяцев Калия призналась матери, что с парашютом все-таки прыгнула. И мать скорбно сжала губы: ну, что с тобой поделаешь?

Легка и соблазнительна догадка, что именно тот первый прыжок круто изменил характер, выявил личность, повлиял на судьбу. А все дальнейшее — лишь следствие этого первого преодоления, главное, мол,— сделать вовремя один решающий шаг. Шаг — и ты уже в другой жизни, и

дальше уже все по-другому. Но такая схема пригодна лишь для нравоучительных сюжетов на темы морали. Жизнь объемнее и запутаннее.

После первых трех прыжков с парашютом новичкам Фрунзенского городского аэроклуба обычно давали понять, что приходит на занятия больше не стоит. Азы, дескать, изучили, а дальше уже большой спорт, воздушная акробатика, многоборье — удел особо одаренных. Собственно, это тоже испытание, ведь после такого отказа вновь в клуб приходит лишь тот, кто по-настоящему полюбил парашют.

Вечерами Калия пропадала в клубе, ездила смотреть (только смотреть!) тренировки и соревнования, помогала ребятам чинить снаряжение. Ждала и надеялась. Оказалось, что за первым «решающим» шагом должны следовать тысячи других, не менее трудных и решающих.

Возможно, четвертый ее прыжок стоил трех предыдущих. Но он состоялся.

В школе подкатила пора выпускных экзаменов. Фрунзенский горком комсомола как раз в то время призвал выпускников школ пойти на стройку. С жильем в столице республики (это был конец семидесятых) было туго, рабочих кадров не хватало, причем «недостача» людей в отрасли измерялась не сотнями, а тысячами. Появлялись агитаторы из горкома и в школе, где училась Калия, произносили какие-то общие слова, но призывы их отзвука не находили.

А потом пришла как-то к ребятам на собрание пожилая женщина, маляр-штукатур с соседней стройки. Ничего вроде особенного не сказала. Но Калию словно заворожила. Она так и не поняла, чем, но решение пришло вдруг, будто само собой: «На стройку! Надо так надо!» Пришло не к ней

одной — весь класс дружно написал заявления с просьбой зачислить в СМУ треста № 1.

И снова отчаивалась мама: — Стройка! Кругом выпивохи! И моя дочь среди них... Немедленно забирай заявление!

Калия и слушать не хотела, чтобы изменить решение, и твердила свое: о чувстве долга перед друзьями («Все пойдут, а я?!»), о гордости комсомольской. Ведь вызвались, слово дали, а теперь назад?!

Горком комсомола уже пропагандировал инициативу класса. Для большего эффекта ребят объединили в одну комсомольско-молодежную бригаду да еще закрепили за ней совсем юного мастера.

Поначалу работа казалась им праздником. Они радовались даже непривычной для их ладоней тяжести кирпичей, лазили в обеденный перерыв по железобетонным конструкциям,

Алексей ВОРОБЬЕВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

ИСКА

незло смеялись над ошибками друзей. Но вот им дали построить дом. От «нуля», самостоятельно. И ребята поняли, что даже не знают, как к нему подступиться. Новорожденная бригада в недоумении застыла перед свежесваренным котлованом.

Кое-как все же начали, наугад, на ощупь. Правда, со временем стены стали расти дружнее и кирпичи укладывались ровней. Но растерянность и недоумение не покидали ребят.

— Бросили нас тогда, как котят в воду,— вспоминает Калия,— причем сразу на глубину. Будто всем безразлично было, выплывем ли мы...

К тому времени она уже более ста раз прыгнула с парашютом, но хорошо помнила, что новичков бросают только «на автомате». Очевидно, мудрое это правило руководителям СМУ-1 было неведомо.

Настал день, когда из бригады ушли сразу несколько парней, за ними еще, следом потянулись и девчонки. Калия пыталась их удержать, убеждала, что все еще наладится, но от нее отмахивались:

— Не травми душу, Токтогулова!

Разобраться в хитросплетениях строительных проблем ребятам было не под силу, а цифры в ведомости на зарплату из месяца в месяц оставались до слез скупыми. Дело не двига-

ПАРАШЮТИСТЫ:
ДОЛГИЙ ТРУД НА ЗЕМЛЕ
РАДИ МГНОВЕНИЙ
ПОЛЕТА.

ЗДЕСЬ
ЕЕ ЛЮБИМАЯ
РАБОТА.

лось. Тогда их бригадир Геннадий Квитко обратился за помощью в ЦК Компартии Киргизии. Не жаловался—делился трудностями. Их поняли. Вмешались.

Лишь после этого администрация треста «заметила» комсомольско-молодежную бригаду, стала помогать. Но... большинство ребят уже не верили в возможность что-то наладить. Из всего класса остались на стройке Калия Токтогулова да Женя Рындин.

Почему она не ушла вместе с друзьями? Калия сама порой спрашивает себя об этом. Возможно, когда уже рассыпалось их школьное братство, удержала ее на стройке поддержка наставницы, Александры Васильевны Салтыковой. Она как никто умела красиво (вот именно красиво!) класть кирпичи и делала это так аккуратно и чисто, словно праздничный стол накрывала. И заразила своим отношением к делу подшефную.

А однажды Калие было доверено вручать ключи прибывающим новоселам. Девушка водила их по квартирам, наслаждаясь почетной ролью, радовалась вместе с ними светлым, просторным комнатам и тут же огорчалась, замечая огрехи, недоделки, оставленные ее же подругами.

Что-то важное произошло с Калией в тот день. Кажется, именно тогда у нее появилось ощущение принадлежности к профессии, за которым стремление к совершенству.

СЕМЕЙНОЕ
СЧАСТЬЕ...

А ПОСЛЕ СМЕНИ—
НА ЗАНЯТИЯ
В ИНСТИТУТ.

Калия осталась каменщицей в новой бригаде. Ей нравилась ее работа, но она уже не мыслила себя и без неба.

...Перед очередными соревнованиями, когда предстояло выступать за команду республики, Калия пошла отпрашиваться к начальнику управления. Тот хмыкнул многозначительно и вернул ей бумагу.

— Нет. Работа есть работа. План делать надо.

Не вникла в ее «личные» заботы и

администрация треста. И тогда Калия отправилась... к министру.

Наверное, в том просторном кабинете она выглядела забавно со своими проблемами. Наверное, руководителю отрасли было трудно сдерживать улыбку, слушая возбужденную и рассерженную девчонку. Но он сдержался. Серьезный, занятой человек, он понял, что не блажь привела ее к нему.

Короче, в соревнованиях участвовать ей разрешили.

Эпизод этот давний. Но разве не характеризует он нашу героиню? Кто-то скажет: упрямая девчонка. Да, упрямая. А еще упорная. Упорная в достижении цели. Такова Калия в спорте. Такая она и в работе. Это заметили ее товарищи, строители. И оценили.

Когда коллектив треста выдвинул Токтогулову кандидатом в депутаты Верховного Совета Киргизской ССР, никого такое предложение не удивило, не показалось нелепым. Хотя, конечно же, аванс высоким доверием молодой каменщице выдали крупный.

Как она восприняла этот жизненный поворот? Растерялась, конечно, а потом успокоилась. Во всяком случае, сомнения, справится ли, ее не одолевали. «Надо—значит, справлюсь. Не хуже других!»

— Токтогулова, звони на завод, по-

чему раствор задерживают,— требовали теперь каменщики.— Зря, что ли, ты у нас депутат?

Она звонила. И требовала. Но не как депутат— просто как возмущенный строитель, у которого стоит дело. Звонки помогали не часто. Тогда, собрав факты, она написала на своем депутатском бланке официальный запрос начальнику растворного узла. Тому тоже пришлось ответить официально— и телефонных звонков больше не понадобилось.

Депутатские дела сталкивали ее с такими сюжетами из частной жизни, в которых прежде и разбираться бы не рискнула. Но теперь требовалось. Она опять поступала, как на тренировке: у люка не мешкать, прыжок в пустоту, а там уже прощ...

Тихая девочка из скромных школьных «средняков» научилась летать. Освоила рабочую профессию, выполнила норму кандидата в мастера спорта по парашютному многоборью, побывала делегатом от молодежи республики на XIX съезде ВЛКСМ, стала депутатом Верховного Совета Киргизской ССР. Она действительно уже многое успела сделать в свои двадцать шесть лет.

Удача? Счастливый случай? Ее семисотый прыжок решили отменить, как это и принято в аэроклубе. Торжественная церемония выглядит так: прыгают затылком всей группой, в воздухе собираются в кольцо, говорят теплые слова «юбиляру» и затем раскрывают парашюты. А уже на земле— цветы, объятия.

Вот и в этот раз все шло по плану: друзья поздравили Калию и разлетелись, чтобы не мешать друг другу при приземлении. Но когда она взялась за кольцо, в нескольких метрах под собой увидела Славу Глухова из команды московских парашютистов. Из его ранца уже вырвался оранжевый купол и, хлопнув, плотно опутал Калию складками ткани. Она почувствовала, что не может шевельнуть рукой.

По инструкции Славе надо было сразу же отстегнуть основной парашют. Но он вместо этого рванул кольцо запасного. Запасной купол плеснуло ветром и тоже кинуло на девушку. Теперь она не только была связана по рукам и ногам— стропы захлестнули шею и начали душить.

Калия уже не помнила, что они с большой скоростью несутся к земле. Она поняла, что через секунду просто задохнется. Оставался какой-то глоток воздуха. Но вдруг она ощутила, как под тяжестью Славы оба купола постепенно сползают по телу. Вот стропы отпустили шею, вот можно двинуть рукой... Еще чуть-чуть, и она освободится. И тут ее обожгло: «Славка!» Сейчас он отцепится от нее и полетит вниз с комком тряпок вместо парашюта.

Она едва успела поймать спутанную ускользящую ткань, схватилась так, что побелели пальцы, покрепче намотала на руку. Вместе так вместе: она его не отпустит!..

Очнувшись уже на земле.

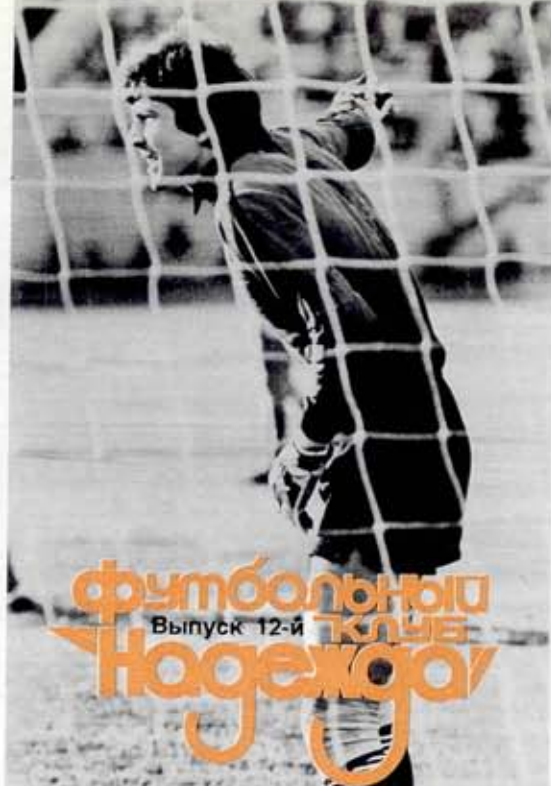
— Жива?
— Жива. А ты?
— Вроде бы...

И обнялись, не в силах говорить. Оказалось, за мгновение до столкновения в воздухе Калия все же успела сорвать кольцо своего парашюта.

Потом, когда возвращались в город, Славка задумчиво произнес:
— А ты ведь мне жизнь спасла...

...Где-то над тобой в небе проплывает по ясной лазури самолет. И вдруг в бездонной высоте возникает крохотная живая точка. Она несется к земле, все увеличиваясь, и холодное безмерное пространство наполняется для всех, ждущих внизу, особым смыслом. Видение мимолетное и хрупкое, готовое вот-вот исчезнуть. Но тут вспыхивает лепесток купола. И человек необъяснимо торжественно парит на его крыле, бережно неся к земле свою мечту о полетах в небо.

В МЕНЬШЕЕ СЛОВОРЯТ ПО-ИСПАНСКИ

Ринат ДАСАЕВ,
капитан сборной команды СССР
по футболу

Прежде чем перейти к рассказу о некоторых событиях чемпионата мира в Испании, хочу еще раз напомнить: собираюсь делать это вовсе не для того, чтобы как-то оправдать наше признанное с такой категоричностью неудачным выступление. Просто считаю необходимым высказать свою точку зрения на игры команды в Испании и рассказать о причинах, существенных, на мой взгляд, образом повлиявших на то, почему она была такой.

...В Севилью мы прилетели тринадцатого июня. Вопрос о сроке прибытия в Испанию обсуждался тренерами достаточно тщательно и долго. И решение вылететь накануне игры с бразильцами было принято в последний момент. что, пожалуй, оказалось правильным. Несколько лишних дней подготовки в сорокаградусной жаре вряд ли принесли бы пользу. Но говоря о погоде, тренеры скорее всего больше опасались, как бы мы—дебютанты такого грандиозного турнира.—раньше времени оказавшись в его раскаленной атмосфере, не растерялись, не впали в состояние неуверенности и смутнения.

Избежать перед стартом излишней психологической нагрузки удалось. Поэтому игра с бразильцами, после которой о сборной СССР тут же заговорили, у нас получилась.

Я ехал на стадион с длинным названием «Рамон Санчес Писхуан», спокойно наблюдая, как за огромными стеклами автобуса, в каком-то безумном танце, крича и размахивая руками, бесновалось желто-зеленое племя бразильских болельщиков, могучим десантом высадившихся в Севилье. Нечто подобное мне уже доводилось видеть два года назад на ревушей «Маракане». И глядя, как готовится к матчу «торсида», легко представлял ее через час с небольшим вот такой же безудержно кричащей на трибунах. Как ни странно, но чем меньше времени оставалось до начала встречи, чем сильнее накалялась вокруг нее обстановка и отчаянней закипали страсти, тем больше мне не терпелось вступить в игру. Вот такой, на первый взгляд неожиданной, оказалась моя реакция на все происходящее.

Забегая вперед, скажу, что состояние какой-то особой и такой необходимой спортивной злости не покидало меня и в дальнейшем. Я испытывал огромное удовольствие от спора на поле с противниками, понимающими толк в футболе. Вратарь не может, забив в стремительной контратаке гол, решить исход матча в пользу своей команды. Но повлиять на настроение партнеров и соперников уверенной, надежной игрой способен.

Уже в первом матче я совершенно отчетливо начал ощущать, что далеко не у всех моих товарищей обстановка первенства вызывает такую же, как у меня, ответную реакцию. И понял: если они хоть однажды усомнятся в стойкости своего вратаря, то могут не выдержать этого невероятного напряжения.

...То, как мы проиграли бразильцам, видели все. Но я до сих пор помню растерянность и отчаяние на

Фото Анатолия БОЧИНИНА

лицах Переса, Жуниора, Зико, Фалькао, Сержиньо после гола, так неожиданно для всех забитого Андреем Балеом.

Помню схватившегося в отчаянии за голову и мгновенно поблдевшего Володю Бессонова, не сумевшего при счете 1:0 послать мяч в пустые ворота.

Судя по первому тайму, победа должна была оказаться на нашей стороне. Однако во втором все перевернулось. Исполненные желания отыграться, бразильцы ринулись вперед. А мы, вместо того чтобы продолжать контролировать середину поля, отступили назад, прижались к своим воротам, хотя в перерыве тренеры призывали рисунок игры ни в коем случае не менять.

Меня могут тут же спросить, почему два года назад на «Маракане» мы вели себя по-иному и обыграли бразильцев, хотя по ходу встречи уступали им в счете. В Севилье же, имея в запасе гол, растерялись.

Во-первых, тогда в Рио у бразильцев сборная еще не была такой мощной, как в Испании. Во-вторых, на «Маракане» матч проходил товарищеский, и мы, лишь недавно надевшие майки сборной, знали: даже уступи мы в нем, никто не упрекнет нас за неудачу, а потому играли гораздо свободней.

В Севилье же каждый знал, что поражение на старте может быть чревато неприятностями, которые возникают в подобных соревнованиях еще и по воле более удачливых конкурентов, способных обойти тебя за счет разницы мячей или прочих турнирных вариантов, которых возникает порой множество.

Боязнь упустить синицу, так неожиданно быстро пойманную, заставляла осторожничать, рождала массу каких-то совершенно необъяснимых промахов. Это тут же уловили чуткие к любой перемене в состоянии соперника и окрыленные появившейся надеждой бразильцы. Я и защитники метались из угла в угол ворот и штрафной, бросаясь под коварные удары Сократеса, Эдера, Фалькао, прерывая проходы Зико и Сержиньо. Но, несмотря на все старания, дважды мы ничего сделать не смогли.

За пятнадцать минут до конца мяча, посланный, как из катапульты, Сократесом, обжег мне ладони, кикнул о штангу и вонзился в сетку. А чуть позже Эдер нанес неотразимый удар.

Мог ли я выручить товарищей?

После проигранных встреч такой вопрос задают себе все вратари. Но в первый же раз увидев на экране телевизора видеоповторы голов Сократеса и Эдера, я понял: учитывая позицию бьющих, расположение атакующих их защитников, траекторию и силу полета мяча, ни я, ни кто-либо из моих коллег парировать такие удары не в состоянии. Когда после очередного повтора то же самое заявил опытный голкипер Слава Чанов, я окончательно успокоился.

Но неудача есть неудача, ее все равно не спишешь. Вот почему, слушая весьма лестные отзывы о нашей первой игре, мы старались понять, отчего вдруг к концу ее растеряли то, чем были сильны вначале.

— Как думаешь, в чем тут дело?—спросил я Чанова.—Почему вы выдержали, не устояли?

— Скорее всего потому, что и стремились к концу только выстоять. А надо было продолжать играть, наращивать обороты. Чуть сбился с темпа и сразу потеряли инициативу. А чтобы ее вернуть, всегда больше сил требуется. Вот в середине второго тайма и «поплыли».—огорченно рассуждал Вячеслав.

Время подтвердило, насколько близок к истине оказался тогда мой товарищ.

Только верность **своей** игре, умение не отступать от нее даже в самых сложных обстоятельствах могут принести успех в таких турнирах. Это подтвердили наиболее ярко сыгравшие в Испании команды. Итальянцы, бразильцы, аргентинцы, французы, поляки—особенно на завершающем этапе первенства—игрового курса старались не менять. Правда, курс этот не всегда оказывался победным. Но если они и уступали противнику, то более умелому, а иной раз более удачливому.

Отстоять свое игровое «я» не всем под силу. Для этого необходимо обладать многими качествами, среди которых громадную роль играет умение выдерживать колоссальные психологические нагрузки. В этом плане, как и во всем остальном, на высоте оказались итальянцы. Какую выдержку проявили они в предвратительном групповом турнире, когда все критиковали их бесцветную, тяжелую и невыразительную игру! А как оценить их мужественное спокойствие в финале, когда при счете 0:0 Кабрини не забил пенальти!

Пережив трудности первых шагов, окрепнув и поверив в себя, будущие чемпионы показали затем ту самую игру, которую потом их тренер Беарзот охарактеризовал как «интеллигентную и скоростную».

За счет чего им это удалось?

На этот вопрос так ответил Беарзот:
— Еще в Аргентине я понял—через четыре года в Испании, при новой системе розыгрыша, решающее слово будет за теми, кто уже прошел школу мирового чемпионата. А потому, несмотря на недовольство журналистов и многих коллег-соотечественников, старался сделать все возможное, чтобы избежать многочисленных перемен в составе.

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

Здесь можно добавить, что в каждой линии чемпионов были лидеры: в обороне — вратарь Зофф и защитники Ширеа и Джентиле, в средней линии — Тарделли и Антониони, в атаке — Росси и Конти.

В нашей же команде, за исключением тренеров, никого из тех, кто бывал на мировых чемпионатах хотя бы в роли наблюдателей, не нашлось. А что касается лидеров, то их в сборной оказалось меньше, чем хотелось, по двум причинам. Первая — это уже упомянутые потери: неожиданный уход Кипиани, травмы Хидиятуллина и Буряка. А вторая — не все, кого тренеры рассчитывали в Испании увидеть в этой роли, оправдали их надежды. И во многом из-за того, что это было знакомство с мировым первенством. Часто в жизни случается, что именно при первой встрече с чем-то новым, незнакомым человек теряет, становится непохожим на себя.

...С Тенгизом Сулаквелидзе мы начали играть в сборной года с восьмидесятого. И сразу же я убедился в его великолепных для защитника данных и способностях. Отчаянно смелый, решительный, сильный — о таких частенько говорят: «Человек-кремень». Сколько раз проверялся он в самых непростых встречах и никогда не подводил. Не случайно ведь отметили его в Бразилии и Аргентине, где Тенгиз строго и в то же время по-джентльменски опекал таких мастеров атаки, как Зико и Марадона.

Но в обостренной и нервной обстановке испанского первенства стремление темпераментного Сулаквелидзе сыграть как можно лучше, объять необъятное обернулось против него. Он не спал ночами, хотя принимал кучу успокоительных таблеток, случалось, выходил на зарядку таким уставшим, словно уже успел провести две тяжелейших тренировки.

После матча с шотландцами, в котором Сулаквелидзе не использовал отличный прострел Блохина, он подошел ко мне.

— Не могу, Ринат, никак не могу отвлечься, прийти в себя, — расстроено объяснял Тенгиз, — как вспомню, сколько людей за нас переживает дома, как ждут победы в родном Кутаиси, в Тбилиси, так сразу же начинаю чувствовать, что со мной какие-то непонятные вещи происходят. Вроде бы все в игре стараюсь делать как надо, а получается чуть-чуть не так...

Это «чуть-чуть» спасло в решающем матче ворота польского вратаря Млынарчика, когда мы имели, пожалуй, самый реальный шанс забить. Тенгиз получил передачу от Оганесяна, но из выгоднейшего положения головой послал мяч над перекладиной.

Надо было видеть в то мгновение отчаянную и пронзительную боль, разом вспыхнувшую в его широко открытых глазах.

— Сто лет проживу, а не забуду этот момент, — ударяя от досады по коленям крепко сжатыми кулаками, сокрушался потом Тенгиз.

Не все оказалось просто и для Александра Чивадзе, одного из тех, кто нашел в себе силы не отступить от своей игры. Причем в ситуациях, где сделать это было не просто. Но Александр вел себя, как подобает капитану, — спокойно и уверенно.

Почему-то принято считать, что защитники технически хуже оснащены, чем форварды, поскольку для разрушения атак виртуозность ни к чему, Саша отвергает подобную, по его мнению, давно уже устаревшую трактовку обязанностей своих коллег. Наверное, найдется немного нападающих, которые так укроажают непослушный мяч, как Чивадзе. Поначалу меня раздражало постоянное стремление Саши непременно кого-то обвести вблизи своей штрафной и обязательно отдать точный пас, даже если на него насаждают соперники. Какому вратарю приятно, когда, кроме чужих футболистов, ему треплют нервы свои. И как-то я, набравшись смелости, заявил ему, что все это когда-нибудь добром не кончится.

— Понимаешь, Ринат, — выслушав меня, сказал Александр, — мы ведь с тобой за сборную выступаем. А она должна играть красиво. Именно к этому и надо стремиться. Я ведь, овладев мячом, не спешу «палить» вперед не потому, что лишний раз хочу себя показать. Просто считаю, что чем точнее и неожиданнее начнет защитник атаку, тем острее и опаснее может она получиться. Ты-то ведь тоже не торопись вводить мяч куда и кому попало.

Постепенно я понял: Чивадзе просто не умеет играть по-иному и не хочет. Его футбол — не ожидание случая, который, если повезет, может принести удачу, а спор, где победа приходит только с помощью логически выстроенных, продуманных ходов. Как в шахматах. Не потому ли Чивадзе часто можно застать за разбором интересной шахматной партии?

В Испании на долю нашего капитана выпали дополнительные испытания. В матче с шотландцами, принимая мяч, он неожиданно поскользнулся, чем воспользовался «дежуривший» рядом Джордан. Так мы оказались в малопривычной роли отыгрывающихся, а получивший столь неожиданную фору противник с еще большей уверенностью повел осаду моих ворот. Дело принимало неприятный оборот. Чувствовалось, что шотландцы в отличие от предыдущей

встречи с бразильцами, где они также открыли счет, но проиграли, на сей раз не намерены повторить ошибку. Страчан, Саунесс и особенно Арчибалд не переставали рваться по флангам и центру, бить из любых положений. К концу первого тайма я вспотел и устал так, будто в полной вратарской амуниции провел сорок пять минут в жаркой сауне.

Нужно было что-то предпринимать. Необходимость неожиданного хода в такой обстановке становилась очевидной.

И первым понял это Чивадзе. Он принялся все чаще и чаще совершать затяжные рейды на половину противника, с упорством и верой шел вперед, ведя за собой ребят. Такая решимость всегда раздражает соперников, заставляет их сутешиться, терять самообладание и в конце концов ошибаться.

После резкого выпада Бессонова и Гаврилова в штрафной вратаря Рафа началась суматоха, в результате которой мяч на мгновение остался беспризорным. Раньше всех к нему подоспел Чивадзе и хладнокровно сравнял счет.

Когда после передыжки и волнений мы вышли в следующий этап первенства, по дороге из Малаги в Барселону Саша сказал мне: «Не должно теперь с нами осечки произойти. Знаю — будет еще сложнее, чем раньше. Но в полуфинал мы попадем».

Не думаю, что эти слова он сказал по долгу капитана. Они были рождены состоянием человека, с честью прошедшего через первые испытания, а потому переполненного страстным желанием бороться, которое возникло в такой близкой ему атмосфере большого футбола. Той, что вызвала у некоторых совсем иную реакцию.

Не все были настроены и уверены в себе так же, как Саша Чивадзе. Толя Демьяненко, Сергей Балтача или Володя Бессонов. Уже после матча поляков с бельгийцами, в котором легкий, неуловимый Бонек трижды распечатал ворота Костера, — кое-кто приуныл. В голову полезли невеселые мысли и всевозможные математические расчеты: «Сколько же мы должны теперь забить бельгийцам, чтобы начать встречу с поляками в равных с ними условиях?» Такую возможность гарантировал счет 3:0. А поскольку до этого каждый гол давался нам с невероятным трудом, то вопрос, как выиграть да еще с таким внушительным результатом, поверг в смутнение.

Не буду говорить, кого именно. По игре с польской командой это нетрудно было понять. И даже по предыдущей, с бельгийцами, в которой победа далась за счет колоссального напряжения, и двухдневной паузы перед решающей встречей с поляками, имевшими в отличие от нас почти неделю передышки, оказалось мало.

Почему же мы так и не сумели одолеть польскую сборную, хотя и ставшую на чемпионате третьей, но сыгравшую с нами самую, пожалуй, свою невыразительную встречу? Причина одна — не смогли забить.

По возвращении домой особой критике подверглась игра Рамаза Шенгелия и Олега Блохина. А более чем скромная их результативность (каждый провел только по одному мячу) стала главным для этого поводом. Их обвиняли в безволии, пассивности и даже потере класса, забывая, что оба они были главными действующими лицами в борьбе за путевку в Испанию. Стало быть, дело в чем-то другом, помешавшем им подтвердить свой класс с прежним хладнокровием и достоинством.

Думаю, причин несколько, и не стану определять, какая из них главная. Да и не в этом суть. Оба они (особенно Блохин, чье имя в футбольном мире известно и чтимо) понимали, что опекают их соперники будут с усердием и без особых церемоний. Смущало их иное. То, что любой не забытый ими мяч, неиспользованный момент могут в одно мгновение лишит команду и миллионы болельщиков, так веривших в нас, всех надежд. И чем больше моментов они не использовали, тем быстрее теряли веру в себя.

Реагировали на это Олег и Рамаз по-разному.

Олег и на тренировках, и на матчах вспыхивал, взрывался по любому поводу, считая, что во всем виноваты партнеры, на которых он обижался и которых то и дело обижал сам. Хотя в душе за неудачную игру наверняка больше всего клял самого себя.

Рамаз — чувствительный ко всему происходящему, очень ранимый, — напротив, замкнулся, ушел в себя и стал на поле таким же мягким и скромным, как и за его пределами. К тому же его буквально задержали постоянные придиры Олега.

И тот, и другой отчетливо осознавали необходимость перемен в своем настроении и игре. Но средств для этого найти не смогли.

Думаю, что Блохин и Шенгелия сыграли бы в Испании гораздо интереснее и результативнее, если бы мощней и организованней действовала средняя линия, призванная, как известно, готовить атаки и помогать форвардам завершать их. Но полузащита сыграла пресно, без выдумки. Поэтому обвинения в адрес Олега и Рамаза в том, что их отходы назад — не что иное, как уклонение от борьбы, совершенно несостоятельны. Отходы эти диктовались стремлени-

ем обоих получить мяч, который попадал к ним на передней линии реже, чем необходимо.

В средней линии Юра Гаврилов выглядел уставшим. Андрей Баль вообще никогда не тяготел к комбинационной игре, а потому и не мог в ней преуспеть. Хорен Оганесян неуютно чувствовал себя на левом фланге, куда был переведен тренерами. И лишь Володя Бессонов, возвратившийся в команду после трехмесячного лечения, сыграл так, как умеет: с чувством, с толком, с расстановкой.

Вот и получилось, что полузащита не выступила так, как это удавалось в отборочных матчах, когда она определяла уровень и игровой тонус сборной.

В матче с поляками наши недостатки проявились особенно наглядно. Решив не искушать судьбу (ведь им для выхода в полуфинал и ничьей хватало), соперники непроходимой стеной встали у своих ворот. Мы, злясь и скрипя зубами, раз за разом на эту стену натыкались, так и не придумав ничего, чтобы преодолеть ее и забить гол. Вот и атаковали в надежде на счастливый случай, ошибку соперника. А он так и не ошибся...

Рассказывая о сборной периода испанского чемпионата, ощущая, что могу предстать неким адвокатом, оправдывающим неудачу. Те, кто так поймет меня, ошибутся. Ни о каком оправдании речи быть не может.

Если брать итоговый результат, то сам по себе он не так уж и плох. Что же касается игры, то она действительно не удалась. Однако в пассивности, в отсутствии стремления бороться упрекнуть нельзя никого из футболистов. О чем заявляю с полной ответственностью.

Теория о том, что болельщика не должны интересоваться причины, по которым команда не достигла того, к чему стремилась, что ему важен только конечный результат, в корне неверна. «Спартак» — то ведь в свое время потому и обрел силы и игру, что к его неудаче отнеслись с пониманием, проявив такт и терпение.

Увы, ничего подобного не произошло с той нашей сборной.

Вновь, в который уж раз, вынужден был сдать полномочия старший тренер. На его место без особых раздумий назначили нового, который, кстати, в свое время уже лишился поста. А после неудачи в Лиссабоне, из-за чего мы не вышли в финальный турнир европейского первенства во Франции, не удержался у руля и он. И вновь новый тренер...

...Мне же дорога та команда, в которой каждый очередной шаг оказался незнакомым, интересным и трудным. Мне она нравится до сих пор, хотя не все и не всегда шло у нее гладко.

Сборная потому так и называется, что собирает разных, непохожих людей, подвывая их сложнейшей проверке, выдержать которую по силам не всем.

Выдержал ли я ее? Если судить по испанскому чемпионату, — да, выдержал.

После Испании я поверил в себя по-настоящему, перестав быть, как мне казалось до этого, удачливым баловнем судьбы. От матча к матчу чувствовал, как исчезает внутри неприятный холодок сомнения и все больше растет уверенность, крепнет воля, появляется жажда игры. Нет более точного подтверждения для вратаря, чем такое состояние. Спросите у любого из моих коллег...

Подобный вопрос, как, впрочем, и множество других, самых неожиданных, мне задавали перед матчем с шотландцами в холле отеля, когда я вдруг попал в кольцо двух десятков репортеров.

Когда собираюсь жениться? Кто предпочитает на завтрак? Кто из коллег-вратарей нравится на чемпионате? Какую музыку слушаете? Все это интересовало шумных и настойчивых журналистов.

А один из них, добродушный, с бородой цвета спелого альпесина — эмблемы чемпионата, улучив момент, спросил:

— Синьор Дасаев, а как вы относитесь к тому, что сам Пеле назвал вас лучшим вратарем первенства?

— Как к очень приятному сообщению. И, откровенно говоря, вовсе не собираюсь опровергать мнение такого футбольного авторитета, — ответил я, что явно пришло по душе симпатичному бородачу.

— Волнуетесь ли вы, выходя на поле? — тут же поинтересовался стоявший рядом шотландский журналист. — По крайней мере со стороны это незаметно...

— Волнуюсь, — сказал я, поняв, почему проявил интерес к моему игровому состоянию именно он. — Но не оттого, что не верю в себя. Просто я выступаю за сборную моей страны, чем очень горжусь. И это радостное волнение...

Я не лукавил тогда, знойным июньским днем на импровизированной пресс-конференции.

Я выхожу на поле в числе тех одиннадцати, кому наш футбол доверил защищать с таким трудом завоеванные им уважение и признание.

Я горд этим доверием. И я волнуюсь.

И так до тех пор, пока буду играть в сборной!

Записал Александр ЛЬВОВ.

**ХУДОЖНИК ПО МЕТАЛЛУ
ЛЕОНИД БЫКОВ.**

ним временам уникальнейшем ремесле собственный художественный язык. И при этом стремится к возрождению самых жизнеспособных стиливых приемов художественной обработки металла, связывая их с требованиями нынешнего дня. У настоящих русских мастеров металл никогда не служил пустым затеям. И литье, и поковки — будь то маленький подсвечник или многометровый чугунный паразет — всегда создавались на потребу быта, имели конкретное утилитарное и вместе с тем эстетическое назначение.

— Кстати сказать, одной из первых моих работ была двустворчатая кованая дверь в доме, где мне обещали выделить мастерскую. Дипломная работа — рассказывал Леонид — Я заочно окончил художественно-графический факультет пединститута. Недавно вы-

делили помещение под мастерскую в центре города. Вот это самое... Я здесь все переоборудовал, заменил пол и потолок. На нижнем этаже — горн, наковальня, инструмент. На верхнем — кабинет... Давайте поднимемся?..

Вскоре мы сидели за удобным столиком и пили кофе. На стеллаже и стенах не было, как в мастерской живописца, холстов и рисунков. На стене из красного старинного кирпича скрестились, холодно поблескивая лезвиями, две тяжелые рапиры, кованый фонарь в углу неярко освещал эту строгую комнату...

Да, в мастерской Быкова его работ не найти. Есть лишь их фотоснимки. Сами же произведения отсюда далеко: в городских скверах и парках, в гостиницах и кафе, в домах отдыха и пансионатах, во Дворцах культуры и кинотеатрах.

— А вот эта композиция, «Дерево жизни», сейчас за тысячи километров... Плавает, — показывая крупный снимок, с улыбкой пояснил Леонид.

— Как плавает? Где?

— В кают-компании плавбазы «Алексей Чув»... Сложный был заказ. Предлагалась морская тематика... Но... у меня есть товарищи среди рыбаков. Месяцами не бывают они дома и так скачут по берегу, по земле, что во сне видят лес, птиц, траву... Вот я и решил сделать для них что-то теплое, земное...

Ясность и сдержанность композиции, простота и вместе с тем романтическая приподнятость, почти сказочность сюжета, лаконизм образных средств выражения — все это свидетельства одаренности горячо влюбленного в свое дело художника, умеющего подчинить грубый материал тонкой, сложной творческой задаче, выявить новые декоративные возможности металла.

На дереве жизни сидят, распутив причудливые хвосты, птицы счастья — фениксы. На ветвях нет листьев, но художник так изобретательно использует традиционный растительный

**Иван УХАНОВ.
Фото Виктора ЕРЕМЕЕВА
и Евгения СТЕЦКО**

У него крепкие, добрые руки. Знакомясь, я пожал твердую, точно речной голыш, ладонь... В мастерской плавал пресный запах каленого железа и едва уловимый чадок дымящейся окалины — прямо как в настоящей сельской кузнице. Да и сам Леонид Быков, что стоял у наковальни в черном фартуке, в грубых рукавицах, с молотком в одной руке, с раскаленным прутком — в другой, похож был на заправского кузнеца...

Невозможно представить ныне многие русские города, их архитектуру без присутствия художественного металла — чугунного литья и кованого железа. Ажурные ограды мостов, скверов, лестниц, решетки балконов, кронштейны козырьков над входами, торшеры фонарей, паразеты, жардиньерки, вазы... — все эти декоративные элементы, оригинально сопутствуя архитектуре, придают зданию, улице, площади неповторимую красоту.

В Ленинграде, где живет и работает член Союза художников СССР, лауреат премии Ленинского комсомола художник-металлист Леонид Быков, таких прекрасных мест не счесть. И даже если не заходить в знаменитые ленинградские музеи, а просто обойти дворцы, дома, дворики, при создании которых зодчие использовали художественный металл, на это не хватит, пожалуй, и месяца. Ленинград как город — сам по себе уже музей, великолепный, живой, постоянно обновляющийся музей под открытым небом.

— В последнее время у нас, однако, поубавился интерес к художественному литью и поковкам, — огорчается Леонид. — Особенно в новых микрорайонах. А ведь кованый металл в здешнем климате может сохраняться веками. К тому же он, как видите, во многом определяет художественный облик города. Сравните старые и новые районы Ленинграда. Разница немалая.

Прежде чем браться за исполнение того или иного заказа, Быков глубоко изучает среду, в которой будут «жить» его монументальные работы. И если, на его взгляд, по своим декоративно-композиционным функциям они не вписываются в архитектуру той или иной части города, если идут вразрез с лучшими традициями декоративного искусства, то он отказывается от заказа, каким бы выгодным он ни был.

Быков против скороспешного и упрощенного, хотя подчас и дорогого украшения. Творчески осваивая и развивая национальные традиции, он упорно ищет в своем нелегком и по нынеш-

РУКОТВОРНАЯ КРАСОТА.

ОГНЕВОЕ РЕМЕСЛО

ОТВУК
ВЕКОВ.

«РУЧЕЕК».

«БОЛЬШОЙ
ПРАЗДНИК».

ЭТОТ ТОРШЕР УКРАШАЕТ ОДИН ИЗ
ДОМОВ ОТДЫХА ВАЛДАЯ.

мотив, так зримо передает упругую силу молодых ветвей, что дерево видится цветущим. Изысканно и пластично передана даже шероховатость древесной коры... «Дерево жизни» — кропотливейшая работа, образец тонкого искусства горячей ручнойковки, когда нужно быть одновременно и опытным кузнецом, и графиком, и слесарем, и сварщиком, и архитектором...

Почти все эти профессии Леонид Быков освоил прежде, чем решил стать профессиональным художником-металлистом: окончив профтехучилище, работал токарем, заочно учился, после института преподавал художественное конструирование и керамику, затем в качестве мастера вел в художественно-производственном училище группу чеканщиков, там же преподавал живопись и графику, в течение трех лет на Кировском заводе возглавлял группу художников-декораторов...

Эта жизненная школа помогает Быкову выбирать для художественного освоения темы гражданского звучания, мно-

гие его произведения в металле отличаются не только художественной, но и социальной конкретикой. По командировкам комсомола Леонид не раз выезжал на строительство Байкало-Амурской магистрали, подолгу жил и трудился там, украшая Тынду, Северо-Байкальск и другие города и поселки первопроходцев.

Из крупных новых его работ особого внимания заслуживает композиция «Вечерний звон». Эта огромная — пять метров в диаметре — кованая люстра может служить иллюстрацией возможностей художественнойковки, декоративного богатства традиционных растительных мотивов, оригинального творческого почерка Быкова. Люстра украсила одно из общественных зданий города Валдая.

Новые заказы поступают из Москвы, Ленинграда, Пушкина... Леонид Быков не спеша обдумывает каждый, для него ближе та работа, в которой он сможет традиционное, национальное выразить в современном осмыслении и на совре-

ПЕСНЬ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПТИЦ.

менном материале. И хотя металл и художественная его обработка остались теми же, что тысячи лет назад, и кузнечные приемы мало с тех пор изменились, Быков старается использовать в своем ремесле достижения науки, комбинирует металл со стеклом, керамикой. А еще — прилагает много сил для возрождения в нашей стране древнего кузнечного ремесла, пропагандируя его. Только в последние годы у Леонида Быкова прошли в Ленинграде четыре персональные выставки.

В книге отзывов есть запись, которую оставили рабочие Кировского завода: «Трудно поверить, что все представленное в экспозиции создано руками нашего современника из простого и столь «сурового» материала. Удивительно! Новых успехов тебе, земляк, в этом трудном, редком деле!»

Расставаясь с Леонидом Быковым, я от души пожелал ему того же.

Юстинас
МАРЦИНКЯВИЧЮС

ПОЭМА ЛЮБВИ

Это было, когда еще мать
шла впереди меня,

под ноги мне роняя
святые цветы любви...
Я, увы, не могу показать
зеленого сада детства,
мамы, сидящей под яблоней старой.
В воскресные дни, в тишине их,
слышу мамини вздохи.
Вижу я до сих пор,
как по страницам псалтырным
божья коровка ползет,
слышу жужжание пчел,
вздрагиваю удивленно:
чувство такое — мне
кто-то погладил макушку.
Уходящая, ах, навсегда,

навсегда любовь!
Запах пряный раны на теле —
там, где любовь прикасалась.
Будем смотреть на огонь,
надо чаще смотреть на пламя.
Должно ведь что-то остаться,
должно остаться хоть что-то.
Картины в горнице нашей
и фотографии в рамках.
В нашей памяти жизнь их длится.
Засохший букет на столе,
аромат прошлогодних яблок
(они сохранялись обычно

до праздника Трех королей),
перевясла кудели льна
на длинной скамье у стены
и позеленевший от времени
медный,
закапанный воском подсвечник.
Как мне разбудить вас,
серые пыльные тени горницы,
чтоб вы сошли с фотографий,
чтоб из угла появились,
где вы лежали

на саване нашего плача?
Полна намеков вселенная,
мир полон таинственных знаков,
увы, не постигну я их,
никогда до конца не постигну.
Уверен, что думаю верно,
когда о любви размышляю.
Но где же ее начало? —
и в скорбных сумерках тихо
гляжу на огонь —
уходящая, ах, навсегда,

навсегда, ах, любовь!
Вспоминается чудо одно:
в день, когда я впервые
взглянул на тебя,
расцвели на платье твоём незабудки,
и я понял, что это знак
из старой горницы детства,
и что запах подгнивших яблок
и засохших, бесцветных букетов,
запах льна, запах пряжи,
запах фото старинных
пересилил прозрачный восход,
кипень сада из детства.
Мать под яблоней старой
закрыла молитвенник толстый,
легконогой девчонкой
вернулась в свой свадебный снимок,
нас оставив одних
слушать гимн

взбунтовавшейся крови.
И тогда ты настгла меня,
как ветер — созревшее яблоко,

как вершину клена — рассвет,
как неожиданное благовестие.
Мария!

Вот: благословенные, тихие
робко, несмело
друг друга коснулись —
о любовь, —
каждодневная пища богов —
тел заревой восход,
радуга чувств и страстей, —
в небо отверстие,
в руки цветущие
падаю ливнем,
падаю снегом, падаю ветром,
падаю я, как лучи
на пол горницы сельской
сквозь вырезанные в ставнях
два наивных сердечка...

Открыл: словно дверь
в незнакомую комнату с чудесами,
словно волшебный сосуд,
полный живой воды.
Вот и станем здесь жить,
сказал, сам себе веря.
Неземная
Синяя птица пролетела мимо окна,
осветив наши одежды,
что впервые
на стул вместе сброшены,
и впервые они обнялись
в ласке и в неге.

О, звездный рассвет!
Прорастающая духа отава
осветила весь горизонт.
Я наполнился светом
и, как ива, склонившись
над речною струею,
в теченьи реки
увидел себя
и все, что течет
сквозь меня, без меня и со мной.

Разбудил зеркало, стол, стулья,
немые картины, подсвечник,
старые снимки, шкаф,
длинную лавку возле стены...
— Бдите, — сказал, —
чтоб могли подтвердить
всеобъемлемость мира,
чтоб вы наполнились любовью,
как раковины — океанским рокотом,
чтоб вспомнили всё:
фантастически черное дно океана,
его буйную жажду

подняться до звезд,
его мягкость, усталость,
размеренное дыханье,
бесконечную светотень,
глубины, просторы.
Вот так на глазах и растет время,
а в нем — вздохи, слова,
руки, созданные для объятий.
И светлый ангел любви
стоит между нами,
требуя одного — правды
во вздохах, речах, жестах.

Никогда мы с тобой не были
только вместе, наедине,
потому что старая яблоня
к нам заглядывала в горницу
через низенькое окно,
сад был полон теней, среди них
видел я на меня похожих,
уставших от тесноты
и бренности тела
и упрямо шагавших за Птицей,
Неземною Синию птицей.
Мир вам, мир, огоньки болотные,
вам, во тьме одиноко
блуждающим
над трясиной грязи и лжи!

Как туникой, окутаюсь
зарей любви —
своим знаменем, своим платьем,

поцелую своим тихим
отворю твои губы
для слова, для воды,
для хлеба насущного.
Взгляни на веточку
можжевельника под потолком;
эта засохшая веточка
зазеленела за ночь,
и в наши ладони,
полные радости,
мир ликующий падает.
Ребенок-кровинка!
Он стоит голышом за окном
и светит
сквозь тебя, с тобой, без тебя.
Принимая его,
надеясь будем,
что можно любовь спасти.

Дыханье твое
слов моих красноречивей.
Надо светом мне
говорить научиться,
чтоб лес, чтобы луг и речушка,
парение птиц в поднебесье
благословили бы речь мою
и собою ее продлили.
Обнимаешь мой голос
молча,
и он,
как цветок, на твоей груди
распускается пряно.

Знаю сотни и тысячи слов,
и все они означают:
любовь.
Шепот дождя,
высверк молнии в землю,
ветровые следы среди ржи —
вот что такое твой взгляд
в меня, мимо меня,
сквозь меня.
Это половодье глаз,
этот вечный прибой,
наступление моря на сушу
я в себе не могу задержать,
не могу стать преградой зрению,
подножьем его или вершиной,
я не в силах

заполнить собою его,
только следую слепо за ним
и все заново называю:
день, тропинка, порог,
сад, раскрытые ставни,
дым над хутором, счастье —
и все это вместе — любовь.
И неба достаточно нам,
и неба достаточно всем,
не больше,
не меньше,
чем нужно.

Так пусть наши очи
встречаются с неба очами,
так пусть наши взоры

Рисунок
Олега
ВУКОЛОВА

летают, как птицы,
лаская друг друга,
пусть землю они засевают
вьюгой перьев любви,
тихой нежностью всех одаряя.

Платье надень
цвета созревающей ржи,
потому что виденье одно вспоминаю,
а может быть, детский сон,
озаривший мне жизнь
светом женщины, светом хлеба:
кажется, в сумерках —
утра ли, вечера? —
в мгlistой и долгой тиши,
в праздник дожинок,
когда рожь приближалась
к рождению таинства хлеба,
застолья, —
без звука, как луч,
женщина шла.
Колосья, как пальцы,
ласкали ей груди и губы,
победными каплями крови
сочились дикие маки.
И ничего больше.
Только этот далекий, далекий вздох.

Все еще только шло к созреванию,
коса и любовь отдыхали
в сумерках клуни и сердца,
и жизнь моя
походила
на огромный растрепанный
букет полевых цветов,
в котором еще не было
наиглавнейших красок,
да только в любви
мы выражаем себя,
только любовью
можем себя оправдать.

Потому говорю: надень
платье цвета ржи созревающей,
чтобы любовь и хлеб
неразделимыми стали.

И тогда я тебя представил
порогу, дверям,
половинке жернова у порога,
деревьям, холмам и долине,
ветру, излучине Немана —
помнишь, они говорили
о постоянстве, о тихом
терпении жизни.

Жизнь они сравнивали с камнем,
с глыбой желтого глинозема,
с полетом птиц против ветра.
Они говорили: нельзя
объяснить бытие
предательством, ложью, смертью.

(Я уже был иным.
Тем же
и все же иным.
Войдя в любовь,
как в обетованную землю,
я готов был принять
ее ливни и засухи,
ее ненастье и ведро,
я хотел лишь растить свой хлеб
и от одиночества им защищаться,
отвергая насилие,
ногой придавив, как гадюку,
колючую проволоку.)
...от жаркого, жадного дыхания
затуманился день, словно зеркало,
и вчерашняя ночь,
пахнувшая любовью,
приближается к нам.
Возвращаются в гнезда лучи-ласточки:
можно обнявшись стоять
и в небесном сиянии
тихо читать твою душу.

Все это — смотрение в пропасть,
повторяю: чтение души — это
смотрение в пропасть.

Положи
мне на лоб свою руку,
чтобы я не упал,
бездной ошеломленный.

Перевел с литовского
Юрий КОБРИН.

В редакции «Смены» уже привыкли к обширной почте, которая приходит в адрес рубрики «Клуб «Музыка с тобой». Читатели делятся впечатлениями о выступлении того или иного полубишего певца, просят рассказать о тех, которые еще малоизвестны у нас.

Но вот почта о Риккардо Фольи (после публикации о нем статьи «Звезда» приехала, № 23 за 1985 г.) нас, признаться, удивила. Впрочем, судите сами. Вот два письма — Наташи Масленниковой и Влады Курильчик, обе — школьницы из Москвы.

«Прочитав вашу статью, — пишет Наташа, — я чуть не упала в обморок. Как вы могли, извините за грубость, нахально обсмеять певца? Вы, конечно, знаете, что популярного молодого певца Риккардо Фольи любят все, от мала до велика. Наш класс, как узнал об этой статье, так у всех было отвратительное настроение. Все спрашивали: «Ну как статья?» И все отвечали: «Нет, нет, нет!» Поставьте себя на место певца. Только что Риккардо, ну, совсем недавно, стал популярным. Он приехал в Москву. Старался изо всех сил выступать так, чтобы понравиться зрителям! И вот для него удар. Что подумают люди? Что он подумает о нас? Как вам не стыдно? Жду ответа».

А вот письмо Влады: «Прочитав вашу статью «Звезда» приехала», где вы опозорили итальянского певца Риккардо Фольи, я чуть не упала со стула. Как можно так ужасно относиться к зарубежной эстраде?! Риккардо Фольи — мой самый любимый певец! И я не позволю так издеваться над ним! Он не мог сделать того, что вы о нем пишете!!! А чем, скажите мне на милость, вам не понравился ансамбль, с которым Риккардо выступал?.. А что будет, если Риккардо сам прочитает эту вашу статью?! Он, наверное, никогда больше не приедет в нашу страну. Из-за вашей статьи Фольи подумает, что мы плохо относимся к певцам из-за рубежа...»

В таком же духе пишет группа учеников 10 «А» и «Б» классов города Куйбышева: «Мы не позволим критиковать знаменитого певца Риккардо Фольи. Наш город Куйбышев с большим удовольствием слушает его. Где ваша совесть?..»

Вот так. Ни больше ни меньше. Юношеская безоглядная безапелляционность?

Но вот письма людей взрослых, среди которых есть и учителя. Александр Николаевич Вдовин из Одесской области

(ему 38 лет, профессию он не назвал) пишет: «Прочитал вашу неприличную статью в отношении итальянского певца Риккардо Фольи. И очень захотелось сказать вам пару слов не для прессы: я бы на вашем месте не писал о том, о чем абсолютно не имел понятия, ни малейшего... Не надо все ополщать. Фольи — прекрасный исполнитель своих песен. Те, кто заключил с ним контракт, знали кого приглашать...»

Но довольно примеров, таких писем много. Давайте лучше попробуем разобраться в том, что их объединяет. Прежде всего странно, что многие читатели (особенно читательницы) восприняли статью как личное оскорбление и в порыве гнева принялись стыдить редакцию. За что? Разве журнал, как, впрочем, и любой человек, не имеет права на свое мнение? У каждого ведь может быть своя точка зрения, и не прислушиваться к ней, проявлять нетерпимость — элементарное неуважение.

«Смена» рассказывала на своих страницах о многих «звездах» итальянской эстрады — Адриано Челентано, Тото Кутуньо, Пуло, Джанни Моранди, Аль Бано и других. Никто не писал нам угрожающих писем, не «потрясал кулаками». Однако стоило «Смене» опубликовать впечатления журналиста, который, не будучи поклонником Риккардо Фольи, высказал мнение о его гастролях, как

выписываю уже третий год. Одна из любимых рубрик — «Клуб «Музыка с тобой». Хочу отметить статью о Риккардо Фольи «Звезда» приехала». Эстрадная музыка всегда вызывает самые разнообразные суждения. В статьях об эстраде, особенно зарубежной, нередко проявляются противоположные тенденции — или безоговорочное поклонение «звезде» эстрады, или, наоборот, стремление нарисовать ее портрет исключительно черной краской. Автору статьи о Риккардо Фольи удалось счастливо избежать обеих крайностей, и поэтому статья его интересна попыткой объективно оценить творчество итальянского певца, не навязывая свое мнение о нем, каково бы оно ни было, а постараться проследить поведение певца на сцене и вне ее, выяснить мнение самых разных людей. Статья, по моему, должна помочь людям, увлекающимся эстрадной музыкой, разобраться в противоречивом мире зарубежного искусства».

Заканчивая обзор писем, отметим, что в почте немало таких, где авторы, ярые поклонники Фольи, вероятно, в пылу полемики, нападают на других певцов: Аллу Пугачеву, Валерию Леонтьеву, Иосифа Кобзона, Льва Лещенко Тото Кутуньо.

Еще раз напоминаем читателям: мы вовсе не против итальянской эстрады, наоборот, приветствуем расширение

культурных связей в любом жанре искусства, в том числе и в жанре эстрадной музыки. Мы рады, что при помощи радио, телевидения, Госконцерта зрители получили широкую возможность познакомиться с современным искусством разных стран. Но знакомиться — не значит безоговорочно поклоняться. Давно прошло время, когда появление на эстраде иностранного певца

приводило его почитателей в трепет. Теперь публика достаточно информирована, может сравнить, выбирать из всего многообразия то, что больше по душе. А сравнивать — это значит и критиковать, не закрывая глаза на очевидные недостатки. Именно так и формируются вкусы и привязанности. Поэтому, когда и в дальнейшем «Смена» будет писать о наших и зарубежных исполнителях, продолжится откровенный разговор и, разумеется, критический анализ. А как же иначе? Надемся, читатели к этому привыкнут и не будут больше «падать в обморок со стула».

Отдел
литературы
и искусства.

Итак, журнал готов к серьезному разговору, и не только о творчестве одного певца, но и о других исполнителях, группах, ансамблях. О ком именно? Надеемся узнать об этом из ваших писем, дорогие читатели.

РАЗ, ДВА, ТРИ!

Сергей ВЕТРОВ.
Фото автора

У Ирины Самохиной трудная работа: каждый вечер ее распиливают пополам. — Это еще ничего, — смеется она, — во льва превращаться страшнее!

Она работает у Игоря КИО. Вы заметили, как я написал эту фамилию? Тремя заглавными буквами. Потому что КИО — это символ. В детстве я любил сидеть дома на подоконнике и смотреть на грохочущие трамваи — москвичи называли этот маршрут «аннушкой». На крышах трамваев были укреплены фанерные щиты с разноцветными буквами «КИО». Вот сейчас трамвай мчится Сретенский бульвар, спустится к Трубной площади, повернет на Цветной и подъедет к зданию, на котором написано «ЦИРК», а рядом — «КИО». Думаю, и вы, дорогой читатель, если копнетесь поглубже в собственном детстве, вспомните что-то похожее...

Династия замечательных цирковых артистов уже полвека. Отец — Эмиль Теодорович Кио передал свои секреты сыновьям. Один из них, заслуженный артист РСФСР, лауреат международной премии Оскара Игорь Кио, рассказал об этом так:

— Отец учил: в центре аттракциона должен быть артист, а не фокус. Чудеса стары, как мир. В основе любого трюка лежит всегда один и тот же принцип: исчезновение, появление и превращение. И, откровенно говоря, секрет тоже всегда один: надо вовремя отвлечь внимание зрителя. Но и это не самое трудное. Главное — создание образа. Этому должно служить все: музыка, свет, хореография, костюмы. Ну и, конечно, личность самого артиста. Знаете, раньше иллюзионисты стремились окружить номер ореолом таинственности, восточного колорита, даже страха... Сегодня это нелепо. Наша задача — развлечь зрителя, создать яркое зрелище. И удивить, конечно, хотя сделать это становится все труднее...

Мы сидим в его рабочей комнате за кулисами. В

ПЕРЕВЕРНУТЬ МИР ВНИЗ ГОЛОВОЙ? ЭТО ОЧЕНЬ ПРОСТО!

углу тихо работает телевизор. Показывают стыковку космических кораблей.

— Мы живем в таком удивительном мире, что теряем способность удивляться... Впрочем, антракт кончается, мне пора на манеж.

Через несколько минут в цирке начинаются очень странные события: у рояля отваливаются ножки, но он как ни в чем не бывало висит в воздухе, живых и очень симпатичных девушек распиливают пополам, сжигают, превращают во львов, клоунов, а одну — даже в милиционера, игрушечный мишка оборачивается настоящим медведем... И все это — в бешеном темпе, один трюк сменяется другим, ни секунды зрителю на размышление — таков принцип Кио. Нет, мы не разучились удивляться. Две тысячи зрителей дружно ахают, смеются, аплодируют, и лишь один человек в этом зале абсолютно невозмутим. Сам Игорь Кио. А точнее — герой, образ которого он создает. Его «маска» — это ироничный волшебник, чуть уставший от своего всемогущества, но сохранивший в сердце доброту и любовь к людям...

...Представление окончено, погасли огни. Впрочем, на манеже продолжается работа: идет репетиция нового трюка. Кио и его ассистенты снова и снова... Стоп, нельзя разглашать тайны. Наконец Игорь Эмильевич освободился. Я попросил его раскрыть хотя бы один из своих секретов.

— Это невозможно. Хотя... Вы знаете, дети разгадывают трюки гораздо лучше, чем взрослые. Ребенок мыслит очень просто и конкретно, поэтому быстрее добирается до сути. Так что не усложняйте жизнь, ищите самые простые решения. Они самые верные.

— А какие вопросы вам задают чаще всего?

— Спрашивают, не опасно ли для моих помощниц такие трюки, как «сжигание» или «распиливание».

Ну, ответ на этот вопрос я уже знаю. Спрашивал у Ирины Самохиной: испытывает ли она боль, когда ее распиливают?

— Нет, — ответила Ира, — даже приятно!

Я начал разговаривать сам с собой вскоре после того, как жена моя ушла от меня. Ей надоело, сказала она, мое молчание. Это верно, я не очень-то был разговорчив с ней, как, впрочем, и со всеми. Но я был молчаливым потому, что любил ее. Ведь когда любишь, слова ни к чему, не правда ли? Достаточно, чтобы любимый человек был рядом, достаточно видеть его, ощущать его присутствие. Я был неразговорчив с ней, это верно, и теперь, оказавшись один, я, как уже сказал, стал беседовать сам с собою.

Я сапожник, а ремесло сапожника, как известно, требует сосредоточенности—ведь это работа с кожей, тонкая работа, и портить тут нельзя—заказчик не потерпит недоделок. Вечерами, когда я возвращался домой, глаза еле смотрели от напряжения, от ударов молотка гудела голова, губы были исцарапаны гвоздями, которые я кладу в рот, чтобы смочить, прежде чем забивать в подметку. Мне хотелось бы найти дома... Я не знаю что... Ну, скажем, приветливую улыбку, ласковое слово, поцелуй, подогретый суп. Но ничего этого дома никогда не было. Только в темноте кухни равномерно капала из крана вода. Да, молчание—это совсем неплохая вещь, когда живешь с любимым человеком и когда знаешь, что при желании всегда можешь поговорить с ним. И то же самое молчание оказывается сплошным мучением, если любимого человека рядом нет и поговорить с ним нельзя, как бы ты этого ни хотел.

После того, как жена ушла к своей матери, я стал готовить себе ужин. Я съедал его один-одинешенек, на краешке стола, и как-то незаметно для самого себя начал думать вслух. Сначала я говорил просто так, не обращаясь, в сущности, ни к кому—ни к себе, ни к кому-нибудь другому. Я говорил, например:

— Какой холод, однако, в этом доме, какой холод!

Или же:

— Если бы не возились мыши на чердаке да не капала вода из крана, здесь стояла бы полная тишина.

Или же:

— Кровать так и не убрана с утра. А теперь уже поздно. Уберу завтра.—Я произносил это громко, порой очень громко, хоть это были совсем незначительные слова. Мне нравилось слушать, как мой голос разносится по трем пустым комнатам. В другой раз, сидя, как обычно, на кухне, я сказал:

— Вино—это хорошая вещь. Оно утешает. Стоит выпить бутылку, как проходят все огорчения.—И вдруг, сам не знаю, каким образом, я услышал ответ на свои слова, который прозвучал так же громко и отчетливо:

— Гульельмо, ты ничтожество. И ты это знаешь.

РАЗДВОЕНИЕ

Да, вино—это хорошая вещь, но оно не утешает. Можно выпить хоть всю огромную бутылку, но жену ты все равно не забудешь. Не забудешь, что она ушла от тебя. Да, вино—это хорошая вещь. Однако, когда рядом с тобой жена,—это намного лучше.

Меня поразило, как это верно было сказано, и мой первый голос ответил:

— Ты прав, но что же мне остается теперь, как не вино! Мне за тридцать, а жене—двадцать пять. Где я теперь найду женщину, которая смогла бы жить со мной? Мне только и остается, что вино, разве не так?

И другой голос ответил:

— Послушай меня, брось философствовать. Ты же отлично знаешь, что еще не совсем отказался от своей жены.

Я ответил:

— С чего ты взял?! Я отказался от нее! Совершенно отказался!

И тут он сказал:

— Нет, ты не забыл ее. Если б забыл, ты бы не начинал рыдать где придется при одной только мысли о ней.

Словом, теперь у меня было два голоса—один говорил за меня, а другой—за кого-то другого, кто тоже был мною, но в то же время и не мною. И как-то так получилось, что опять же незаметно для самого себя от монологов я перешел к диалогам, то есть от разговоров с самим собой—к спорам с самим собой.

Споры эти, впрочем, не всегда были спорами. Иногда мы беседовали мирно. К примеру, вечером, когда выпив литра полтора или два вина, я шел в комнату, вставал там перед зеркалом и начинал гримасничать—просто так, чтобы поразвлечься. Тогда он говорил мне:

— Ну вот, опять то же самое. Опять напился. Хорошо еще, что ты дома, а не на улице. Напился и даже на ногах не держишься! И не стыдно тебе?! В твоём-то возрасте!—Он говорил это, однако, не без некоторого сочувствия в голосе.

Так мы и жили с ним в согласии месяца два, наверное, как вдруг однажды ночью, когда я выпил больше обычного—здоровенную бутылку—и принялся показывать себе перед зеркалом язык, я вдруг остолбенел, увидев, что он оставался в зеркале неподвижным, спокойным и языка мне не показывал.

Он долго смотрел на меня и наконец сказал:

— Гульельмо, ты надоел мне.

Я спросил:

— А почему?

Он ответил:

— Потому что вместо того, чтобы протестовать и бороться, ты опускаешься. Ты смирился с тем, что жена твоя ушла от тебя, стал пьяницей и даже ремесло свое разлюбил.

— Но кто тебе сказал это?

— Я тебе это говорю. Все в округе знают, что ты

Альберто МОРАВИА

РАССКАЗ

Коллаж
Олега ГРАЧЕВА

пьешь. И обувь чинить ходят теперь в другое место. Знаешь, в кого ты превратился теперь? В ничтожество!

Мне стало как-то не по себе, я поскреб затылок и затем спросил его:

— Ну, а что же я, по-твоему, должен делать?

— Бороться, не уступать, добиваться своего!

— Но ради чего?

— Ради того, чтобы жена твоя вернулась к тебе. Ты же видишь, что без нее тебе жизнь не в жизнь. Так добейся, чтоб она вернулась. Разве ты не муж ей? Разве ты не вправе требовать, чтоб она вернулась к тебе? Ну, так шевелись же, действуй!

— Но что я должен делать?

— Ну вот! «Что я должен делать?». Ты же отлично знаешь что!

— Нет! Честное слово, не знаю!

И тут он ответил мне, глядя на меня в упор:

— Ты должен сделать так, чтобы она вернулась домой. По-плохому ли, по-хорошему, все равно.—Он

произнес это каким-то особенным тоном, который, признаться, напугал меня.

Я ответил:

— По-хорошему я уже пробовал — это ни к чему не привело. А по-плохому и пробовать нечего. Я ничего не хочу делать силой.

Мне казалось, что я возразил ему верно и убедительно. Но он покачал головой и сказал угрожающе:

— Ну хорошо, мы еще поговорим об этом. — В тот же момент он исчез из зеркала, и я остался один.

Успокоившись, я улегся в постель. Но едва погасил свет, как снова услышал в темноте его голос:

— Ну теперь, когда ты немного успокоился и хмель у тебя прошел, я скажу тебе, что ты должен делать, чтобы вернуть жену. Но не перебивай меня и дослушай до конца.

Я сказал ему, чтобы он говорил, я его слушаю. И тогда он заявил мне, что я должен пойти на другое же утро к себе в мастерскую, взять большой сапожный нож, отравиться к жене, приставить нож к ее горлу и сказать ей: «Или ты сейчас же вернешься домой, или... видишь это?»

Я ответил ему сразу же:

— Но ты с ума сошел! Об этом не может быть и речи. Я хочу, разумеется, вернуть жену, но это не значит, что я должен угрожать ей! Я не собираюсь кончать жизнь на каторге!

Он сказал:

— Ну хорошо, тебе не хочется отправляться на каторгу. Но ведь очень возможно, что там тебе было бы намного лучше, чем здесь.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что там ты, во всяком случае, не страдал бы от одиночества и что тебе в общем-то нечего терять — или твоя жена вернется к тебе, и тогда все будет хорошо, или она не вернется, и тогда ты полоснешь ее ножом и отправишься на каторгу. Там у тебя будет хоть какая-то компания.

— Но ты с ума сошел!

— Нет, я не сошел с ума. И ты это знаешь. Ты, Гульельмо, так одинок, что даже общество каторжников будет тебе отрадой.

Больше я не мог его слушать. Я сел в кровати и решительно возразил:

— Об этом даже речи быть не может! И замолчи! Закрой свой зловерный рот! И дай мне спать!

— Но я предупреждаю тебя — если ты не сделаешь этого, то это сделаю я!

— Я сказал тебе — оставь меня в покое!

— И я сделаю это не позднее чем завтра утром.

— Замолчи!

— Так, значит, договорились.

Я свесился с кровати, схватил с пола башмак и запустил в него, в темноту. Он, должно быть, увернулся, потому что я услышал звон разбитой посуды и понял, что попал в кувшин, который стоял на комодике. И я заснул.

На следующее утро, проснувшись, я сразу же сообразил, что надо спешить. Дома его уже не было. Я знал, что он действительно способен на все. И помедли я, разогревая кофе, он мог успеть сбежать в мастерскую (у него был, к сожалению, ключ, я сам дал ему его), мог схватить большой сапожный нож и тогда — поди лови его! Честно говоря, у меня мурашки побежали по спине, когда я подумал о том, что может случиться. И потому, не выпив кофе, и как был — немой, небритый, непричесанный, — я бросился из дома, на ходу надевая пальто. Было еще совсем рано. Стоял туман. Несколько прохожих уже спешили на работу. Мастерская моя находилась в переулке дель Фьюме. Я почти пробежал всю виа Рипетта, свернул в переулочек и издалека увидел, как он крадучись выскользнул из мастерской и пустился бежать по направлению к Тибру.

«Так и есть! — подумал я. — Это человек слова. Обещал сделать — и делает. Однако нужно остановить его!». И я тоже побежал в мастерскую, тоже схватил большой сапожный нож — на случай, если он обратит свой гнев против меня, — и бросился в соседний бар, где был телефон.

— Мы еще не открывали. Кофе еще не готов, — крикнул мне хозяин, знавший меня. Я пожал плечами — какой там кофе! Скажу правду, руки у меня дрожали, когда я искал в справочнике номер полицейского управления. Наконец я нашел его и набрал. Какой-то голос спросил, что мне нужно, и я объяснил:

— Вы немедленно должны поехать туда! Он вооружен сапожным ножом!.. Ведь речь идет о человеческой жизни!

Голос на другом конце провода спросил:

— Как зовут его?

Я подумал мгновение и ответил:

— Паломбини Гульельмо. — А это в то же время и мое имя. Ну, это понятно — обычное совпадение. По телефону мне ответили, что немедленно примут меры. И тогда я помчался на площадь дель Пополо к стоянке такси — ведь полиция, чего доброго, могла и опоздать, поэтому не мешало бы, чтоб и я поспешил туда.

Я сел в такси, сказал шоферу адрес и добавил:

— Быстрее! Ради бога, быстрее! Ведь речь идет о человеческой жизни!..

Шофер, седовласый старичок, спросил меня, что случилось, и я ответил ему:

— Один сапожник, некий Паломбини, вооружился сапожным ножом и несется сейчас в такси, чтобы убить свою жену, которая бросила его... Нужно остановить его!..

— А ты предупредил полицию?

— Конечно.

— А как ты узнал об этом?

— Ну, мы с Паломбини, можно считать, друзья. Он сам и сказал мне.

Шофер подумал немного и ответил:

— Такие негодяи часто только грозятся, а как дойдет до дела, так и скисают.

— Ты ошибаешься. Этот не отступит. Я его знаю! И мы продолжали мчаться по пустынным улицам к виа Джулиа, где жила моя жена.

Наконец мы остановились, я вышел, заллатил, и он уехал. Я посмотрел вдоль пустой улицы и в глубине ее увидел этого негодяя. В тот же момент он шмыгнул в парадную дома, где жила моя жена. Я вспомнил, что как раз в это время моя свекровь, старая ханжа, бывает в церкви и жена моя остается дома одна. Она была ленивой и любила понежиться утром в кровати.

«Он выбрал подходящий момент, — подумал я, — ничего не скажешь, все предусмотрел... Но быстрее, надо догнать его! Иначе сейчас произойдет убийство!» — И я тоже вбежал в парадное, перескакивая через ступеньки, взлетел по лестнице и увидел, что он стоит на площадке, громко стучит в дверь и кричит:

— Откройте! Газ! — Обычный прием, чтобы вам открыли.

Я отступил немного назад. Вскоре в квартире послышались шаги, затем дверь приоткрылась, и я узнал голос моей жены, которая сонно протянула:

— Счетчик в кухне.

Он подождал немного ради приличия, затем вошел в квартиру, и я проскользнул следом за ним.

В коридоре было темно. Я ощутил знакомый запах, который моя жена унесла с собой из моего дома, и почувствовал, что мне становится дурно. Я прошел на цыпочках в конец коридора, где, как я знал, была ее комната, толкнул дверь, которую она оставила приоткрытой, и вошел. В комнате тоже было темно, но не очень, и я смог рассмотреть двуспальную кровать, черные волосы, рассыпавшиеся по подушке, и белые покатые плечи моей жены. Она лежала на боку и уже снова спала.

По правде говоря, увидев эти плечи, я ощутил вдруг такую тоску по тому славному времени, когда смотрел на них у себя дома, уходя рано утром на работу, что даже совсем забыл о нем и его ноже. Я бросился на колени около кровати, схватил ее руку, лежавшую на одеяле, и воскликнул:

— Любовь моя! Сокровище мое! Вернись ко мне! Я не могу больше жить без тебя!

Я уверен, что жена моя, если учесть обстановку, на этот раз позволила бы убедить себя. Но этот подлец встал вдруг с занесенным ножом по другую сторону кровати, тряхнул ее за плечо и заорал:

— Или ты сейчас же вернешься домой, или... видишь это?!

Не стану описывать того, что произошло потом — я боролся с ним, пытаюсь отнять у него нож, жена моя кричала от страха и металась по комнате, опрокидывая стулья. А затем вдруг в комнате появились полицейские и набросились на меня. Я старался предупредить их:

— Арестуйте его! Он опасен!.. И осторожно — он с ножом!

Но полицейские, наверное, потому, что нож был и у меня, не разобрались как следует, схватили меня тоже и, как я ни сопротивлялся, на руках вынесли из квартиры вниз по лестнице. Я кричал что было мочи:

— Вы должны арестовать его, а не меня!.. Это ошибка!..

На улице собралась большая толпа. Меня насильно усадили в машину, и когда я поднял взгляд, увидел, что он сидит напротив меня между двух полицейских. Он был в наручниках. А физиономия его, казалось, говорила:

— Видишь, я сдержал слово!

Тогда я закричал, указывая на него:

— Он погубил меня, этот убийца! Он погубил меня! — А затем я потерял сознание.

Сейчас я сижу в палате, стены которой обиты мягким. Говорят, что меня держат здесь под наблюдением — предполагают, что от переживаний и вина у меня немного свихнулись мозги. Я не жалуясь. Но мне очень одиноко. Он-то ведь отправлен в Реджина Чели, и мы теперь разлучены. Он — в тюрьме, а я — в сумасшедшем доме. Так что меня лишили даже единственного собеседника, который у меня был. У меня нет больше никого. И мне остается теперь уже только умолкнуть навсегда.

Перевела с итальянского
Ирина КОНСТАНТИНОВА.

В каких случаях производится текущий и капитальный ремонт жилых помещений? Кстати, объясните, какая между ними разница и за чей счет производится тот и другой ремонт?

**И. Кошелькова,
Калинин**

Начнем с капитального ремонта. По общему правилу он производится наймодателем (жилищно-коммунальным органом) за его счет. К такому ремонту относятся: замена вследствие нормального износа основных конструкций дома, дверей, окон, полов, перекладка печей, ремонт центрального отопления, водопровода, канализации, ванного оборудования, мусоропровода и некоторые другие работы.

Текущий ремонт предусматривает побелку потолков, окраску стен и обклейку их обоями, окраску полов и дверей, оконных переплетов с внутренней стороны, окраску подоконников, вставку стекол, замену оконных и дверных приборов, ремонт электропроводки. Производится такой ремонт за счет квартиросъемщика. Чаще всего жильцы делают его сами. Но они могут обратиться за содействием в жилищно-коммунальный орган, который производит ремонт за плату по расценкам, утвержденным в установленном порядке.

Меня назначили бригадиром строительной бригады, а моего друга — звеньевым. Хотелось бы знать, положена ли нам какая-то доплата и в каком размере?

**В. Чепиков,
Волгоград**

Вопрос непростой, ведь бригады бывают разные.

В строительстве бригадиром и звеньевым, в случае если они не освобождены от основной работы, устанавливаются доплаты.

Размер и порядок выплаты этих доплат определены соответствующим постановлением Госкомтруда СССР, Госстроя СССР и Секретариата ВЦСПС от 21 марта 1985 года.

В зависимости от нормативной численности рабочих в бригаде и специфики выполняемых работ бригадиром из числа рабочих-сдельщиков или рабочих-повременщиков ежемесячно устанавливаются доплаты в размере от 20 до 50 рублей.

Если численность рабочих в бригаде уменьшилась в результате осуществления организационно-технических мероприятий, повышающих производительность труда по сравнению с планом, то установленные доплаты бригадиром не снижаются.

Беата БУШЕЛЕВА,
кандидат
педагогических наук

Сторона

Этика
поведения

В моей почте встретились два письма. Они легли рядышком в одну папку, и иногда мне чудится, будто я слышу их нескончаемый и трудный спор.

По соображениям, которые далее станут вполне понятными, не называю фамилий авторов, а письма условно обозначу так: «письмо от бабушки» и «письмо от внуки».

НЕ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЯ?..

Письмо от бабушки пришло из Ленинграда.

«Хочу задать вам вопрос: как должны вести себя проживающие вместе члены одной семьи, разные по возрасту? Мне 76 лет, моей дочери — 52, внуку и его жене — чуть больше 20. Должны ли быть, не смотря на возраст, какое-то уважение друг к другу? Вот как у нас бывает...»

Внук, торопясь на работу, переобувается в большой комнате и убегает, оставив там домашние тапочки. Я, инвалид, после его ухода убираю их в прихожую, подталкивая костью. А в ответ на замечание слышу: «Не обращай внимания».

У внука с женой есть магнитофон — целый агрегат. По-моему, такие вещи приобретаются для дискотек или клубов. Конечно, если умело пользоваться, можно и дома слушать, но не забывать при этом про окружающих. Нередко внук переписывает взятую у друга пленку или прослушивает новые записи. Но почему же все эти действия происходят ночью? Я не могу спать. Начну говорить дочери, а она: «Не обращай внимания».

Предут молодые с прогулки последней электричкой. И тут начинается: купание, разогревание ужина, свет во всех комнатах, хождение взад-вперед, голоса на полную мощь. И опять не обращай внимания?..

Неужели я уже выжила из ума и перестала понимать, что к чему? Очень прошу, объясните: неужели мне действительно не надо обращать внимания на такие «мелочи»?..»

Вопросы, поставленные в письме, конечно, чисто риторические. Закон уважения к старости относится к числу тех изначальных, первоосновных общечеловеческих нравственных принципов, которые, словно аксиомы в геометрии, безусловны, обязательны и не нуждаются в доказательствах.

И это понятно.

Историки считают, что в самых ранних общностях наших первобытных предков встречалось два типа отношения к старикам. В одних племенах человека, неспособного добывать пищу себе и другим, отправляли к «верхним людям», ибо племя, если оно хотело выжить и существовать, должно было обеспечивать другую категорию иждивенцев — малых детей. Но были племена, где старикам старались продлить век и скрасить существование, причем не только из соображений гуманности, но и из элементарного здравого смысла. Люди неоднократно убеждались, что мудрость и опыт пожилых зачастую больше значат для племени, чем лишний кусок мяса или горсть ягод.

Мне кажется убедительной такая версия: в борьбе за выживание побеждали те общности, где берегли и почитали стариков. Так повторялось из века в век, из поколения в поколение. Вот почему уважение к старости вошло в плоть и кровь человека, легло в фундамент общечеловеческой морали и находит свое выражение в правилах этикета всех стран и народов.

Соблюдение этих правил не требует от молодежи каких-то особых усилий. Просто надо помнить, что для пожилого человека важнее всего покой, возможность жить привычно и размеренно.

Перечитаем еще раз письмо бабушки. Пожилая женщина не проявляет деспотизма, не капризничает. Ей нужно так немного: порядок и отдых. И решить эту проблему нетрудно: не греметь кастрюлями в кухне, по ночам приглушать голоса, умерить поток воды в ванной и отложить удовольствие музыкально-эстетических потребностей до более подходящего часа. Если все же случилось потревожить покой

больного и слабого человека, то не обижать его бездушной отговоркой: не обращай, мол, внимания, — а просто извиниться.

Нельзя не считаться со вкусами, привычками, а иногда и с невинными причудами пожилого человека. Сами посудите, стоит ли внучке стесняться своей бабушки и вести с нею войну только потому, что та, переехав в город из деревни, никак не расстанется с привычкой всегда, при любом наряде покрывать голову платком? Или «ох уж этот дед»: с утра до вечера выпиливает лобзиком затейливые рамочки из фанеры и всю стенку возле своего диванчика увесил пожелтевшими фотографиями многочисленных родственников и друзей. Ну и что? Неужели для нас эти дорогие сердцу старого человека пристрастия менее важны, чем строгое следование канонам представлений о современном интерьере?

И еще одно. Старость чревата угрозой одиночества. Сколько горьких слов обиды в письмах тех, кому за 60 и более: «Дочь не звонила целую неделю. Неужели трудно? Дождется, что когда-нибудь чужие люди ответят по моему телефону», «У меня трое племянников. Я люблю их, как родных детей. А из них хоть бы один поздравил с днем рождения!», «Внук у меня единственный, живет далеко. Только и радости, что письма от него. А ждать этих писем приходится месяцами».

Разная бывает старость. Бывает она творческой, активной, светлой, деятельной. А счастливой?..

Выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский писал: «Старость не может быть счастливой, радостной. Это невежды выдумали слова «счастливая старость». Старость может быть спокойствием или горем. Покоем она становится, когда ее уважают. Горем ее делают забвение и одиночество».

Мысль эта, на мой взгляд, далеко не бесспорна. Но доля истины тут есть.

«ПОУЧИТЕ МОЮ БАБУШКУ»

А теперь обратимся к письму от внучки — ей 19 лет, студентка, комсомолка.

«В нашей семье уже несколько лет живет моя бабушка... Она совершенно не умеет вести себя за столом: ест почти все подряд без помощи ножа и вилки, хлеб в хлебнице перебирает руками, пока не найдет понравившийся кусочек... Я пыталась как-то ей сказать об этом очень мягко и вежливо. Но куда там: «Мала учить меня, поживи еще!» А мама ее поддерживает, говорит: терпи. Не могу!»

Я думала, что это только у нас в семье, но, оказывается, у многих моих подруг и друзей очень похожие ситуации.

Напечатайте мое письмо и свой комментарий к нему. Поучите мою, да и не только мою, бабушку. Татьяна С., Харьков».

Некоторые детали и подробности текста опускаю, иначе чувство неловкости, которое возникает при чтении этого письма, было бы еще сильнее. «Ну, как же ты могла, девочка... мысленно корила я Таню... — про родную бабушку такое!»

И все же рискнула, прочитала письмо Тани в нескольких молодежных аудиториях. При этом спрашивала слушателей: «Бывают ли пожилые люди невоспитанными? Если да, то в чем это конкретно проявляется? Настолько ли типично это явление, чтобы имело смысл обсуждать его на страницах журнала?»

Сначала эти вопросы вызвали ошеломленное молчание. Потом выступающие говорили о необходимости беречь и щадить старость, которая так ранима и трогательна. И только затем осторожно, с трудом находя слова, начинали рассказывать, как аккуратно выразился один симпатичный паренек, об «отдельных случаях неадекватного поведения отдельных пожилых людей».

— Все бы ничего, — смущаясь и нервничая, говорила молодая женщина. — Но у них просто мания во все вмешиваться, давать советы. Только и слышишь: «В наше время... я в твои годы...» Когда у меня дочка

родилась, так прабабушка от меня не отходила: «Кто так пеленает? Хочешь, чтобы у ребенка ножки кривые были? Вытягивай, вытягивай да покрепче завертывай. Ту же, говорю, пеленай!» Я от нее отбивалась и Споком, и Никитиными. А она обижается, у нее давление поднимается. Но не свивать же мне ребенка в самом-то деле!

— Это что, — вступает в разговор другая. — С этим я бы примирилась. Но очень обидно, когда тебя все время попрекают, называют неблагодарной и тому подобное. И главное, из-за пустяков. Сидели как-то мама с моим сыном на диване, телевизор смотрели. Мальчишка крутится, ерзает, покрывало под ним сбито, скомкано. Бабушка ему выговаривает: «Это же кошмар, просто ужас какой-то! Ты можешь посидеть спокойно? Почему бабуля как села, так и сидит?» А тот за словом в карман не лезет: «У тебя же остеохондроз». Ну и началось! «Он мне опять грубит. Это ваше воспитание. Никакой благодарности!»

— А у нас другое, — иронически улыбаясь, говорит молодая человек. — Дед почему-то решил, что он главный начфин, и прямо заклинился на экономии. Каждая новая вещь в доме — это целый скандал с лекциями о вреде расточительства и бесхозяйственности. И жить-то мы не умеем, и копейку не бережем, и добро переводим по-пустому. Если деду дарят что-нибудь из одежды, у него это может годами лежать, а он бог знает в чем ходит. Даже перед соседями неудобно...

Все эти грустные рассказы заканчивались вопросом: что же делать в таких ситуациях, как вести себя?

Признаюсь честно, конкретно ответить не могу. Для этого надо знать, каковы отношения в семье, что за характеры у ее членов, какой здесь стиль и образ жизни и так далее. Но в любом случае начинать надо с попытки понять пожилого человека, разобраться в его мотивах и побуждениях.

Отчего, скажем, прабабушка так настойчива в своих советах? Ведь не для того же, чтобы испортить отношения и досадить. В ее поступках явно просматривается желание передать молодым свой опыт, уверечь, предостеречь от ошибок. Желание это доброе, понятное и, видимо, закономерно заложенное в психику пожилого человека. Другое дело, что житейские знания стареют и изнашиваются: то, что представлялось когда-то незыблемой истиной, может оказаться заблуждением и предрассудком. А перестраиваться, менять взгляды пожилому человеку непросто. Можно попробовать переубедить его. Можно обратиться к чувству юмора. Можно просто не заострять на таких проблемах внимания. Можно постараться сделать так, чтобы он лишней раз не был свидетелем действий и поступков, которые противоречат его представлениям о должном. Это уж как у кого получится.

Второй конфликт, мне кажется, тоже вполне разрешим. Пожилой человек нуждается в постоянном подтверждении своей нужности, которая придает смысл его жизни. Он готов отдать людям и близким прежде всего свое время, силы, труд, заботу, самоотверженность. Взамен ему требуется совсем немного — доброе слово благодарности. Произнесите его почаще, пусть звучит оно тепло и искренне.

Что же касается скуповатого «деда-начфина», то и тут все объяснимо. Жизнь прожита трудная. Были в ней война, разлука, голод, холод, нехватки самые разные. От тяжелых тех времен и осталась привычка экономить, подкапывать, обходиться крайним минимумом, рассчитывать до мелочи. Конечно, это вызывает определенные сложности в семейной жизни. Но если мы понимаем причину, то кое с чем можно примириться, что-то смягчить, сгладить.

К сожалению, бывают случаи, когда терпимость, мягкость, уступчивость не срабатывают, не годятся.

...В вагоне метро приятный радиоголос напоминает: «У нас принято уступать места женщинам и людям старшего возраста». Энергичная старушка во всеуслышание ядовито комментирует: «Как же, принято у них! Уступят они, жди до второго пришествия!.. Ишь, расселась, как барыня, — уже конкретно обращается она к молодой женщине на ближайшем сиденье. — Не слышала, что ли? Или уши позакладывало? Вставай, тебе говорю! И как это от людей-то не совестно?» Пунцовая от смущения, пассажирка встает, и тогда под ее широким плащом явно обозначается большой и тяжелый живот.

...Немолодой и крепко подгулявший мужчина решительно пробивается к прилавку, чтобы в третий раз купить без очереди какие-то молодежные маечки. Свое продвижение он сопровождает энергичными выражениями явно непарламентского происхождения — всюду ругает современную молодежь.

Да, тяжелые формы невоспитанности не проходят с годами сами собой, как детские болезни. Не исключено, что наглость и самоуверенные молодые люди становятся впоследствии беспардонными, нетактичными стариками, иначе откуда бы им взялась?

Сложную моральную проблему подняли в своих письмах читатели. Долго и трудно писала я эту статью. Понимаю, в ней много спорного. Ну, что ж? Разговор можно продолжить.

Рисунок
Юрия ИВАНОВА

АХМАТОВА

Михаил ДУДИН

Думая об Анне Андреевне Ахматовой, я вспоминаю стихи Салфо:

**Конница одним, а другим пехота,
Стройных кораблей
вереница — третьим.
А по мне на черной земле всех краше
Только любимый.**

Эти стихи, как нечто живое, стояли рядом со мной у гроба этой удивительной по своему таланту и характеру русской женщины, с которой мир прощился навсегда. Я смотрел на ее высокий, гордый лоб, на неподвижные ресницы, на классический нос с горбинкой, на плотно сжатые, с чуть затаенной улыбкой губы и говорил тогда о том, что она, Анна Андреевна Ахматова, уже становится достоянием не только русской, но и мировой культуры, что, уходя из этого мира, она оставляет ему свою поэтическую душу, свои пронзительные слова о прекрасном таинстве любви, о красоте женственности, ее трагедиях и преодолении этих трагедий и что эти слова сама жизнь поставила в бессмертной библиотеке своего самопознания рядом со словами Салфо.

Сейчас, спустя двадцать лет, я смотрю назад, на скорбное прощание с Ахматовой, уже из другого времени, с точки зрения нового опыта трагедий и разочарований, углубивших любовь к жизни, просветливших ее великую необходимость. Я гляжу сквозь двадцать лет назад, в тот сырой мартовский день прощания, и читаю стихи Анны Андреевны:

**Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши:
«Воскресни!» —
Но вдруг поймет,
что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
...А что теперь?**

Я произношу эти стихи, и они сливаются с теми строками Салфо, которые чувствовал рядом с собой как нечто живое у гроба Ахматовой.

Их уже не разделить, Ахматову и Салфо. Они в одном ряду. Им вместе надлежит сочувствовать человеку и просветлять его, делать его духовный мир осмысленным и прекрасным, существенным и значительным. Они обе от одного Солнца.

В самой Анне Андреевне все было значительно — и внешний облик, и духовный мир.

Как-то мне довелось вместе с ней ехать из Ленинграда в Москву в одном купе «Красной стрелы». Мы были знакомы раньше, но особенно близко судьба нас не сталкивала. Не помню, о чем мы говорили тогда, в памяти сохранилась одна фраза, сказанная Анной Андреевной: «Мы, поэты, — люди голые, у нас все видно, поэтому нам надо позаботиться о том, чтобы мы выглядели пристойно».

Я знал, что в ее жизни было много сложного, тяжелого. Знал из рассказов моих старших товарищей-литераторов, знал и по тем событиям, которые происходили у меня на глазах. Но никогда, ни в одной из ее книг я не находил отчаяния и растерянности. Никогда не видел ее с поникшей головой. Она всегда была прямой и строгой, была человеком воистину незаметного великого мужества. Этому существенному качеству можно и нужно учиться у ее обнаженно правдивых книг.

Души высокая свобода, которой она обладала, давала ей возможность не гнуться под любыми ветрами обид и

несправедливостей. Она проходила через все, как будто мир земных реальностей был для нее астральным. Она не то чтобы не обращала на него внимания, нет, ее волновало все в этом мире, но она умела с поразительной точностью о нем и для него оставлять свои заметы, знаки добра и удивления, знаки боли и сочувствия — в песне своего опыта.

Салфо родилась, жила и пела на острове Лесбос в Средиземном море. Ахматова родилась на юге России, в Одессе, а в юности жила в Евпатории и Херсонесе на берегу Черного моря. Салфо и Ахматова несли в своих душах одно и то же Солнце радости жизни, одну и ту же щемящую красоту женственности, ее постижимую прелесть. Что из того, что между ними лежит пропасть времени! Они сестры, для песен которых не существует ни времени, ни пространства. Они служили одному солнцу жизни, радости и любви.

И если мне сейчас бывает невыносимо тревожно, я снимаю с полки том Ахматовой и отыскиваю поэму «У самого моря».

**Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли
на плоском камне...**

Я читаю эти строки, и меня начинает обступать музыка радости и света, музыка солнечных бликов и легких барашков волн, набегающих на золотой песок, меня начинает захватывать ощущение счастья жизни, я вижу провал в бесконечную глубину пронизанной солнцем синевы, чувствую запах моря, как запах вечности, — вот он крылышком колибри касается моих ноздрей, и весь я наполняюсь свежестью этого юного мира, свежестью ветра с привкусом степной полыни.

Поэма захлестывает меня, как морская волна, и смывает с меня весь пепел перегоревших раздумий о безысходности человеческого горя, суетная тревога становится осмысленной, пустыня неверия и отчужденности зацветает дикими маками веры, вырастающими на крови ненависти и расплаты.

Я очень люблю поэму «У самого моря», поэму вечной трагедии истинной любви, поэму вечного ее возрождения.

**Смуглый и ласковый мой царевич
Тихо лежал и глядел на небо.
Эти глаза зеленее моря
И кипарисов наших темнее, —
Видела я, как они погасли...
Лучше бы мне родиться слепой.
Он застонал и невнятно крикнул:
«Ласточка, ласточка,
как мне больно!»**

Наверное, чудо поэзии в этом и есть — чудо умения преодолением своего горя снимать горе с другой, близкой по страданиям души, возвращая ее к радости жизни. Ведь, в конце-то концов, жить — значит радоваться! «...И нам сочувствие дается, как нам дается благодать». Я понимаю: мудрость Тютчева была и ее, ахматовской мудростью, редчайшим свойством, дарованным истинному художнику, понимающему, что в самом деле «невозможно жить без солнца телу и душе без песни».

В ее теле жила эта солнце, в ее душе делилась с миром этими неубывающими редчайшими сокровищами. За это ей благодарны все, кто ищет общения с ее поэзией и умеет понимать ее благоую исключительность.

Поэзия Ахматовой солнечна, проста и свободна, как ее юность. Она родная сестра прекрасной поэзии Эллады. Пусть у нее другой строй и ритм, другая музыка, это не мешает ей быть по-эллинически вещью и вечной.

Когда я впервые увидел в Лувре

статую Самофракийской Победы, то вслед за стихами Николая Тихонова вспомнил ахматовского «Рыбака». Вспомнил потому, что, как и стихи Тихонова, как сама статуя Самофракийской Победы, ахматовское стихотворение предельно просто и точно передает мысль о красоте проявления божественного творческого духа человека. Эти явления искусства стоят в одном ряду прекрасного. Здесь одна и та же пластика — в слове и в мраморе, пластика предельно высокого мастерства:

**Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душной запах дегтя,
Как загар, тебе идет.**

**И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.**

**Даже девочка, что ходит
В город продавать хамсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.**

**Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубокий,
Ноги ей щекоют крабы,
Выползая на песок.**

**Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Все сильней биенье крови
В сердце, раненном тоской.**

Откуда пришло к ней это мастерство (стихотворение написано в 1911 году), эта филигранная выразительность слова, дающая заключенной в нем мысли эстафету вечности!

Так начинался ее путь, путь совершенства, путь познания и самопознания, путь высокой ответственности души, самый тяжелый и единственно необходимый путь одаренных тягой к познанию творческих натур. Уже первыми ее стихами подтверждается непреложный закон творческого труда: прекрасная мысль всегда находит себя в прекрасном выражении — иной и не может быть в высоком искусстве связь между формой и содержанием.

Родилась А. А. Горенко (Ахматова) на юге России, в Одессе, в июне 1889 года, в семье отставного инженера-механика флота, но вскоре родители переехали в Царское Село, где она росла и занималась в гимназии. Если Эллада учила ее точности простоты, то Петербург и Царское Село учили ее душе глубине и осмысленности. Она знала французский и читала в подлиннике Данте. Первыми из русских поэтов она узнала Державина и Некрасова. Потом уже открылся Пушкин, беззаветная любовь и удивление им прошли через всю ее жизнь. И там, где

**Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,**

там и она оставила следы, уже ничем не изгладимые из русской поэзии.

Первое стихотворение она написала в одиннадцатилетнем возрасте.

Художник начинается с беспощадности к самому себе. Видимо, к ней эта беспощадность пришла после того, как она увидела корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского: «Я была поражена и читала ее, забыв все на свете». Потом она назовет Анненского учителем и напишет:

**А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем,**

**предзнаменованием,
Всех пожалел, во всех
вдохнул томленье —
И задохнулся...**

Сам о себе Иннокентий Анненский сказал горько и беспощадно до самоуничтожения: «Я слабый сын слепого поколения. Может быть, у него и научилась Анна Андреевна беспощадному отношению к делу своей судьбы — Поэзии».

**Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.**

Анна Ахматова, как мне кажется, очень рано начала понимать, что писать надо только те стихи, которые если не напишешь, то умрешь. Без этой кандалной обязательности нет и не может быть Поэзии. А еще, чтобы поэт мог сочувствовать людям, ему надо пройти через полюс своего отчаяния и пустыню собственного горя, научиться преодолевать его в одиночку.

Характер, талант, судьба человека лежат в юности. Юность Ахматовой была солнечной.

**А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской
молодого века.**

Но в этой узорной тишине Царского Села и в ослепительной голубизне древнего Херсонеса трагедии шли за ней по пятам неотступно.

**А муза и гложла и слепла,
В Земле истлевала зерном,
Чтоб снова, как Феникс из пепла,
В тумане восстать голубом.**

И снова восставала, и снова бралась за свое. И так целую жизнь. Чего только не выпадало на ее долю! И смерть старших сестер от чахотки, и у самой кровь горлом, и разлад между матерью и отцом. Две революции, две страшных войны, гибель мужа, ссылка единственного сына.

**И всюду клевета сопутствовала мне,
Ее ползучий шаг я слышала во сне
И в мертвом городе
под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом
и за хлебом.**

Такие признания диктуют Совесть и Правда.

Я держу в руках том Ахматовой и читаю: «В то время я гостила на земле. Мне дали имя при крещенье — Анна, сладчайшее для губ людских и слуха». Так она пишет о своей юности — торжественно, одически, а ведь мало кто знает, что, когда она узнала о том, что она Поэт, и поверила в эту неизбежность, не кто иной, как отец запретил ей подписывать стихи отцовской фамилией Горенко, и она взяла фамилию своей прабабушки-татарки — Ахматова.

Мир благодарен этому имени...

Я произношу его вслух, и начальное «Ах!», заключенное в ее поэтическом имени, выражает и мое восхищенное отношение к ее судьбе плакательницы и пророчицы, некоронованной королевы любви и красоты, которым в конечном счете надлежит победить на земле все злое в человеке и человечестве.

Я читаю книгу Ахматовой как открытие человеческой души, примером своим облагораживающей мою жизнь и жизни всех людей, которые склоняют головы перед песней ее откровения.

**Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала!
Я снова все на свете раздарю,
И этого еще не будет мало.
Я притворилась смертной зимой
И вечные навек закрыла двери,
Но все-таки узнают голос мой,
И все-таки ему опять поверят.**

Восточная мудрость гласит, что не каждую правду говорить нужно, но эта мудрость может плодотворно использоваться. Творчество Ахматовой предельно правдиво и искренне. А запрет, если подумать, сам по себе бесполезен, потому что он, возбуждая острое любопытство к запрещенному, в конце концов разоблачает его.

Жизнь Анны Андреевны Ахматовой проходила в трудное время и не щадила ее нежную душу. Но эта душа оказалась стойкой, высоко нравственной, способной переносить лишения всяческих, выражаясь словами Маяковского, «бед и обид» и вырабатывать из них открыто правдивую поэзию.

**Водою пахнет резеда
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.**

Как она умела добиваться такой сжатости и поэтической динамики, схожей с процессом превращения угля в алмаз! Здесь все просто и значительно, как в «Азбуке» Льва Толстого, по которой она училась читать. Все, что попадало в поле ее зрения, все, что вызывало в ней желание выразить увиденное и тронувшее ее душу словом, после ее замет становилось и оставалось вечным.

Я не знаю, сколько раз она бывала в Кисловодске. Это не имеет значения. Значение имеет то, что в двух строках:

**Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание —**

она передала всю суть истории, связанной с этим местом.

Книга собрания стихотворений Анны Андреевны Ахматовой — очень емкая, масштабная книга о двадцатом веке, его сложностях и надеждах. Ее стихи как трава, вырвавшаяся к солнцу на пепелище, трава, вопреки всему, густая, зеленая. Гуще и зеленее прежней, которая здесь росла, новая вырастает на пепле старой как знак вечной жизни, вечного ее продолжения и преображения.

**Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.**

**Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.**

Анна Андреевна Ахматова любила жизнь во всем многообразии ее проявлений. Она любила свою родину — Россию. Это была прежде всего любовь к русскому языку, к его богатству, его поэзии, самая главная, самая верная ее любовь, подтвержденная всем ее много-страдальным, устремленным к совершенству творчеством.

Эта любовь индивидуальна и общезначима. Она исходит от нее одной, Анны Ахматовой. — ко всему миру. Об этом я думал и говорил в притихший зал в день ее похорон, а потом, вернувшись домой, наугад раскрыл ее книгу и застыл от неожиданности — передо мной была «Молитва», стихотворение, написанное в 1915 году:

**Дай мне долгие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.**

Она жила для великой земной любви и пела об этом, и в этом был смысл ее жизни, естественное состояние ее души. Она все замечала — и «осуждающие взоры спокойных загорелых баб», и хромое человека, обогнавшего тройку, в которой ехала, человека с пронзительно голубыми глазами и со шрамом

от железного «браслета» на руке. Она запомнила его голос, благостный и звонкий одновременно, благословлявший ее ребенка: «Будет сын твой и жив, и здоров».

Видимо, это было на Тверской земле в имении ее мужа Николая Гумилева, с которым она уехала туда в начале первой мировой войны из Петербурга, а потом вернулась, уже в Петроград, и разошлась с ним, как расходятся две реки из одного русла в разные стороны, каждый к своей трагедии.

В 1912 году вышла ее первая книга стихотворений «Вечер»... Несмотря на тираж триста экземпляров, книга стала заметным явлением в русской поэзии, а вышедшие через два года «Четки» подтвердили и расширили удачу «Вечера».

В русской поэзии появился новый мастер с удивительно чистым голосом, глубокая интимность которого усиливала его искреннее гражданское звучание.

Конечно, Ахматова не могла написать «Двенадцать» или «Левый марш». Это сделали Блок и Маяковский. Она писала другое:

**Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою.
Боль поражений и обид».**

**Но равнодушно и покойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.**

Так она писала в 1917 году, и высказанное в этом горьком стихотворении желание осталось не пустой фразой, стало действием, добровольно взятой на себя обязанностью перед новой жизнью, стало судьбой. Никаких благ эта судьба не сулила, но в ней проглядывала великая правда времени, трудного и многообещающего. Спустя три года, на развалинах своей прошлой жизни, Ахматова говорит уже невозвратимой, уже ненужной, уже отболевшей жизни, говорит себе и миру жесткую правду об испытаниях, о вере своей души в новое, еще непонятное, но ощутимо заманчивое начало жизни:

**Все расхищенное, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?**

**Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, —**

**И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.**

Такова была ее извечная, просветленная болью, неизменно чистая любовь к России и к ее будущему, так она ждала этого будущего, так ему верила.

**И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.**

Ей посвящали стихи Блок и Пастернак. Ее портреты писали лучшие художники ее времени — и реалисты, и сверхмодные.

Слава не отходила от ее дверей, но она не то чтобы не пускала ее к себе, нет, она просто не придавала ей уж очень большого значения.

Она была необходима времени, и время было необходимо для нее в самых разных формах его проявления.

Трезвый взгляд на движение самого времени никогда не изменял ее умению и вкусу. Ее оценки, как правило, всегда были и просты, и точны, как это и

подобает истинному поэту. Как трогательно она вспомнила о Владимире Маяковском, как будто бы таком далеком для характера ее таланта, а на самом деле таком близком и дружественном:

**Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, — разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпением торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь
весел, волен
На свою великую борьбу.**

Ахматова сама, лучше всех критиков определила свое назначение в мире, свою судьбу и свою программу:

**Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.**

Этой распаханностью она тоже умела владеть, владеть мастерски, скромно, без экзальтации и принижения. Она и тут была верна святой естественности человеческой души.

Она умела по-тютчевски сочувствовать и очищать человеческую душу от ненависти и мести осмыслением правды трагедии. Она умела осмыслять прошлое, ради того чтобы его трагедии не повторялись в более широком масштабе.

Гуманизм был врожденным свойством ее характера. И когда началась великая беда мира — мировая война, она писала:

**Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.**

**Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.**

Это уже эпос времени, и весь цикл «В сороковом году», так же как «Северные элегии» и «Библиейские стихи», есть предчувствие и предупреждение краха, есть ощущение смертельной мировой беды и надвигающейся на родную землю катастрофы.

Пророческие слова, соединенные строгим ритмом, напоминают по вещему женскому чувству плач Ярославны, и мне невольно вспоминаются стихи Случевского: «А Ярославна все-таки тоскует в урочный час на каменной стене». Значит, поэзия жива и неистребима.

Герой французского Сопротивления, прекрасный поэт Франции и свободы Поль Элюар писал: «Пока на земле все еще есть насильственная смерть, первыми должны умирать поэты...» Они так и умирали, «Сердце отдав временам на разрыв». Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Блок, Есенин и Маяковский. В этом святая правда поэзии, без которой человеческая жизнь на земле зашла бы в тупик. Я думаю об этом, склоняя голову перед памятью Анны Андреевны Ахматовой.

Ведь это она в первые дни нашествия фашизма на Советский Союз обратилась ко всем женщинам Родины со словами клятвы:

**И та, что сегодня прощается
с милом, —
Пусть боль свою в силу она
переплавит.
Мы детям клянемся,
клянемся могилам,
Что нас покориться никто
не заставит!**

Я слышал эту клятву вместе с однополчанами за тридевять земель западнее Ленинграда и вместе с ними, вместе со всей мировой поэзией верил в то, что «Дело наше правое. Враг будет разбит и Победа будет за нами». Верила в это и Анна Андреевна.

**Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями**

**мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!**

Анна Ахматова верила в Победу, звала народ к Победе, она вместе со своим народом победила самое страшное зло двадцатого века — фашизм. Великое русское слово, произнесенное Ахматовой: «Для славы мертвых нет», — озвучено мрамором и бронзой памятников Гнева и Скорби павшим защитникам Родины.

**Где елей искалеченные руки
Взывают к мщенью — зеленеет ель,
И там, где сердце ныло от разлуки, —
Там мать поет, качая колыбель.
Ты стала вновь мочучей и свободной,
Страна моя! Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.**

**Для мирной жизни юных поколений,
От Каспия и до полярных льдов,
Как памятники выжженных селений,
Встают громады новых городов.**

Она успела это увидеть, успела об этом сказать и точно, и впечатляюще просто. В сентябре 1941 года, в блокадном Ленинграде, вместе со всеми, с противоголозом, перекинутым через плечо, она дежурила на крыше, а в 1950 году, тоже вместе со всеми, сажала тоненькие побеги лип на топкой и пустынной косе, где теперь «десятки быстроежких легких яхт на воле тешатся... Да, это парк Победы».

Анна Андреевна Ахматова была великой труженицей. Кроме лирики, она оставила нам прекрасные исследования, посвященные Александру Сергеевичу Пушкину, литературные воспоминания о сверстниках, «Поэму без героя» — странницы высокой Правды Времени и Поэзии. Она много и плодотворно занималась переводами, на которых лежит отличительная печать ее вкуса и мастерства.

Строгий вразумительный голос Ахматовой, исполненный глубинного мужества, нельзя спутать с другими голосами блистательных поэтов двадцатого века. Он очень индивидуален и вызвал целую волну подражаний, столь назойливую, что Ахматова сама обратила на нее внимание в «Эпиграмме»:

**Могла ли Биче, словно Дант, творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, боже, как их замолчать заставить!**

Талант Ахматовой был мудрым и хорошо знал, что подражание губит поэзию, разъедает ее своей мнимой значимостью и общедоступностью. Крест индивидуальности таланта очень трудный крест, избавиться от него нельзя, и Анна Андреевна Ахматова несла его до конца своих дней. Он был ее мукой и утешением одновременно.

**Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим:
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счета
С пламенем, и ветром, и водой...**

**Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.**

Когда ее возраст пересек семидесятилетнюю черту, когда ее черная челка, спускавшаяся на прямые строгие брови, освещенная зеленовато-сероватым светом удлинённых глаз, побелела и откинулась на затылок, обнажив прекрасный высокий лоб, когда ее походка стала подчёркнуто степенной и она всей своей статью стала похожа на мать королевы, к ней пришла слава, уже основательно верная, а не ветреная, как прежде, пришла и неотступно следовала за ней. Она ее не прогоняла и даже не иронизировала над нею. Она принимала ее как должное, без охов и ахов, с полным сознанием своего достоинства.

**Уходи опять в ночные чащи,
Там поет бродяга — соловей,
Слаще меда, земляники слаще,
Даже слаще ревности моей.**

За два года до смерти Ахматова побывала в Италии, за год — на родине Шекспира. В Италии ей вручили премию «Этна-Таормино», в Англии — диплом почетного доктора Оксфордского университета. Она и это приняла как должное.

В 1965 году в издательстве «Советский писатель» в Ленинграде вышел однотомник ее стихотворений и поэм — объемистый том в белой суперобложке с рисунком, сделанным во времена «Вечера» и «Четок» в Париже ее итальянским другом художником Модильяни. Ахматова назвала однотомник «Бег времени».

Бег времени ее судьбы, ее жизни, ее поэзии завершался. Череда уходящих в глущь прошлого событий сделала Ахматову заметнее в мире не только поэзии, но и самой жизни.

Она не сетовала на возраст. Она и

старость принимала как должное. Она была жизнестойкой, как татарник, пробивалась к солнцу жизни из-под развалин, вопреки всему — и оставалась собой.

**А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник —
только тень,
И веет ветер из глухого сада,
А под ногой могильная ступень.**

Двадцать лет назад, в промозглый мартовский день я стоял у ее изголовья и смотрел на ее гордое лицо. Я не знал тогда, да и теперь не знаю, какие тени витали над ее прекрасным лбом и плотно сжатыми губами с чуть заметной улыбкой, что эти тени хотели сказать ей, что она могла им ответить. А воображать... воображать в минуты прощания не положено.

Мы ее похоронили под Ленинградом, в поселке Комарово на Карельском перешейке, на кладбище среди соснового леса. И летом и зимой на ее могиле всегда лежат живые цветы. Розы. Ландыши. Цикламены. И ромашки тоже. Дорожка к ее могиле не зарастает травой летом и не заносится снегом зимой. Ветер с залива шумит в вершинах сосен, и они разговаривают, чуть раскачиваясь, между собою о чем-то своем, недоступном нам, людям. К ней приходят и юность, и старость, приходят женщины и мужчины. Для многих она стала необходимостью. Для многих ей еще придется необходимостью стать.

Такая у нее участь. Ведь истинный поэт живет очень долго и после смерти своей. И люди будут идти сюда долго, очень долго.

**Будто там впереди не могила,
А таинственной лестницы взлет.**

Мужество Правды и Поэзии ничего не боялось и не боится, даже бессмертия. Оно выдержит и это испытание.

ВОПРОС К ЧИТАТЕЛЯМ «СИЛУЭТОВ»

На протяжении многих лет одна из самых популярных рубрик «Смены» — рубрика «Силуэты». Перед ее материалами мы всегда ставили задачу выходить в рассказах о великих литераторах-классиках за рамки хрестоматийных представлений о них. Напоминаем читателям, о ком писала «Смена». В скобках указан номер журнала и год выхода.

А. С. Пушкин (№22, 1970)	Н. С. Лесков (№ 5, 1976)
А. А. Блок (№24, 1970)	М. Е. Салтыков-Щедрин (№ 2, 1976)
А. П. Чехов (№2, 1971)	В. Ф. Одоевский (№ 23, 1978)
Н. Г. Чернышевский (№ 5, 1971)	Д. Н. Мамин-Сибиряк (№ 2, 1979)
В. К. Кюхельбекер (№ 9, 1971)	А. В. Кольцов (№ 5, 1979)
Л. Н. Толстой (№17, 1971)	Н. М. Карамзин (№ 14, 1979)
Ф. М. Достоевский (№ 21, 1971)	А. Н. Толстой (№ 18, 1979)
Н. А. Некрасов (№ 23, 1971)	В. И. Даль (№ 13, 1980)
Н. А. Добролюбов (№ 8, 1972)	А. К. Толстой (№ 8, 1981)
К. Ф. Рылев (№ 12, 1972)	Д. В. Веневитинов (№ 13, 1982)
В. А. Жуковский (№ 20, 1972)	В. В. Маяковский (№ 14, 1983)
М. Ю. Лермонтов (№№ 8, 9, 1973)	И. С. Тургенев (№ 19, 1983)
Ф. И. Тютчев (№ 20, 1973)	Н. В. Гоголь (№ 6, 1984)
Т. Г. Шевченко (№ 2, 1974)	В. М. Гаршин (№ 7, 1984)
М. В. Ломоносов (№ 19, 1974)	А. П. Платонов (№ 18, 1984)
Е. А. Баратынский (№ 3, 1975)	Ф. Н. Глинка (№ 12, 1985)
А. С. Грибоедов (№ 13, 1975)	И. А. Бунин (№ 21, 1985)
А. И. Герцен (№ 16, 1975)	

Как видите, в основном публиковались материалы о представителях классической литературы XIX века. Но было и несколько исключений. Они-то и побудили расширить границы времени. Может быть, пора обратиться к рассказам о классиках мировой литературы? Как вы считаете? О ком из русских, советских, зарубежных мастеров литературы хотели бы вы прочитать на страницах «Смены»? Подчеркиваем, однако, что речь в этой рубрике может идти лишь о самых вершинных именах.

Ждем ваших писем и предложений.

ТЕЛЕФИЛЬМ: ОЦЕНКИ И МНЕНИЯ

ТЕЛЕПРЕМЬЕРЫ 1985 ГОДА

1. «Батальоны просят огня» (4 серии)	27. «Неизвестный солдат» (3 серии)
2. «Берег его жизни» (3 серии)	28. «Ненаглядный мой»
3. «В. Давыдов и Голиаф» (короткометражный)	29. «Огненные дороги» (заключительные серии)
4. «Володя большой, Володя маленький»	30. «Осенние утренники» (2 серии)
5. «Время зимних туманов» (2 серии)	31. «Перегон»
6. «Высокая проба» (2 серии)	32. «Перед самим собой» (2 серии)
7. «Грядущему веку» (5 серий)	33. «Подружка моя»
8. «Двое в песках»	34. «Поживем — увидим»
9. «Девять кругов падения» (2 серии)	35. «Пока не выпал снег»
10. «Дети солнца» (2 серии)	36. «Противостояние» (5 серий)
11. «Документ «Р»» (3 серии)	37. «Родники Минг-Булака» (2 серии)
12. «Дом, который построил Свифт» (2 серии)	38. «Свадьба в лесу»
13. «Дом на дюнах»	39. «Свадьба старшего брата»
14. «Дорога к себе» (2 серии)	40. «Сказка старого дуба»
15. «Завтра начинается сегодня» (2 серии)	41. «Сказки второго волшебника» (2 серии)
16. «Иван Павлов. Поиски истины» (5 серий)	42. «Снег в июле» (2 серии)
17. «Капитан Фракасс» (2 серии)	43. «Снег в сентябре»
18. «Картина» (3 серии)	44. «Тайга» (короткометражный)
19. «Когда становятся взрослыми»	45. «Третий в пятом ряду»
20. «Крутизна»	46. «Тройка»
21. «Любочка»	47. «Чокан Валиханов» (4 серии)
22. «Маленькое одолжение»	48. «Чужой случай»
23. «Марица»	
24. «Меньший среди братьев» (2 серии)	
25. «Накануне» (2 серии)	
26. «Наше призвание» (3 серии)	

ПОСЛЕДНИЕ ТЕЛЕПРЕМЬЕРЫ 1985 ГОДА

49. «Самые быстрые в мире»
50. «Снегурочку вызывали?»
51. «Проделки Скапена» (2 серии)

Значительное место в почте «Смены» занимают письма читателей, которые делятся впечатлениями от телефильмов, с неподдельным интересом откликаются на анализ тех или иных картин в статьях, публикуемых в журнале. Для того, чтобы наше общение с вами, дорогие читатели, приобрело еще более конкретный, взаимно полезный характер, мы и предлагаем вашему вниманию список телефильмов 1985 года, а также несколько вопросов. Прежде чем отвечать на них, укажите, пожалуйста, свой возраст и профессию.

- Отметьте названия трех телефильмов, которые произвели на вас наибольшее впечатление.
- Какие фильмы вам активно не понравились?
- Сколько фильмов из публикуемого списка вам удалось посмотреть?
- Что вы предпочитаете:
  - экранизации современных литературных произведений,
  - экранизации литературной классики,
  - фильмы по оригинальным сценариям.
- На какие темы, по вашему мнению, надо снять телефильмы?
- Фильмы по каким классическим и современным литературным произведениям вы хотели бы увидеть на телеэкране?
- Что вы больше любите:
  - односериальные фильмы,
  - телесериалы.
- Какие актерские работы вам больше всего запомнились в телефильмах 1985 года?

Три фильма, набравшие наибольшее количество голосов, получают дипломы читательского признания.

Дорогие читатели! Многие позиции этой анкеты требуют расширенного ответа. Просим вас присылать нам письма, в которых вы можете подробно высказаться, отталкиваясь от вопросов анкеты. С вашими ответами мы познакомим Гостелерадио и объединение «Экран». Таким образом, разговор наш будет продолжен и, надеемся, воплотится в реальные дела.

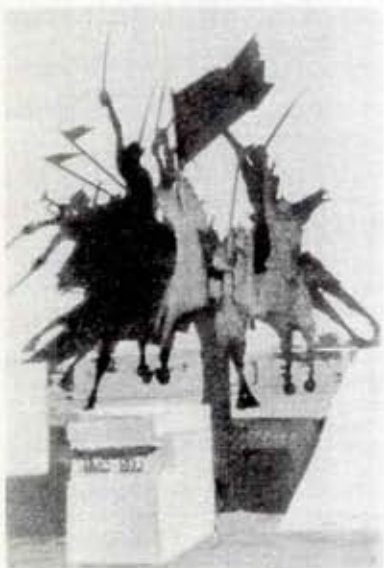

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Конница Буденного в Баутцене

Стальные всадники взмахнули саблями. На постаменте памятника — годы жизни легендарного командарма Первой Конной Семена Михайловича Буденного... Памятник работы Петера Гюттлера установлен в местечке Баццотц, район Баутцен, ГДР. Там расположен новый, самый современный в республике конноспортивный комплекс.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

РОБОТЫ ВЫСТУПАЮТ НА БИС...

Ансамбль, состоящий из девяти роботов, которые имеют величину и внешний вид человека и управляются индивидуальными компьютерами, вызвал в последнее время сенсацию в Японии. Один из роботов — «дирижер», трое играют на клавишном инструменте, ударных инструментах и гитаре, а остальные пятеро выступают в роли вокалистов. Во время исполнения роботы движутся точно так же, как и настоящие музыканты и певцы. Находящийся на спине «дирижера» чувствительный элемент воспринимает выражения одобрения и аплодисменты. Если аплодисменты по продолжительности и громкости превышают заранее установленную границу, ансамбль роботов выступает на бис. Свою программу ансамбль начинает с «Марша роботов».

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

Корабль сокровищ

На дне Средиземного моря у побережья Турции лежит затонувшее торговое судно эпохи бронзы. Судно бороздило водные просторы 3400 лет назад, то есть до Троянской войны, во времена правления египетского фараона Тутанхамона или его предшественника Эхнатона. Работы по подъему судна, которое было обнаружено совершенно случайно ловцами морских губок, продлятся пять лет. Пока не удалось определить, какому государству принадлежал этот корабль. Основу груза составляли 150 медных слитков общим весом 6 тонн, а также олово. Как известно, из сплава меди с оловом получается бронза, которая доминировала в античный период до эпохи железа.

На судне найдены две дюжины сосудов из кобальтового стекла, которые являются самыми древними образцами обработанного стекла из дошедших до наших дней. Есть среди грузов и другие предметы: золотой кубок, украшения, слоновья кость, амфоры и кувшины, наполненные до краев смолой, кораллы, янтарь, благовония, семена ценных культур, сабли, кинжалы, шпаги. Самыми тяжелыми предметами являются каменные якоря.

«ШТИИИИЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

«ЛЕТАЮЩИЙ ГРУЗОВИК»

В небе Восточной Вестфалии (ФРГ) парит... грузовик. Нет, здесь не отменен закон земного притяжения. Просто «грузовик» этот — огромный, размером 25 × 14 метров аэростат, которому придали соответствующую форму. А цель экстравагантной затеи элементарна: реклама. Фирма по прокату автомобилей ищет клиентуру...

«МОНД», ФРАНЦИЯ

МУЗЕЙ ПУСТЫНЬ

Япония — страна, где настоящих пустынь нет, но зато она может гордиться специальным музеем пустынь. На острове Хонсю близ города Тоттори совместная деятельность ветра и реки Сендай образовала дюны высотой до семидесяти метров. В этом песчаном царстве создан парк с различными аттракционами и выставками. Главной его достопримечательностью, однако, является музей пустынь.

Один из экспонатов музея — глобус, на котором отмечены пустыни всего земного шара. Здесь же помещены стеклянные сосуды, содержащие различного цвета песок практически из всех известных пустынь. Посетители могут ознакомиться с тем, как возникают дюны. Их образование демонстрирует специальная установка с аэродинамической трубой. Многочисленные диорамы показывают флору и фауну, приспособившиеся к засушливому климату пустынь.

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЗАКОНУ ВОПРЕКИ

«Противоречащими конституции» назвал депутат бундестага от Свободной демократической партии ФРГ Буркхард Хирш предписания, которые получает от своего руководства западногерманская полиция. Вот пример из практики, на такого рода предписаниях построенной... «Фотолюбитель» в полицейской форме, вооруженный фотоаппаратом с мощным телеобъективом, делает снимки не для семейного альбома — для специального досье, которое заводится на «неблагонадежных». К ним, естественно, блюстители порядка относят участников антивоенных демонстраций, митингов солидарности и т. д. Антиконтитуционные параграфы инструкций, заявил Хирш, присваивают полицейским право «следить за людьми, не совершившими никаких преступлений, бороться с преступлениями, которых не было, отражать опасности, которые не угрожают». Все громче звучат голоса политиков, ученых, профсоюзных и молодежных деятелей: а не превратится ли на этом пути ФРГ в государство сыщиков и доносчиков?

«ШПИГЕЛЬ», ФРГ

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ НА 500 ЛЕТ

Сотрудники Варшавского университета и метеорологического института в процессе обобщения данных о состоянии погоды за последние 200 лет пришли к выводу, что легче составить метеосводку на длительный период, чем на ближайшие сутки. Систематизация и анализ обширного материала позволили им создать математическую модель погодных условий на 500 лет вперед. Используемые алгоритмы основывались на данных температурных колебаний (периодичность этих колебаний составляет 11, 22, 90 и 220 лет) и на сводках о количестве выпавших осадков с интервалами в 11, 22, 75 и 230 лет. В обоих случаях учитывались и колебания солнечной активности. Сделанные прогнозы предсказывают самые холодные зимы в 2001, 2054, 2247 и 2492 годах для Западной Европы, а самые теплые — в 2151 и 2360 годах. Очень жаркое лето будет в 2027, 2138, 2218, 2308, 2398 и 2487 годах. Зимы с обильными снегопадами ожидаются в 1987, 2076, 2143, 2208, 2296, 2362 и в 2449 годах. Очень суровой будет осень 1987 года, а весна с затяжными холодами наступит в 1999 и 2000 годах.

«ШТАНДАР МЛОДЫХ»,
ПОЛЬША

ВИЗИТ ИЗ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

В голландском местечке Ваалс и его окрестностях хорошо знают врача Иохана Хоппена. Знают не только как хорошего специалиста, но и как последовательного поклонника стиля ретро. К пациентам доктор выезжает в бельгийском автомобиле «Линон де Дион-Бутон», год выпуска — 1898-й. Считают, что этот ветеран автомобилестроения относится к старейшим из дорожных средств, допущенных на шоссе мира в наши дни. Водитель следит и за тем, чтобы собственный облик соответствовал внешнему виду автомобиля: садясь за руль, он облачается в цилиндр и пальто с пелериной по моде прошлого века.

«ШТЕРН», ФРГ

Проблема городов- гигантов

Вне всякого сомнения, проблема перенаселенности городов возникла задолго до начала текущего столетия. Исследования, проведенные экспертами ООН, показали, что этот «дефект» современной цивилизации был характерен и для городов XIV века до нашей эры, а, возможно, и для более раннего периода. Из истории известно, что Эль-Хибе, первый город, население которого превысило 100 тысяч человек, превратился в настоящий ад для пешеходов. Позднее Ниневия и Вавилон намного превзошли Эль-Хибе как по числу жителей, так и по количеству всадников и повозок. В V веке до н. э. в мире существовали уже двенадцать городов с населением свыше 100 тысяч жителей, а три города (Паталипутра — на Ганге, Александрия — в Египте и Селевкия — на Тигре) имели по 500 тысяч жителей. В эпоху Юлия Цезаря Рим стал первым городом с населением в 1 миллион человек.

Эстафету у Рима переняли Константинополь и некоторые другие города. В IX веке пальма первенства по числу горожан принадлежала Багдаду и Каиру. В наши дни семь городов мира имеют население свыше 10 миллионов человек каждый: Нью-Йорк — 20 миллионов; Шанхай — 12,5; Сан-Пауло, Мехико, Лос-Анджелес и Лондон — по 12 миллионов жителей.

«ТАЙМ», США

Николай ЛЕОНОВ
ПОВЕСТЬ

НА ОБРЕЧЕН ПОБЕДУ

Гуров подождал частых гудков, положил трубку и подумал, что о счастье на долгие годы загадывать трудно, но скучать с Ритой он не будет никогда.

Рита упомянула о Вечном огне. Они решили, что в день свадьбы не поедут к памятникам войны. Процесии молодоженов, машины с ленточками, шарами и куклами, блаженные новости в белом, нескладные женихи в черном, хмельные свидетели, которые едут к памятникам погибших, не то что удивляли, возмутили Гурова. В это место можно прийти вдвоем, обязательно пешком, неторопливо и молча постоять в сторонке, глядя на участников Великой Истории, родственников и друзей погибших. Сюда грешно бежать от машины на ломающихся каблучках, спешно приводя в порядок глупо улыбающееся лицо. Время собирать камни и время разбрасывать камни.

Гуров прошелся по просторному номеру, сдернул с одной из постелей скользнувшее шелком покрывало. А когда я действительно отправлюсь домой? Когда задержат последнего преступника?

Лева никогда не мог определить своего отношения к сотрудникам угро, своим коллегам двадцатых годов. Были они так светлы и наивны, полагали, что борьба их — дело временное, профессия отмирающая? Или люди придумали сказку? Если и придумали, то это добрая сказка. Сказание о счастливых людях. Человек должен видеть свет в конце тоннеля. Не обязательно туда добраться, важно видеть; сознание, что зло не бесконечно, делает человека счастливым. Лева Гурову не увидит последнего преступника. Но он всегда будет задавать себе вопрос: что толкает человека на преступление? Всегда ли чистая выгода? Или, быть может, стремление выбиться из ряда? Хорошо, что клиенты не слышат старшего инспектора, его рассуждений, не то какой-нибудь дебил-уголовник смотрел бы на фомку, как на бинном Ньютона, а на разбитую голову ближнего, словно на Джоконду. Уголовники не знают ни о биноме, ни о Джоконде, они должны знать о старшем инспекторе.

Вот так, бутылкой, элементарно размозжили человеку голову. Случаются немотивированные преступления, но они, как правило, происходят на улице или в общественных местах. Удар камнем, бутылкой.

Гуров вспомнил, как лежал Лозянко, выставив заострившийся подбородок к потолку. Это преступление не спонтанное, не удар в состоянии аффекта. Тогда Астахов скорее всего отпадает. «А почему, собственно?» — остановил себя Гуров.

Начнем сначала. Каждое преступление глупое, грязное, но имеет свою схему или цвет, запах. Лева не мог подобрать подходящего определения. Не так. Каждое преступление, если его долго и тщательно изучать, начинается выдавать информацию о том, кто его совершил. Всем известен фоторобот, когда лицо разыскиваемого человека рисуют по показаниям свидетелей. Когда нет свидетелей-людей, на месте преступления остаются следы поступков человека, которые свидетельствуют о его характере. Орудие убийства, сила удара, уничтожение пальцевых отпечатков на выключателях и ручках дверей свидетель-

ствуют о том, что преступление совершил мужчина сильный и очень выдержанный. Он пробыл в квартире после убийства минимум две-три минуты. Это очень много.

Гуров, словно ученик, запутавшийся у доски с решением задачи, взял тряпку и стер свои записки начисто.

Выложить отдельно и пока не трогать. Первое. Почему вытерты все дверные ручки и все электровыключатели? Второе. Почему замок в двери был поставлен на предохранитель? Эксперт установил, что замок был поставлен на предохранитель недавно. Почему не протерты стаканы на столе? Казалось бы, ответ прост: преступник находился в квартире ограниченное время и ни один из стаканов в руки не брал. И помнил об этом. И при этом он не помнит, за какие ручки он хватался, включал или не включал свет. Почему он вытер все?

Круг замкнулся, Гуров вернулся к исходной позиции. Оставить эти вопросы в стороне.

Значит, мужчина. Сильный, собранный, спокойный. Мотив... Корысть? Мечь? Любовь? Лева очень хотелось отбросить корысть. Вроде бы ясно, что преступление совершено не из-за денег. Не было здесь денег и быть не могло. Но если убийство совершено на личной почве, то сильный, собранный и спокойный преступник обязательно бы толкнул следствие в сторону от истины. Выдернул бы ящик стола, скинул бы несколько книг, мол, искали здесь, граждане начальники, точно искали. Вы, граждане, ищите, что было взято, и с каждым шагом уходите все дальше от истины. Никакой инсценировки не было, снова замкнулся порочный круг.

Гуров убрал со стола грязную посуду, прошелся по номеру. Надо ложиться спать. Я допускаю какую-то ошибку в постановке вопросов, и поэтому они не имеют логических ответов.

Сейчас единственная ниточка — это Астахов. Чемпион мира и Вселенной, но его версию необходимо отработать. У Астахова проглядывает мотив и имеется «Волга». Проверить все это не составит труда. Завтра с утра и начнем, решил Гуров, укладываясь спать.

На следующий день после убийства Игоря Лозянко большинство легкоатлетов, тренеров и околоспортивной публики знали о случившемся. Игорь никогда не был сильным спортсменом, и тренер из него тоже не получился. Но обаятельного и общительного парня спортивная общность Города знала и относилась к нему, с одной стороны, несерьезно, а с другой — пожалуй, даже с этакой снисходительной любовью.

Почти у каждого человека есть страсть к расследованию. Работа милиции и прокуратуры привлекает к себе пристальное внимание и критикуется столь же безапелляционно и авторитетно, как и работа футбольных тренеров. Известно, любой болельщик знает все ошибки, допущенные тренерами его любимой команды. Также известно, что следственные работники способны заблудиться в трех соснах, подолгу разыскивая преступника не там, где следует, не так, как следует, о чем им может рассказать любой человек, их делом интересующийся.

Уже на первых тренировках, в десять утра, о трагических событиях минувшего вечера рассказывалось со всеми подробностями, причем последние становилось с каждым часом все больше, и каким-то непонятным, мистическим образом детали и фактики нацеливались на Павла Астахова.

Среди розыскников бытует пословица: он врет, как

очевидец. Вранью этому множество причин. Во-первых, очевидец, как правило, видит крайне мало. Например: стояла машина, из подъезда вышел мужчина. Уже в разговорах с милицией очевидец начинает допридумывать. Человеку неловко, что видел так мало. У машины появляется цвет, в ней появляются люди. Вышедший из подъезда мужчина приобретает возраст, особенности фигуры. В милиции очевидец еще сдержан, но когда он встречается с приятелями, рассказ его приобретает объем, красочность и событийный ряд, которым мог бы позавидовать Дюма-отец. Следующий этап — рождение новых очевидцев. Приятель-слушатели, пересказывая услышанное, поведают от первого лица. Зачем говорить, что я слышал, когда проще сказать: я видел.

Павел Астахов на тренировку не пришел. Он позвонил Краеву, сказал, что неважно себя чувствует, а в ответ на требование о немедленной встрече положил трубку.

Так и прошел этот день. В прокуратуре возбудили дело. В милиции собиралась и анализировалась информация. Спортсмены и тренеры все знали и пытались предугадать события. Слухи докатились до больших кабинетов. Многоопытные отцы Города от малчились, вздыхали, разводили руками и болезненно морщились. Наконец, по одному серьезному телефону позвонили Краеву и посоветовали срочно улететь в Москву и, естественно, не одному. С другого, не менее серьезного аппарата позвонили подполковнику Серову, напомнили о социалистической законности, не забыв прибавить, однако, что горячку пороть не следует. Никакое имя названо не было. Подполковник предвидел разворачивающиеся события за много ходов, еще ночью у квартиры Лозянко, знал, кто позвонит и что скажет. Все понимающий и честный подполковник не собирался прятаться за спину старшего оперуполномоченного МУРа, волею судеб оказавшегося в городе. Он просто выдвинул Гурова чуть вперед. Слишком много было в Городе людей, которые звали подполковника Серова на «ты» и по имени. Некоторых он любил и не мог, застегнув мундир на все пуговицы, отвечать на вопросы официально. И хотя Гуров был и моложе, и младше по званию, разговаривать с ним, человеком сторонним, могли только несколько человек: начальник управления, прокурор и следователь. А они не могут себе позволить сказать лишнее, даже исподволь оказать давление.

Преступника необходимо выявить, собрать доказательства и предъявить в прокуратуру. А уж какая у преступника окажется фамилия и биография, для милиции значения не имеет. Оценкой личности убийцы, поисками смягчающих вину обстоятельств пусть занимаются следствие и суд. И на многочисленные звонки Серов отвечал заученно:

— Делом занимается майор Гуров. У меня Город, я не могу лезть в каждое дело. Нет, я не считаю его особенным. К сожалению, порой убивают. Извини, старик. — И опускал трубку.

6. На второй день

На второй день Астахов на тренировку пришел. В раздевалке, как всегда, пахнувшей потом и сыростью, попримолкли, а потом, словно спохватившись, заговорили громче обычного.

Краев выглянул из тренерской и пробасил: — Паша? Спасибо, что заглянул, подь сюда на минуточку. — И дверь оставил открытой.

Когда Павел вошел, Краев, сидя за столом, кивнул на место напротив. Астахов не реагировал, стоял, спокойно смотрел на тренера. Краев потер поясницу и поднялся. Из-за полуприкрытой двери доносились голоса спортсменов. Краев и Астахов смотрели друг друга в глаза, молчали.

«Париж... Вена... Неужели ничего больше не будет?» — подумал Краев. — Глупость, преступная глупость».

— Вера позвонила, сказала, что ты поехал к нему. — Краев говорил медленно, голос его оттягивало в хрип. — Тебя найдут мгновенно.

— Я у него не был, — спокойно ответил Астахов. — Действительно поехал. Очухался, позвонил из автомата. Мать ответила, что Нина вышла к подруге. Я прокатился по городу и вернулся. Можете проверить.

— Найдутся люди, которые проверят... — Краев взял Астахова за кисть, нащупал пульс, щелкнул секундомером. — Эх, Павлик, Павлик...

— Для этих людей я весь вечер с Верой был дома, — сказал Астахов, — Вера подтвердит.

— Вера что угодно подтвердит.

— А вам никто не звонил. Вы знать ничего не знаете. Ясно? — Лицо Астахова набрякло гневом, жилы вздулись. — Я не позволю связывать имя Нины со смертью этого подонка.

— Иди. — Краев махнул на Астахова рукой. — Тренировка не по графику. Разминка, все остальное вполсилы.

Спортсмен вылетел, словно «облизнул» планку почти на шестиметровой высоте, казалось, на секунду застыл, затем начал падать. Выброшенный упругими матами, он взлетел навстречу побежденной планке и погрозил ей кулаком.

Вокруг футбольного поля по тартановой дорожке накручивала километры пятерка стайеров.

Под трибуной, поигрывая ядром, шел белокурый гигант и с добродушной улыбкой слушал еле послывавшую за ним и порой переходящую на бег миниатюрную девушку, которая что-то горячо объясняла ему и ударяла кулаком в его могучую грудь.

На трибуне сидел Гуров и наблюдал за происходящим. Он нашел взглядом Астахова, который с группой спортсменов направлялся в раздевалку.

Заслуженный мастер спорта... Чемпион СССР... Европы... Мира... Олимпийский игр... Майор, ты забрался на чужой стадион. Может, разговаривать здесь не следует? Пригласить в кабинет? Нет, разговаривать с Астаховым нужно здесь. У него дома. В кабинете он наденет маску, встанет в позицию. Вызывали? Я вас слушаю. Вы меня в чем-то подозреваете? Это интересно. Спрашивайте. В общем-то аналогичная ситуация может сложиться и здесь. Но на своем стадионе Астахов будет свободнее, невооруженным будет, более открытым. Надо его почувствовать, взглянуть на его естественные реакции. Какими они окажутся? Не стоит загадывать, надо говорить правду и выслушать ответ, а потом решать.

Гуров оглядел небольшой, уютный стадион. Все правильно, хорошо, что я пришел сюда, а не пригласил Павла к себе. Ему здесь вольготнее, но в психологическом плане встреча проходить будет на моем стадионе, а любитель никогда не может выиграть у профессионала.

Сергей Усольцев и Арнольд Гутлин приехали во время тренировки. Гутлин, проводивший дни в замкнутом мире лаборатории, обожал бывать на стадионе. И не обязательно на соревнованиях, даже интереснее вот так, в простой тренировочный день, когда никто не нервничает, можно взглянуть на чемпионов в их обыденном, рабочем состоянии. И кандидат наук уговорил кандидата в мастера поехать на тренировку. Усольцева, естественно, здесь знали, он тоже всех знал. Сергей разрешил приятелю заехать за ним. Не последним в их визите на стадион было желание взглянуть на Астахова, послушать, что говорят люди.

Сергей Усольцев в голубом «адидасовском» костюме — такие костюмы в Городе были еще только у Астахова и Краева, — довольно поглаживая себя по животу, здоровался, соблюдая субординацию. С Астаховым и Краевым за руку и поклон, улыбка почтительная, выжидающая. С мастерами, чемпионами области, как равный, похлопывая по плечу, улыбался чутьнисходительно. С остальными — только поклон, улыбка рассеянная, случайная.

Арнольд Гутлин держался на втором плане, смотрел на всех чуть виновато, был готов поддержать любой разговор, словно все время извинялся за непрошеное вторжение в чужой дом. И хотя бывал он здесь десятки раз, никак не мог привыкнуть, что стадион не лаборатория и на посторонних здесь смотрят без раздражения, привычно, в большинстве случаев просто их не замечая.

Сегодня Краев, а по его примеру и другие тренеры закрыли глаза на то, что большинство ребят работали с прохладцей. Все слишком взбудоражены, разговаривают либо неестественно громко, либо шепчутся, постоянно поглядывают на Астахова и неумело скрывают свое любопытство.

И только Павел Астахов сегодня такой, как всегда. Спокойный, доброжелательный, но дистанционно сдержанный. Он привык к интересу окружающих, который последние три года вызывал на стадионах мира. Любопытные взгляды сопровождали его повсюду, только не здесь: дома его любили — своего, родного. Он Паша, Павлик, шуточно: Чемпион, Сам, Лично...

Сегодня неожиданно произошло отторжение, он стал Павлом Астаховым, на которого смотрели с любопытством, стороне.

Павел ничего не замечал. Или делал вид, что не замечает?

Усольцев с Краевым, стоя на пороге тренерской, решали хозяйственные вопросы, касающиеся спортивного инвентаря. Гутлин топтался неподалеку. Когда через раздевалку в душевую прошел Астахов, Усольцев прервал разговор, взглянул вопросительно:

— Как он?

— Нормально. А что? — Краев чуть надвинулся, смотрел цепко.

Усольцев не отстранился, глаз не опустил, молчал. И Краев, хотя возрастом значительно старше и заслугами в спорте Сергею неровня, дуэль проиграл, отступил.

— Черт бы всех побрал! — пробурчал он. — Как в общей квартире... Бу-бу-бу... Людям делать нечего?

— В Городе убивают не каждый день, и Павел у нас один, — ответил Усольцев. — Не вызывали?

— А чего его вызывать?

— Вызовут, — уверенно сказал Усольцев. — Не смотри на меня волком. Я же не говорю, что Павел замаран. Но беседовать с ним будут обязательно.

— Ты мне пятьдесят комплектов даешь? — спросил Краев.

— Договорились.

— Спасибо. Будь здоров. — Краев ушел в тренерскую, дверь, правда, не закрыл, поостерегся.

Арнольд Гутлин шагнул к приятелю, тихо сказал: — Пойдем.

Усольцев поддернул рукав, бросил взгляд на часы.

— Рано, Арик, — сказал он, криво улыбнулся. — Лично для меня слишком рано. — И резко спросил: — Тебе ясно?

Гутлин приятельствовал с Усольцевым около трех лет, но не мог привыкнуть к неожиданным перепадам, которые происходили в его настроении и поведении. Порой Сергей был рассеян, меланхоличен, в движениях медлителен. Через полчаса становился раздражителен и груб. Проходило немного времени, и это был уже иной человек, общительный, располагающий к себе, широкий.

Сейчас Усольцев пребывал не в духе, изображал добродушие, но лицо его то и дело передергивало, словно у него болели голова либо зуб, и боль свою он тщательно от окружающих скрывал.

Гутлин на грубость приятеля, как обычно, не ответил, посмотрел на высокого мосластого парня, Сашу Перышкина, который развинченной походкой, пританцовывая, направлялся к ним.

— Здравствуй, Сергей Трофимович, — сказал он одновременно и заискивающе, и развязно. — Вы наша опора и надежда, руководитель и вдохновитель.

— Денег нет. — Усольцев улыбнулся, голос же у него был сух.

— Сразу деньги, — обиделся Перышкин и тут же плаксиво продолжал: — Сережа, на неделю, вот так надо. — И провел пальцем по горлу. — Полтинник.

— Думаешь, мне приятно отказывать? — Усольцев вздохнул. — Потому и злюсь, нет у меня, а тебе надо, я знаю. Извини, Саша. — И взглянул душевно, доверительно и лживо.

— Я знаю, вы всегда. — Перышкин понимающе кивнул, оглянувшись, увидел уже вышедшего из душа одевающегося Астахова и, пританцовывая, двинулся в его сторону.

— Сережа, у меня есть деньги, — тихо сказал Арнольд Гутлин, взглянул виновато.

— Это хорошо. Деньги жить не мешают, — криво усмехнулся Усольцев, наблюдая за Перышкиным, который пританцовывал вокруг Астахова, но заговорить не решился.

— Так дай человеку, раз так нужно ему. — Гутлин вынул из кармана бумажник.

— Ты дурак, братец! — Усольцев взял бумажник, сунул его в карман Гутлину. — У меня тоже есть деньги. Давай сложим в одну кучку и подождем.

Астахов причислялся перед зеркалом, привинченным на внутренней стороне дверцы шкафчика. Он выслушал невнятное бормотание Перышкина, вывел безукоризненный пробор, над висками зачесал волосы назад.

— Перышкин, тебе сколько лет? — Астахов убрал расческу, оглядел Перышкина, ответа явно не ждал.

— Двадцать четыре, так ведь? — Астахов взял из шкафчика куртку, надел, опустил руку в карман. — Почему ты все время подбираешься? Ты же мужик.

Астахов протянул Перышкину деньги, хлопнул по плечу, громко сказал:

— Всем привет и хорошего аппетита! — И пошел к выходу.

Перышкин сунул деньги в карман и, пародируя походку Астахова, прошелся до двери.

— Клоун и дерьмо! — громко сказал кто-то.

Перышкин даже головы не повернул, погладив карман, в котором лежали деньги, с надменной и брезгливой улыбкой подошел к Усольцеву и Гутлину.

— Видали? Чемпион! А вы, Сережа, человек! Есть? Есть! Нет так нет.

— Мужчина должен протягивать руку, а не палец, — назидательно сказал Усольцев.

— Вот! А ему унизить обязательно! Так бы и швырнул ему в лицо эти деньги!

Неожиданно Арнольд Гутлин выдвинулся из-за плеча Усольцева и сказал:

— А вы догоните и швырните! — Он покраснел, тряхнул головой, очки скользнули на кончик носа. И как у большинства стеснительных людей, вид у него был не воинственный, а смешной.

— И швырну, академик! — Перышкин двинулся к выходу. — Когда будут!

— Сергей! — Арнольд все еще пребывал во взвинченном состоянии. — Почему ты разрешаешь каждому... каждому, — он снял очки, глаза стали детскими, беспомощными, — проходить... — Махнул рукой, запал кончился.

— Арнольд, святая ты простота. — Усольцев обнял его за плечи. — Павел Астахов в нашей защите не нуждается. Он сам для себя и бог, и царь, и герой!

Гуров с Астаховым познакомились и шли между рядами пустых трибун. Когда они оказались рядом, то обнаружили некоторое сходство и определенные различия. Оба высокие и стройные, русоволосые, голубоглазые. Астахов в движениях свободнее, пластичнее. Гуров походил на строевого офицера в штатском, застегнутый пиджак и рубашка с галстуком лишь подчеркивали это. У Гурова черты тоньше, интеллигентнее, у Астахова проще, мужественнее.

Астахов бросил спортивную сумку под ноги, на правах хозяина жестом пригласил садиться, сам сел на зеленую, шершавую от облупившейся краски скамью и заложил ногу на ногу так, как нормальный человек не может. Было видно, что это не поза, человек сел, как ему удобно. Гуров тоже сел, спинкой на скамейках стадиона не прибавают, откинуться нельзя, пришлось опереться ладонями о колено, в общем, неудобно было.

— Слышал, — сказал Астахов. — Все говорят. Я его знал, ссорился с ним. Человек он... — Павел поморщился. — Не любил покойника, вам лучше побеседовать с кем-нибудь другим.

Они сидели в пятом ряду, напротив сектора прыжков, где тренировались девушки. Они не обращали на Астахова и незнакомца внимания и делали это неловко до смешного. Лишь Вера Темина не скрывала своей заинтересованности и казалась естественнее подруг.

— Паша, ты за билет не платил, поднимись выше! — крикнул тренер.

— У меня проездной! — ответил Астахов.

Лицо у него засветилось, на щеке появилась ницкемая ямочка, которая вернула Павлу его несерьезный возраст. А Гурову эта предательская ямочка дала возможность сравнить Астахова естественного и того скованного, что сидел рядом.

— Позавчера вечером в аэропорту между вами произошел инцидент. — Гуров взглянул вопросительно.

Ямочка на щеке Астахова пропала, профиль забронзовел. Несколько секунд спортсмен молча изучал сыщика, затем презрительно усмехнулся, не понимая, что поведением своим объявляет войну и в начинающемся поединке он обречен на поражение.

— Произошел. — Астахов привстал и помахал кому-то рукой.

Гуров проследил взглядом. Махать Астахову было совершенно некому. Инспектор вздохнул и приготовился выслушивать ложь. Обаяние Астахова действовало и на Гурова, он принял иное решение, противоположное тому, что принес на стадион.

— Произошел, — повторил Астахов. — Как я уже говорил, я его не любил. Что еще? Где я был после аэропорта? Я весь вечер...

— Тс-с! — Гуров приложил палец к губам.

Астахов от неожиданности вздрогнул, даже отстранился.

В подобной ситуации мы разрешаем человеку навратиться досыта. Затем разоблачаем его ложь и, используя старинный прием, выводим формулу: безвинный враг не будет. Я не хочу с вами играть. У его подвезда на мазуте имеется четкий отпечаток протектора «Волги». Сделаны снимки и слепок. Я сказал правду, даю честное слово.

Гуров достал сигареты, вытащил одну, стал разминать. Возникшая пауза выдала Астахова, не осознав ситуации, он рассмеялся.

— Я езжу по городу...

Чемпионы привыкают к победам, только к победам, в своем стремлении вперед, вперед и не иначе они глупеют, подумал Гуров, решил дать Астахову еще один шанс и перебил:

— Павел. — Он указал на стадион. — Я могу обогнать вас на этой дорожке?

— Вряд ли!

Гуров смотрел на него с грустью.

— Сейчас мы с вами соревнуемся на моей дорожке. Вы понимаете? На моей! Я не чемпион. Но я профессионал. — Гуров помолчал. — Машина не проезжала, она стояла.

Астахов путался в мыслях, пытался быстро найти слово, не понимая, что никакой ответ, кроме правды, спасти его не может. Оперативник все понял, а следователю прокуратуры и суду нужны не слова, а доказательства. Павел Астахов этого не знал, пытался выплыть.

Видимо, не только дельфины способны посылать друг другу не слышимый человеческому уху сигнал тревоги.

— Паша!

Вера Темина легко перемахнула через барьерчик и, стуча шиповками по бетонным ступенькам, поднялась по проходу.

Существует биополе или нет, Гуров не знал, но когда он посмотрел в глаза подбежавшей девушке, ему в лицо пахнуло жаром, словно он заглянул в раскаленную печь. Он попытался беспечно улыбнуться, но виновато отвел взгляд, и улыбка не получилась.

Вера тоже была мастером спорта, шумно выдохнув, она опустила плечи, расслабилась и почти нормальным голосом сказала:

— Ты меня подождешь? Я мигом.
Астахов решил, что вынырнул, и беспечно сказал:
— Ты чего не здороваешься? Товарищ из газеты...
— Да?— Вера засмеялась, одернула мокрую майку.— Очень приятно. Здравствуй. А я подумала...— Она запнулась.

Чувство опасности пропало. Павлик в защите не нуждался, и девушка застенялась своего никчемного порыва и вот стоит перед двумя прилично одетыми мужчинами потная и грязная.

Гуров встал, поклонился.
— Гуров, Лев Иванович.— Он посмотрел на Веру, затем на Астахова.

— Вера.— Девушка смутилась, махнула рукой, спускаясь, крикнула.— Я сейчас!

Астахов был уже в броне и, опустив забрало, смотрел на противника насмешливо.

— Какая-то «Волга» когда-то стояла у дома, в котором убили человека. У Астахова «Волга», и он ссорился с убитым. Так?

— Возможно.

Гуров начал раздражаться, симпатия к сильному, обаятельному парню исчезла. Сотрудник уголовного розыска взглянул на подозреваемого.

— И вас, конечно, интересует, где находился Павел Астахов в момент убийства?— Чемпион победно двинулся, как ему казалось, по широкой, хорошо освещенной дороге. На самом деле рванул он ночью по тайге.

— Интересует.— Гуров услужливо подтолкнул его в чащобу.

— Что мне вам сказать?— В голосе Астахова звучала неприкрытая насмешка.

— А вы попробуйте правду.— безнадёжно ответил Гуров.

— Я весь вечер находился у себя дома. У меня в гостях была Вера Тейна. Это, кажется, называется алиби?

Мальчик, хотел сказать Гуров. Алиби— установленный факт, что человек в момент совершения преступления находился в другом месте. А твои слова— голословное заявление. Ради тебя Вера Тейна подтвердит, что вы вместе находились на Луне. И ничего нет гиттельнее фальшивого алиби, на нем изобличили столько преступников, что, усади их на этой трибуне, мест не хватит. Куда ты лезешь, неразумный. Хотя бы спросил, какое время меня интересует. Почему вечер? Почему не могли убить ночью?

Гуров колебался: может, повернуть назад, поговорить доверительно, как человек с человеком?

Астахов решил иначе.
— Вызвать Павла Астахова официально вы не решились, явились сами, благодарен.— Он шутовски поклонился.— Было приятно познакомиться.

Гуров тоже поднялся, потер затекшую поясницу. Зря ты это сказал, парень, совсем напрасно сказал. Ну, а на войне как на войне!

— След правого переднего колеса, оставленный у дома Лозянко, очень характерен. Проведут сравнительную экспертизу.

— Я по возвращении из аэропорта из дома не выходил.— перебил Астахов.— Прошу прощения, тороплюсь.

— Интересно.— Гуров вышел на беговую дорожку.— Дело ведет прокуратура Города, вас пригласят...

Идущий впереди Астахов неожиданно остановился, Гуров чуть не налетел на него. Они оказались лицом к лицу.

— Послушайте!— Астахов передохнул, уже спокойно продолжал.— Я вам не советую связываться с Павлом Астаховым. Очень не советую. Я выдерживал психологический прессинг, какой вам не снился! Понятно?— И от вкрадчивости тона слова приобрели особую значимость.

Гуров даже чуть отстранился. Астахов повернулся и шагнул к выходу.

— Непонятно.— тоже тихо ответил Гуров.

— Что вам непонятно?— Астахов смотрел через плечо.

Непонятно, зачем вам нужно выдерживать психологический прессинг? Невинный прессинга просто не ощущает, ему не надо ничего выдерживать.— Гуров говорил тихо, чуть ли не бормотал.— Это я так, как говорит классик: информация к размышлению.

Они расстались без симпатии и рукопожатий. Астахов ушел в раздевалку, Гуров оглядел опустевший стадион. Лишь прыгун с шестом и его тренер занимались в секторе.

Гуров смотрел через футбольное поле в их сторону. Пустой стадион— подходящее место для размышлений. Успокоиться, ничего не произошло. Оперативный уполномоченный. Раз уполномоченный, для тебя все люди равны. Не попадай под обаяние личности, но и не озлобляйся, будь выше, мудрее. Твоя последняя фраза— мелкая месть, желание наподдать напоследок, чтобы человек ходил и у него это место ныло.

Гуров споткнулся раз, затем второй, стал внимательно смотреть под ноги. Футбольное поле— ровный

зеленый газон. Издалека, с трибун или по телевизору. А идти по нему, так ноги сломаешь. Вот и жизнь человека, если на нее с трибуны смотреть, простая и ясная. Здесь человек правильно поступил, там— неправильно, вчера он правду говорил, сегодня лжет. А ты пройдишь, уполномоченный, по этому ровному постриженному газону, а потом уж рассуждай, насмехайся над людьми, которые на нем ошибаются, падают, еле ноги таскают.

Павел Астахов лжет. Факт юридически не доказанный, но очевидный. Для лжи, кроме вины, есть еще множество неизвестных тебе, сыщик, причин. Но ты не сдвинешься с места, если Астахов не расскажет правду. Уговорить ты его не сумел, пусть попробуют в прокуратуре. Официальный допрос не беседа на свежем воздухе, существует статья за дачу заведомо ложных показаний, наказание предусмотрено. Может, Астахов под протокол по-другому заговорит? Тем более, что ты подбросил ему информацию к размышлению. Ты хоть сам с собой-то в прятки не играй. Астахов не испугается, показаний не изменит, гордыня не разрешит. Он будет переть, как танк... Нет, как паровоз, ведь танк способен повернуть. Его надо снять с этих рельсов, желательнее снять здоровым, не дать ему себя изувечить. Это если он не убивал.

Гуров уже почти дошел до конца футбольного поля, вновь споткнулся, даже коснулся рукой земли, почему-то начал оглядываться, будто искал, кто же ему подставил ножку. Он увидел пустые трибуны, окольцовывающие стадион, и почувствовал себя маленьким и одиноким. Отряхнул брюки, поплевал на грязную ладонь.

А что ты, собственно, здесь делаешь, Гуров? О чем у тебя голова болит? У тебя в Москве район, группа, нераскрытые дела. Ты не мальчик, майор. Заканчивай, закругляйся, доложи свою точку зрения об Астахове. Врет чемпион точно, виноват не виноват, выясняйте. Начните с экспертизы колес его «Волги».

Шестовик уже закончил тренироваться, сидел на скамейке, широко расставил ноги, положив руки на колени так, что кисти свисали, плечи чуть вперед опущены. Гуров давно обратил внимание: так сидят только спортсмены, поза получается устойчивая и расслабленная. Тренер, коротконогий и пузатенький, чем-то напоминающий эстрадного конференсье, расхаживал перед учеником, азартно жестикулировал, поднимал ручки и ножки, видимо, объяснял, как бы он сам прыгнул, если бы ему разрешили.

Гуров задрал голову, посмотрел на планку. Она висела в небе, казалось, на уровне верхних рядов трибун. Невозможно забросить себя на такую высоту. Длинная палка— Гуров знал, что она называется шест.— вытянулась на траве, видимо, тоже отдыхала. Интересно, на какую высоту можешь прыгнуть ты, инспектор? Сумеешь ли поднять шест? Гуров попробовать не стал, вновь взглянул на планку, на футбольное поле, где предательские кочки и скрытые выбоинки подкарауливали, ждали неосторожного шага. Снизу все это выглядит совсем иначе, на трибуне уютнее и проще.

Выйдя со стадиона, Гуров позвонил в управление. Боря Ткаченко ответил сразу. Услышав новое задание, примолк. Гуров слышал его сосредоточенное сопение.

— Доложить подполковнику?— наконец спросил он.

— Я это сделаю сам.— ответил Гуров.— Когда сочту нужным.

— Вам, товарищ майор, хорошо, вы улетите, а я останусь.

— Испугался? Иди к подполковнику, скажи, что ты уходишь из моей группы.

— Нет, нет!

Гуров, не ожидая продолжения, повесил трубку. Он не сомневался, что Боря выполнит задание.

Любая касса человека пригибает, надо просительно заглядывать в окошечко, неестественно громко говорить, так как всегда плохо слышно, ты находишься полностью во власти застекленной девушки, которая может многое: сказать «нет», не вдаваясь в подробности, начать говорить по телефону или считать выручку, наконец, просто уйти в таинственную глубину, обронив, что кассирша— тоже человек, или не обронив ничего.

Астахов стоял в очереди в городских кассах Аэрофлота. Дождавшись, когда человек, топтавшийся впереди, суетливо соскревет сдачу, Астахов протянул в окошечко паспорт и деньги.

— Один до Киева.

— На какое число?

— На вчера.

— Я на работе, молодой человек.

— Девушка, милая.— Астахов попытался заглянуть в окошечко.— Очень нужно, на ближайший рейс.

Милая девушка скупо улыбнулась, открыла паспорт, взглянула на Астахова, снова посмотрела в паспорт, пробормотала:

— Это надо же...

В кабинете подполковника Серова, кроме Гурова, находился следователь прокуратуры. Не старый знакомый, который работал с ними по разбоям и выезжал позавчера на место преступления, а молодой, лет двадцати пяти. Леонидов Илья Ильич. Он окончил юрфак университета и уже три года работал следователем прокуратуры. Прокурорская форма на Леонидове сидела идеально, тонкой, изящной фигурой своей походил он на юнкера, какого мы порой видим в кино, если события в картине происходят до семидесятого года.

Гуров смотрел на следователя без должной почтительности и симпатии, полагая, что, поручая ему расследование, прокурор не обольщался в отношении его знаний и опыта. Леонидов молод, видимо, горист и тщеславен, будет не только строго блюсти закон, начнет цепляться за каждую его букву так, словно все остальные только и ищут повода, чтобы этот закон нарушить.

В своих оценках людей Гуров ошибался не раз, но, к сожалению, сегодня оказался прав.

Лева рассказал о беседе с Астаховым и подвел итог:

— Полагаю, надо проводить сравнительную экспертизу.

Леонидов встал, без надобности одернул мундир, вынул из своей папки несколько подколотых листов, положил на стол подполковнику и произнес речь:

— Борис Петрович, я вас безмерно уважаю, вы один из старейших работников нашей милиции. Однако существует закон, по которому органы милиции подчиняются органам прокуратуры, следствие поручено мне, и я...

Тут Леонидов сбился, вновь одернул мундир, прошелся по кабинету, старательно не обращая внимания на Гурова.

— Прошу меня понять правильно. Мы не можем на основании субъективных впечатлений одного из сотрудников милиции начинать творить беззаконие. Почему Астахов? Он и убитый ухаживали за одной девушкой? Таких треугольников в городе тысячи. Так и лежали бы тысячи трупов.

Серов речь не слушал, размышлял о дружбе и о том, что за человек прокурор Толя Макаров. Он что, всегда был неумом или на старости лет совсем с ума сбрендил? Философствования его прервал вкрадчивый голос Гурова:

— Астахов у вас один?

— Один.— Леонидов растерянно взглянул на Серова, к Гурову не повернулся.

— И труп один.

— Демагогия!

— Безусловно. А насчет тысячи треугольников не демагогия? Какую валюту дают, такой и сдачу отсчитывают.

Еще подерутся в кабинете, вот смеху-то будет. Майор этого мальчика, конечно, побьет, подумал Серов и быстро сказал:

— Илья Ильич, как я понимаю, это ваши предложения по расследованию.— Он взял листочки, которые положил на стол следователь.— Давайте обсудим.

— Не предложения, а поручения прокуратуры. В пятнадцать часов начинаю допрос свидетелей. Список я вам составил, обеспечьте явку людей. Пока я не допрошу Астахова и не дам соответствующего поручения, убедительно прошу,— подчеркнутая значительность своих слов, следователь сделал паузу,— никаких экспертиз не проводить. Честь имею.

Леонидов кивнул и вышел, дверь за собой почему-то не закрыл. Это сделал Гуров, затем подошел к окну, стал смотреть на безлюдный переулок под окнами кабинета. Мавр сделал свое дело, дал большую зацепку, есть над чем работать, пора, мой друг, пора. С этим следователем работать не буду. Турилина здесь нет, приказать никто не может. Приняв решение, Гуров повернулся лицом к Серову, присел на подоконник, начал подыскивать подходящие слова, достаточно решительные, но не обидные.

Может сбежать, понял Серов, снял телефонную трубку, набрал номер прокурора, своего давнишнего приятеля.

— Прокуратура?— сказал Серов, услышав знакомый голос.— Советник юстиции первого класса, прокурор Макаров Анатолий Иванович? Я не ошибся?

— Ладно, ладно.— пробурчал прокурор.— Зять он, понимаешь? Зять.

— Чей он зять?

— Фамилию не расслышал? Леонидова.

— Так ежели он зять, так он должен иметь другую фамилию.— удивился Серов.

— А он, вступив в брак, взял фамилию супруги, точнее, тещи.

— И что? Так тестя тебя попросил, и ты по слабости характера?..

— И из дипломатических соображений.— перебил прокурор.

— А тестя не любит зятя, хочет, чтобы тот на этом деле шею себе сломал?

— Сначала мы с тобой все поломаем. Тебе-то что? Работай.

— А он мне не дает работать. Шутки кончились,

уважаемый Анатолий Иванович. Вы меня сколько лет знаете?

— Слушай, Боря, не дави на мозоль. Не могу я из-за такой мелочи конфликтовать. Начнут другого прокурора, тебе жить станет легче?

— Для тебя, может, и мелочь. В общем, так, ты меня знаешь, я шутить умею, но могу и серьезно. Как раз тот случай. Это не ультиматум милиции прокуратуре, а мой ультиматум тебе — Толе Макарову. Для пользы дела и ради нашей дружбы смени следователя. Целуй Шурочку. — И положил трубку.

Серов подрезал Гурову крылья, улететь теперь он не мог. Молчали долго, первым не выдержал Лева: — Ну и глупо. Извините, по-мальчишески вы разговаривали.

Серов неопределенно хмыкнул, почесал за ухом и действительно мальчишеским, высоким голосом сказал:

— Знаешь, надо иногда. Это неплохо — рубануть сплеча. А то мы с возрастом такие великомудрые становимся, все понимаем, в любое положение войти можем, а оправдать так вообще любого способны. Мы порой такие гладкие, что на нас поскользнуться можно. Я о разговоре не жалею. — Он хлопнул по телефону короткопалой ладонью. — Зачем мне друг, если я ему правду сказать не могу?

— А чей он зять, если не секрет? — спросил Гуров.

— Секрет. Наш дом, наши дела. — сухо ответил Серов и сменил тему. — Надеюсь, вы действительно не сообщили Астахову, что след протектора имеется?

— Сообщил. Если есть возможность, я всегда говорю правду.

Серов взглянул заинтересованно.

— А если он, пока мы взаимоотношения выясняем, колеса заменит?

Гуров ответить не успел, раздался телефонный звонок. Подполковник снял трубку.

— Серов.

— Борис Петрович, он сегодня вечером улетает в Киев. — произнес мужской голос.

— Спасибо. Кто говорит?

В ответ подполковник услышал частые гудки.

7. Следователь Леонидов и свидетели

Какие свидетели? Свидетели чего? Убийства никто не видел. А если такой человек и существовал, милиции он известен не был. В прокуратуру приглашали людей, которые хорошо знали Игоря Лозьянку. Делали это не официально, а как-то по-домашнему, по телефону. Разговор происходил примерно так:

— Здравствуйте. Из милиции беспокоят. Вы как сегодня после обеда, не заняты? Вас просят в прокуратуру. Проспект Ленина, десять. Знаете? И прекрасно. Шестой кабинет, следователь Леонидов. Или:

— Нет дома? А с кем я говорю? Сосед? Передайте, пожалуйста...

Или:

— Сегодня сложно? Тогда, пожалуйста, завтра утром.

Один раз:

— Можно и по протоколу, повестку завезем. Если вы уж совсем заняты, мы за вами на работу на машине заедем.

Тем, у кого не было телефона, участковые инспектора отделений милиции в течение получаса разнесли повестки. Свидетелей, если их можно назвать таковыми, не торопили, так как Леонидов, демонстрируя свое служебное рвение, представил список на тридцать с лишним человек. А очередность вызова указать не сообразил. В милиции рассудили, что если первый человек придет к Леонидову в пятнадцать часов и допрос каждого займет хотя бы тридцать минут, что равносильно галопу по пересеченной местности, то до двадцати двух часов, если Леонидов собирается работать до этого времени, ему нужно обеспечить четырнадцать человек. Такое количество набиралось легко, без нажима.

Серов полагал, что желание допросить всех лично было со стороны Леонидова, мягко выражаясь, глупостью. А возможно, и служебным проступком. Почему? Очень просто. При такой организации работы у кабинета будут одновременно находиться несколько человек. Все или большинство друг друга знают. Создастся обстановка, какую можно наблюдать у кабинета профессора во время сдачи экзаменов. Обмен информацией, как действительной, так и придуманной. Каждого выходящего хватают, расспрашивают, узнают вопросы, ответы.

— Дурак он и прощелыга. — подвел черту Серов. — Если не значительно хуже. Нужно было все это поручить милиции, а в прокуратуру доставить лишь тех, чьи показания действительно являются свидетельскими либо вызывают подозрения неискренности, недоговоренности.

Гуров пожал плечами, кивнул, соглашаясь.

Леонидов рассудил иначе, за что и превратится в Сизифа, будет катить ненужный камень до самого

верха, а когда тот скатится под гору, начинать все сызнова.

А тем, кому было что сказать или скрыть, в кабинет Леонидова не торопились.

Вера Темина и Игорь Белан встретились на углу Пионерской и Комсомольской, в скверике.

Павел Астахов, дождавись Веру после тренировки, вынужден был объяснить ей, что за «корреспондент» познакомился с ней на трибунах. Девушка взглянула на Павла наивно и сказала:

— Я тебя не понимаю, Паша, ты в тот вечер из дома не выходил. Я ушла от тебя после двенадцати, благо живу через дом, ты проводил меня до подъезда. Так о чем разговор?

Павел попытался найти в глазах девушки насмешку, напряжение, обещание, хоть что-нибудь, но не нашел ничего. Святые, прозрачные глаза, с какими говорят только поэты. Почему-то Павлу стало обидно, хотелось увидеть понимание, сочувствие, услышать: мол, мы вместе, ты можешь на меня положиться... Лгать, как лжет женщина, мужчина не научится никогда. Возможно, это происходит оттого, что, встав на путь обмана, мужчина говорит неправду каждый раз, как касаются запретной темы. При многократном повторении неправды мужчина в конце концов ошибается либо терпение его кончается, а бывает, и совесть проснется. В жизни всякое случается, и совесть обнаруживается в таком месте, где найти ее никто не ожидал. Женщины решают проблему значительно проще. Решив солгать, они лгут лишь один раз — себе. Тысячу раз можно задать женщине коварный вопрос, и тысячу раз она ответит святую правду. Это ее правда, а то, что она к истине не имеет никакого отношения, пусть заботит мужчин. Они придумали логику, систему доказательств, вот пусть и разбираются в собственных изобретениях.

Итак, Астахов узнал, что не ездил он в тот вечер никуда. В святых, прозрачных глазах Веры увидел одну только правду, смутился, чмокнул девушку в щеку и заторопился по своим делам, которых набралось предостаточно. Начал он с касс Аэрофлота.

Некоторые мужчины, когда им становится себя жалко, пьют водку. Вера зашла в кафе, взяла стакан какао и булочку. Запретный плод сладок. Краев далеко, да он теперь неопасен, так как превратился в сообщника.

Так начала сколачиваться дружина по защите Павла Астахова. Именно этих людей следователь Леонидов скопом собирался вызвать к себе в кабинет. Интересно, что он хотел услышать?

Значит, Вера Темина и Игорь Белан встретились в скверике. Игорю было чуть за тридцать, но виски его густо серебрились. Некрасив, губошлепист и грустен. Он давно и безнадежно любил Веру. Она об этом знала и в трудную минуту вызвала его на свидание.

Белан работал на телевидении оператором и, как большинство кинооператоров, мечтал стать режиссером. Он уже снял и заканчивал монтировать свой первый документальный фильм под незатейливым названием «Обречен на победу». Героя фильма не называем, он известен.

Сквер как сквер. Трава, кусты, деревья, покрытые испарениями города, еще живы. Дети, коляски. Молодые мамы. Бабушки. Пенсионеры. Домино. Конечно, собаки. Днем влюбленные сюда не заглядывают, и Вера с Игорем вызывали определенное любопытство аборигенов. У Белана через плечо висел кофр с аппаратурой, фотоаппарат с мощным объективом болтался на груди.

— Они с ума посходили! — шепотом кричала Вера. — Это же Паша! Астахов!

Игорь, смотревший под ноги, поднял голову, увидел интересный кадр и, словно охотник ружье, вскинул фотоаппарат.

— Я тебя убью! — Вера ударила его по руке, и фотовыстрел ушел в небо. — У тебя есть все! Покажи им! Они увидят и поймут!

Игорь опустил аппарат, посмотрел на Веру, сказал:

— Когда-то ты была гордой.

— Ты меня любишь? Ты мне всегда нравился, Игорь. Пойдем к тебе... Договорим. — Вера смотрела распахнуто.

— Плевать в лицо нехорошо. Стыдно. — Он повернулся и пошел из сквера.

В Кривоколенном переулке, который, извиваясь, спускается к реке, домишки чуть не по окну вросли в землю. И правильно сделали, иначе непременно по такой крутизне скувырнулись бы в речку и поплыли бы караваном, оглядывая высокие берега подслеповатыми окнами.

Рисунки Владимира РОДИНА

Чуть ли не облокачиваясь на карниз одного из местных домиков, курчавый богатырь бережно похлопал Астахова по плечу.

— Паша, мы за тебя их всех закопаем, землю перепашем, для верняка поверх заасфальтируем.

Астахов хотел что-то сказать, промолчал, отдал ключи стоявшей рядом «Волги».

Богатырь присвистнул слегка, в четверть силы, и увиделась степь и стелющиеся косматые лошади. Упала калитка забора соседнего дома, выкатился оседланный русоголовым парнишкой мотоцикл.

— Давай. — Богатырь погладил Павла по спине, осторожно подтолкнул, и тот оказался в седле позади ездового. — Через час телега будет стоять на Цветном у ларька Евдохи. Ключи у него.

Астахов надвинул на глаза протянутый ему шлем, и пыль за мотоциклом шлейфом дернулась следом вверх по Кривоколенному, осела, через секунду и звук исчез.

Тихо, лишь где-то внизу волна шлепает. Богатырь оглядел владения, открыл незапертый сарай, вынес два колеса, держа их перед собой, как большие черные баранки. Поддомкратив машину, он начал ловко менять передние колеса.

Нина Маевская собирала чемодан. Точнее, она должна была собирать чемодан. А в действительности он лежал на тахте, разинув беззубый рот, а Нина швыряла в его направлении кофточки, брюки и другие предметы своего туалета. Нина не отличалась меткостью, чемодану пока ничего не досталось.

Астахов сидел за столом, пил чай, заставлял себя не думать ни о чем, рвал появляющиеся мысли, словно серпантин. Сначала он пытался вспомнить прошлое. Наваливавшийся упругий тартан, поднимающиеся флаги, любезных дипломатов, улыбающихся руководителей, протянутые руки любителей автографов. Стоило на чем-то остановиться, как сюжет прерывался опрокинутым лицом Игоря Лозьянку, его головой в расплывшемся черном пятне либо пытливым взглядом иронического улыбающегося сыщика.

Павел хватал из памяти пригоршнями и торопливо разбрасывал, чтобы схватить снова нечто другое, лишь бы не замкнулось кольцо. Выдержать, ты обязан выстоять, ты мужик! Заставлять себя принуждать к подчинению — для него дело привычное, на этом фундаменте стоят и стоять будут все чемпионы.

Нина походила на взбесившуюся кошку, не на домашнюю Мурку и не на пантеру, а так, на что-то среднее, типа рыси. Швыряя в сторону терпеливого чемодана ненужные вещи, она кричала:

— Я тебе подчинилась и пропустила две тренировки! Почему я должна улетать? Почему? Я была у подружки, она подтвердит!

— Такое алиби у меня тоже есть! — сказал Астахов спокойно. — Я видел этого розысника. Он прав.

Нина сопротивлялась по инерции, внутренне она смирилась, терять Павла в общем-то из-за ерунды не имело смысла. Ну, хочет он отослать ее в Киев, ну и бог с ним. Слетаем.

— Не виновата я ни в чем...

— И я не виноват! — вновь перебил Астахов. — Из тебя душу вынут и повесят на веревочке. На обозрение всего города.

Нина положила руку на грудь, словно проверяя, на месте ли еще душа.

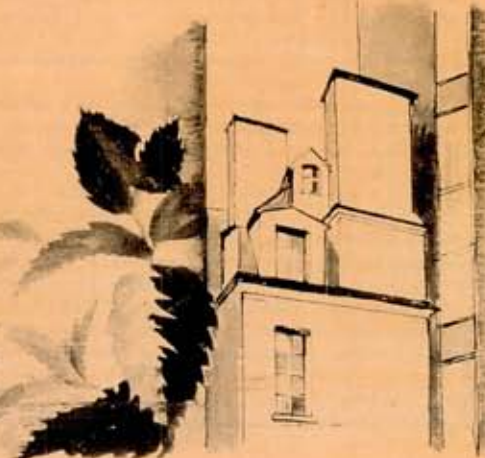
— Я никогда не выйду за тебя замуж! Ты слышишь? Никогда!

— Билет. Деньги. Мой друг тебя встретит. — Астахов положил на стол билет, деньги, записку. — Самолет утром, ты уйдешь из дома сейчас...

— Ты выиграешь все Олимпийские игры! Все первенства мира! У тебя будет все! А меня не будет! Я тебя ненавижу!

— Не повторяйся. — Астахов поднялся, подошел к тахте. — Давай я помогу тебе собраться. Так много тебе не нужно. Отберем только необходимое.

Он укладывал вещи в дождавшийся своего чемодан — укладывал умело, ловко, заботливо.

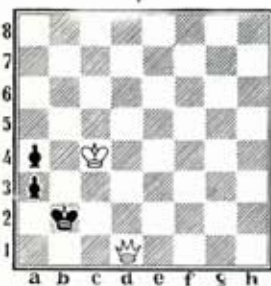
28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПРЕВРАЩЕНИЕ ФЕРЗЯ

На заре шахмат ферзь был одной из самых неприметных фигур — ходил как слон на соседнее по диагонали поле. Неприятельские ферзи никогда не встречались в единоборстве — они двигались по полям разного цвета. В наказание за многовековую бездельность в современных шахматах ферзь работает за двоих — за ладью и слона. Несомненно, это самая сильная и маневренная фигура на шахматной доске. Ферзь один, без поддержки других фигур, способен отнять у неприятельского короля четыре поля. Не приходится удивляться тому, что в задачах-миниатюрах ферзь очень часто на главных ролях.

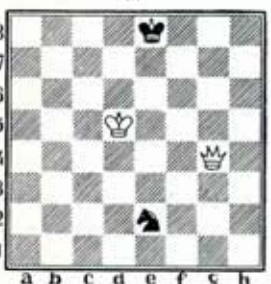
Третий тур

Белые: Крc4, Фd1 (2)
Черные: Кrb2, пп. a3, a4 (3)
Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Крc4, Фg4 (2)
Черные: Кра4, Сс1, пп. c3, c6 (4)
Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Крд5, Фg4 (2)
Черные: Кре6, Ке2 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 3-й тур». В первых двух заданиях достаточно указать два первых хода, в третьем — все ходы решения.

Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) — 1 апреля.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Первое задание

По многочисленным просьбам читателей «Смена» возобновляет конкурс кроссвордистов. В этом году мы предложим вам только два задания, но зато на выполнение их дадим достаточно времени, чтобы каждый участник мог поработать основательно, без спешки.

Итак, задание первое. Сетку, которая перед вами, надо заполнить словами на тему «Художественная литература». В кроссворд можно включать любые литературоведческие слова; имена и фамилии литераторов всех времен и народов, города и селения, где они родились либо творили; названия произведений, а также географические названия, упоминаемые в них; предметы и понятия с большим смысловым значением (как, например, дуб в романе Л.Толстого «Война и мир»); героев и персонажей произведений, их национальность, специальности и т. д. Словом, все, что связано с художественной литературой.

При этом надо постараться загадать в кроссворде как можно больше слов, относящихся к творчеству и жизни М.Ю.Лермонтова, а также соприкасающихся с его творчеством (например: Гречанинов — русский композитор, который своей первой оперой — «Казачью колыбельную» — на стихи М.Лермонтова — отдал на суд С.Танеева).

Составляя кроссворд, необходимо соблюдать такие правила:

1. Слова загадывать в единственном числе именительного падежа (это не относится к названиям, которые могут быть, как вы знаете, в любой форме). Во множественном числе можно загадывать слова, у которых нет единственного, парные предметы и названия национальностей.
2. Нельзя брать больше пяти однородных понятий (например, поэтов, названий романов) и однокоренные слова. Никакое загаданное слово или однокоренное с ним нигде не должно встречаться в определениях.
3. Имен собственных можно загадать не больше 24; не должны превышать это число и слова с правильным чередованием гласных и согласных.

4. Старайтесь пересекать слова на согласных буквах.
5. На одну букву нельзя загадывать больше четырех слов.
6. Не используйте названия болезней и религиозные слова.

Особое внимание обратите на толкование слов. Старайтесь дать им познавательные, занимательные, интригующие определения (посмотрите кроссворды «Смены» начиная с № 17 за прошлый год). Пример познавательного определения мы привели в случае с Гречаниновым. А вот определение занимательное и интригующее: Уайльд — английский писатель, страстно увлекавшийся собиранием драгоценных камней: липа — дерево, стоящее за названием цикла «Темные аллеи» И.А.Бунина. Разумеется, эти определения в кроссворд брать нельзя, надо поискать свои.

Конечно, часть определений может быть традиционной.

Определения слов оформляйте так:

1. Драма — «Маскарад» М.Лермонтова (жанр) — (Л., 2—391).

Каждую новую позицию начинайте с новой строки и пишите при этом только на одной стороне листа, разборчивым почерком или на машинке. В конце работы расшифруйте источники толкования, которые обязательно укажите к каждому слову. В данном случае: М.Ю.Лермонтов. Избранные произведения. Л., Советский писатель, 1957. Том и страница указаны сразу. Подчеркиваем, что указывать надо именно источник определения, а не просто загаданного слова.

К домашнему заданию приложите четко выполненный рисунок (сетку), который заполните загаданными словами.

За каждое загаданное слово, относящееся к жизни и творчеству М.Ю.Лермонтова, жюри будет начислять два очка и еще два очка — за

каждую букву алфавита в начале слов сверх первых пятнадцати. Скажем, в кроссворде загадано 20 слов лермонтовской тематики, а в начале всех загаданных слов представлено 25 букв алфавита. Значит, его автору будет начислено 40 очков за слова лермонтовской тематики и еще 20 очков за 10 букв алфавита сверх пятнадцати — всего 60 очков.

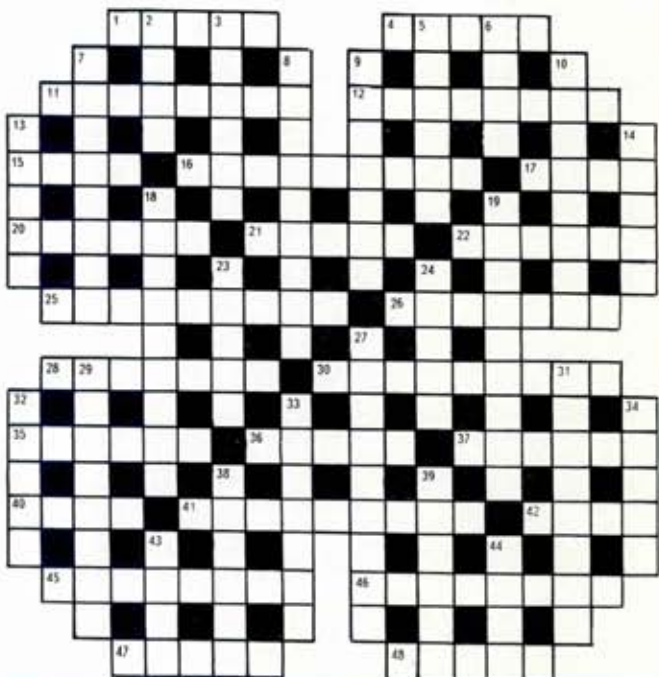
Каждый участник конкурса должен на отдельном листке крупно написанной цифрой указать общее число набранных им очков, а также выписать все слова лермонтовской тематики и все буквы алфавита, на которые загаданы слова. Кроме того, надо указать число слов с правильным чередованием и число имен собственных.

Победителями первого задания станут его участники, которые, ни в чем не отступив от условий, наберут наибольшее число очков.

Одну или две лучшие работы мы опубликуем. Кроме того, их авторам, а также еще трем призерам мы предоставим возможность вне очереди опубликовать в «Смене» свои кроссворды, если, конечно, они ни в чем не будут нарушать наши обычные правила и отличаться интересными, познавательными определениями слов. Всех их и еще пятерых участников конкурса редакция наградит почетными дипломами.

Последний срок отсылки домашней работы — 30 апреля. На конверте пометьте: «Конкурс кроссвордистов. 1-е задание».

Желаем вам приятного, интересного досуга!

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

Третий тур ПОДРЫВ ДАМОЧНЫХ ПОЛЕЙ

Эта позиция из творчества выдающегося шашкиста В.Сокова опубликована впервые в журнале «Шахматы и шашки в массы» в 1935 году.

В.Соков тонкой форсированной игрой вскрыл основной недостаток в позиции черных — отсутствие шашки на поле d8, что дает возможность белым пробраться на поле e7 и осуществить подрыв пункта f8.

1. ef2! ab4. Угрожая при случае ходом bc3 и т.д.
2. cd2! Неожиданный и труднонаходимый ход. 2... ab2 3. dc5!! У черных выбор взятия, но спасения, увы, нет: 3... f:b6 4. a:c1 или 3... b:f4 4. e:e7 f:d6 6. h:c1 с выигрышем.

Подрыв дамочных полей f8 или d8 (c1 или e1) — тема многих ярких комбинаций.

Ф.Бахтиозин, Баку.

Т.Маркус, Вильнюс.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 3 балла).

Последний срок отправления ответов на задания третьего тура — 1 апреля (по почтовому штемпелю).

ПОДПИСКА НА «СМЕНУ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Если вы захотите подписаться на наш журнал в течение 1986 года, то можете это сделать в любом почтовом отделении связи, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца (например, в течение февраля до 1 марта — на апрель и далее).

Подписка проводится свободно, без ограничений.

Цена номера 35 копеек.

Не забудьте при этом, что «Смена» выходит два раза в месяц.

Обращаем Ваше внимание на то, что в розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 2

По горизонтали:

1. Клевер. 5. ...дриада. 10. Художник. 11. Флейтист. 14. ...никталоп... 15. Прыть. 16. Ялта. 19. Наст. 20. Шквал. 21. Коперник. 24. «Льгов». 25. Магнитность. 27. Бухгалтерия. 29. Борзя. 34. Прислуга. 35. ...Иорик. 36. Щорс. 39. Ильм. 40. Эрзац. 41. Оттепель. 44. Либретто. 45. Лавуазье. 46. Имбирь. 47. Цикада.

По вертикали:

2. Лиотар. 3. Винтовка. 4. Рюкю. 5. Дефорж. 6. Инертность. 7. Дата. 8. Чуткость. 9. Ксилонит. 12. ...Юнона. 13. Жатка. 17. Раддэмс. 18. Сенокос. 22. Монголы. 23. Антидот. 26. Альгаротти. 28. Удильщик. 30. Заонежье. 31. Шпринц. 32. ...чистовик. 33. Устье. 37. Фасоль. 38. Гепард. 42. Крым. 43. Елец.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 20.12.85. Подписано к печати 03.01.86. А 01902. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 165 000 экз. Изд. № 330. Заказ № 2137. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Спортивный автограф

Главное в спорте — не сглазить.
Важнее на тренировках, все время
двигаться вперед.

Фадеев

Под рубрикой «Спортивный автограф» редакция продолжает публикацию материалов об известных советских спортсменах. Рассказать о чемпионе мира 1985 года фигуристе Александре Фадееве «Смену» просили Ю. Гайда (Запорожье), М. Зорина (Гурзуф), М. Свободная (Чебоксары), Н. Корямова (Уфа), П. Бутырин (Москва) и многие другие.

Ждем ваших писем, уважаемые читатели!

Александр ФАДЕЕВ

К мировому чемпионату фигуристов в Токио организаторы отпечатали большой плакат с именами наиболее вероятных претендентов на победу. В трех случаях из четырех прогнозы оказались точными. И только раз японские знатоки фигурного катания ошиблись: в мужских одиночных соревнованиях «фавориту номер один» канадцу Брайану Орсеру пришлось уступить пальму первенства Александру Фадееву.

Я спросил у Саши, смущала ли его перед стартом высокая репутация соперника.

— Нисколько, — ответил он. — Мой наставник, заслуженный тренер СССР Станислав Алексеевич Жук, постоянно напоминает, что настоящий спортсмен должен поменьше оглядываться по сторонам и бороться прежде всего с самим собой. Если ты будешь последовательно преодолевать свои слабости и ошибки, то рано или поздно непременно обретишь уверенность. А именно она выводит в чемпионы. В Токио я еще раз убедился в этом.

В японской столице Фадеев выступал уверенно, как никогда, хотя незадолго до того перенес серьезную травму и даже пропустил из-за нее очередной чемпионат Европы. Он превзошел Орсе-ра по всем статьям и оказался первым в каждом виде многоборья. Случайнейший в соревнованиях такого ранга.

Какой же он, чемпион мира-85?

Я уже не первую зиму внимательно присматриваюсь к Фадееву. Для своего возраста — а Саше двадцать один год — он выглядит на удивление уравновешенным, сосредоточенным и рассудительным. Держится запросто, но с некоторой лукавой хитрецой, своих и тренерских задумок до поры не раскрывает. Не любит мудреных разговоров вокруг да около фигурного катания — предпочитает тихо-мирно заниматься делом. И делает его на редкость основательно — так, чтобы каждая деталька в ледовой композиции была отшлифована до блеска и надежно подогнана одна к другой. А композиции эти необычайно сложные. Сегодня, пожалуй, больше никто из фигуристов не освоил столько уникальных элементов, сколько Александр.

Впервые он встал на коньки еще в дошкольном возрасте, на крошечном дворовом ледовом пятке в родной Казани. Вскоре его приметил один из лучших местных тренеров, Геннадий Сергеевич Тарасов. И после десяти лет упорных тренировок они отпраздновали громкую победу — Фадеев завоевал золотую медаль на юниорском мировом первенстве. Тогда же, в 1980-м, его взяли на взрослый чемпионат в ФРГ. Но там столь ярко заявивший было о себе дебютант занял только четырнадцатое место. Радость, как это часто бывает в юности, мгновенно сменилась разочарованием в собственных возможностях.

— И тут, к моему великому удивлению, пришло приглашение из Москвы, из знаменитой школы ЦСКА, — вспоминает Александр. — Мне очень не хотелось расставаться с первым тренером. Но Геннадий Сергеевич сказал: «Неприменно поезжай в столицу. Только там, в окружении больших спортсменов, постоянно соревнуясь с ними, ты сможешь стать настоящим мастером».

И Саша поехал к Жуку, о суровости и беспощадной требовательности которого к спортсменам рассказывают легенды. Станислав Алексеевич считает вполне нормальным делом дневать и ночевать на катке и не понимает, как это другие могут поступать иначе. Свои представления об идеальном фигуристе он формулирует так: «Это должен быть закаленный многоборец без слабых мест. Он обязан обладать стократным запасом прочности — и физической, и психологической. Но главное, идеальный фигурист немыслим без фанатичной одержимости работой. Тот, кто тренируется только от сих до сих, а сняв коньки, тут же забывает о фигурном катании, ничего путного на льду не добьется, каким бы он ни был одаренным». Фадеев разделяет это мнение.

В сборной страны он поначалу числился вторым номером, после Игоря Бобринина — на редкость артистичного ленинградца из той плеяды «художников на льду», которую основал знаменитый канадец Толлер Кранстон. «Художниками» бурно восторжались зрители и гораздо меньше судьи, поскольку эти талантливые фигуристы, увлекаясь созданием ярких образов, порою не обращали должного внимания на шлифовку технического мастерства. А тем фигурное катание и отличается от балета, что здесь наряду с заботами о выразительности композиций необходимо четко и чисто выполнять множество сверхсложных элементов. Иначе, даже будучи всемирно популярным, можно так ни разу и не стать мировым чемпионом. Как это, увы, и случилось со многими мастерами.

Фадеев же по натуре прежде всего спортсмен. И главное для него — победа. «Это, однако, вовсе не означает, что мы с тренером не думаем об артистизме, художественной стороне программ», — объясняет Александр. — Но мы считаем, что в основе выразительности в нашем виде спорта должно лежать безупречное владение коньком. Чем выше техника, тем обширнее твои творческие возможности. А поскольку техническому совершенству нет предела, то мои самые яркие выступления наверняка еще впереди».

Фадеев прогрессирует из года в год и в выразительности, и в чистоте катания. А соответственно растут и результаты. Если на предыдущем мировом первенстве в Оттаве москвича подвели огрехи в «школе» и в итоге он оказался только третьим, то в Токио вычерченные им на льду обязательные фигуры были выверены до миллиметра. А произвольная композиция чемпиона украсилась такими сложными, рискованными и потому особенно эффектными прыжками, к которым еще никто не подступался.

Саша вообще человек очень смелый. Не случайно наряду с фигурным катанием он увлекается мотогонками. И еще — пулевой стрельбой, ибо она развивает выдержку и точность. Кроме того, он очень любит ремонтировать и собирать сложную радиоаппаратуру. Это у него, очевидно, от отца, специалиста по электронно-вычислительным машинам. Жук абсолютно убежден, что из Фадеева мог бы получиться незаурядный инженер. Чемпион же мечтает о тренерской стезе. И потому минувшим летом поступил в Ленинградский военный институт физической культуры.

Я спросил у Александра о ближайших планах.

— Первым делом нужно доказать, что победа в Токио не была случайной. А значит, в наступившем сезоне необходимо резко повысить технику и усилить произвольную программу новыми уникальными прыжками.

— Но ведь и прошлой зимой зна у тебя была самой сложной в мире...

— Ну и что? В спорте недопустимо жить вчерашним днем, каким бы прият-

ным он ни казался. Иначе завтра неминуемо проиграешь. Я же мечтаю победить на предстоящей Олимпиаде 1988 года в Калгари. А может, посчастливится побороться за награды и на Играх-92.

Специалисты определяют ледовый стиль Фадеева как подчеркнуто мужественный и спортивный. И это, видимо, как раз тот случай, когда в стиле ярко проявляется характер.

Сергей ШАЧИН

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

